

"Орион"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Бен Бова

Орион

Неподражаемому Альфреду Бестеру

Часть первая

Феникс

1

Я не супермен.

У меня есть способности, которые лежат далеко за пределами возможностей любого другого ординарного мужчины, но я такой же человек и столь же смертен, как и любой из них.

Вероятно, источник моих способностей следует искать в особенностях моей нервной системы, но утверждать это наверняка я, конечно, не могу. Я имею возможность полностью контролировать свое тело и заставлять любую его часть почти мгновенно исполнять приказы головного мозга.

В прошлом году я научился играть на фортепьяно в течение всего двух часов. Мой учитель, тихий седовласый человек, так и не поверил, что до того дня я никогда не прикасался к клавишам. Чуть раньше в том же году я ошеломил мастера тайквандо тем, что в течение недели в совершенстве постиг искусство, изучению которого он посвятил всю свою жизнь, затратив на это немалые усилия. Ему стоило невероятного труда сохранить свою обычную невозмутимость и вежливость, но было совершенно очевидно, что он вне себя от осознания этого простого факта и посему испытывает чувство глубочайшего унижения. После этого мне не оставалось ничего иного, как покинуть его школу.

Остается только удивляться, что мои возможности все еще продолжают приумножаться. Я всегда обладал способностью контролировать свое дыхание и ритм биения моего сердца. Когда-то я наивно полагал, что на это способен любой человек, пока не прочел книгу о йогах и их якобы «мистических» способностях. Лично для меня все их трюки всегда были не более чем детской игрой...

Два месяца назад я зашел перекусить в один из ресторанчиков в центре Манхэттена. Я люблю одиночество и предпочитаю обедать попозже, дабы не оказаться среди шумной людской толпы. Было что-то около трех часов дня, и ресторан оказался почти пуст. Несколько пар сидело за отдельными столиками, негромко переговариваясь между собой. Двое пожилых туристов недоверчиво изучали французское меню, подозрительно косясь на названия незнакомых блюд. Еще одна парочка любовников сидела у задней стены помещения, взявшись за руки и каждые несколько секунд с опаской поглядывая на входную дверь. Одинокая молодая женщина занимала отдельный столик недалеко от меня. Она показалась мне на редкость красивой. Темные вьющиеся волосы падали на ее плечи, а классические черты лица выдавали в ней профессиональную фотомоделю.

Случайно она посмотрела в мою сторону, и ее холодный равнодушный взгляд, казалось, проник в самые сокровенные тайники моей души. Можно было подумать, что ее большие серые, как приполярные моря, глаза таили в себе все знание мира. Внезапно я почувствовал себя не

просто холостым, а очень одиноким человеком. Словно сраженный на месте молокосос, я ощутил настойчивое желание немедленно подойти к ее столику и завязать знакомство.

Отведя от меня свой взор, она посмотрела в сторону двери. Невольно я взглянул в том же направлении и заметил на пороге на удивление красивую мужчину неопределенного возраста. С равным основанием ему можно было дать и тридцать и пятьдесят лет. Его волевое лицо обрамляли роскошные золотые волосы. Постояв пару секунд у двери, он направился к стойке бара и уселся у зашторенного окна. И хотя незнакомец был одет в серый костюм весьма консервативного покроя, выглядел он скорее как кинозвезда или олимпийский небожитель, нежели как преуспевающий манхэттенский бизнесмен, выбравший этот час для раннего коктейля.

Моя сероглазая красотка, словно зачарованная, не сводила с него глаз. Казалось, даже в зале ресторана стало светлее от сияния, исходящего от его волос. Человек определенно излучал своеобразную ауру, способную подействовать на кого угодно. Полузабытое воспоминание шевельнулось у меня в голове. Я подсознательно почувствовал, что уже встречал этого человека и, возможно, даже знал его много лет назад. Но сколько я ни пытался, мне никак не удавалось припомнить, где, когда и при каких обстоятельствах это могло произойти.

Я украдкой бросил взгляд на молодую женщину. С видимым усилием она оторвала свой взгляд от златоволосого мужчины и обратила его в мою сторону. На ее губах заиграла слабая улыбка, что с некоторой натяжкой могло быть истолковано как приглашение к знакомству. Но тут дверь ресторана снова открылась и привлекла внимание темноволосой красавицы.

Новый посетитель не стал задерживаться на пороге и, напрямик направившись к бару, уселся на стул спиной к зашторенному окну. Если первый мужчина выглядел как случайно опустившийся на Землю златокудрый ангел, то вновь прибывший вполне мог сойти за выходца из преисподней. Тяжелое, мрачное лицо под шапкой иссиня-черных волос было под стать сильному, мускулистому телу. Темные глаза гневно сверкали из-под густых, мохнатых бровей. Тяжелым басом он обратился к бармену и заказал себе бренди.

Я допил свой кофе и решил: самое разумное, что я могу сделать, – это поскорее расплатиться, а по пути к выходу немного задержаться у столика моей модели и поболтать с ней. Я попытался отыскать глазами своего официанта среди его коллег, торчавших у двери на кухню в глубине зала и болтавших между собой на странном жаргоне, состоявшем из причудливой смеси французских и итальянских слов. Это обстоятельство и спасло мне жизнь.

Маленький лысый человек в черном пальто неожиданно выскочил из двери кухни и швырнул в зал черный яйцевидный предмет. Даже неспециалист легко угадал бы – это ручная граната. Я отчетливо помню каждую деталь того эпизода, словно наблюдал его при замедленной съемке. Сейчас я отдаю себе отчет, что в тот момент все мои рефлексы сработали с невероятной даже для меня скоростью. Я заметил, как человек проворно нырнул обратно в кухню, а официанты, застигнутые врасплох, застыли на месте, словно пораженные громом. Большинство же присутствующих просто не обратили на него внимания, даже не подозревая, что находятся на волосок от гибели. Моя же молодая красавица сидела спиной к гранате и вовсе не могла ее видеть. Бармен с расширенными от ужаса глазами наблюдал, как смертоносный предмет упал на пол и покатился по ковру менее чем в пяти футах от меня.

Я издал предостерегающий возглас и рванулся вперед, опрокидывая оказавшиеся на моем пути столики, намереваясь защитить молодую девушку, оказавшуюся в опасной близости от предполагаемого места взрыва.

Слава Богу, я успел вовремя. Мы одновременно грохнулись на пол, причем, естественно, я оказался сверху. Звон разбивающихся тарелок и бокалов утонул в грохоте взрыва, подобно вспышке молнии осветившего помещение. Дальше начался сплошной ад. Ресторан наполнился криками пострадавших и просто перепуганных людей, дымом загоревшейся ткани и едким запахом взрывчатки.

Как ни удивительно, но я не получил ни единой царапины. Стол, за которым несколько секунд назад сидела молодая девушка, обратился в щепки, а стена позади нас покрылась выбоинами от многочисленных осколков. Над нами висело облако дыма. Я опустился на колени рядом с потерявшей сознание девушкой. На ее лбу красовалась огромная ссадина, но в остальном она практически не пострадала. Я обернулся и сквозь клубы дыма бросил взгляд на прочих моих товарищей по несчастью. Большинству повезло куда меньше, чем нам. Одни, истекая кровью, лежали на полу; другие, отброшенные взрывной волной, жались к стенам. Со всех сторон доносились стоны и призывы о помощи, одна женщина истерически рыдала.

Я взял молодую фотомоделю на руки и вынес ее на улицу, затем вернулся в помещение и помог выбраться наружу еще одной паре. В тот момент, когда я укладывал их на тротуар среди многочисленных осколков стекла выбитой взрывом витрины, рядом раздался вой сирены и на месте происшествия появились машины полиции, пожарных и «скорой помощи». Передав дело в руки профессионалов, я отошел в сторону.

Люди, сидевшие у стойки бара, исчезли без следа. Оба, и златокудрый и темноволосый, мужчины, похоже, удалились в самый момент взрыва. По крайней мере их не оказалось на месте, когда я первый раз поднялся с пола. Мертвый бармен был практически перерезан пополам осколками, но его клиенты словно растворились в воздухе.

Когда пожарные справились с огнем, полицейские вынесли из ресторана четверых погибших и уложили их тела на асфальт, прикрыв одеялами. Врачи прямо на месте оказывали помощь раненым. Все еще не пришедшую в сознание девушку унесли на носилках. Прибыло еще несколько машин «скорой помощи». Толпа, успевшая собраться на месте взрыва, возбужденно гудела.

- Проклятые уроды из ИРА, [1] - проворчал один из копов.

- Господи помилуй! Неужели они ухитрились добраться даже сюда? - удивился второй.

- Может быть, это и пуэрториканцы, - предположил третий представитель закона вибрирующим от гнева голосом.

- Или сербохорваты. Помнишь, как они попытались подложить бомбу под статую Свободы?

Полицейские задали мне несколько вопросов, после чего передали в руки врачей для профилактического осмотра.

- А вы счастливчик, мистер, - заключил один из медиков, закончив беглое обследование. - У вас даже прическа не пострадала.

Счастливчик? Я ощущал себя совершенно окоченевшим, словно все мое тело было погружено в густой, промозглый туман. Я мог видеть, двигаться, дышать и думать. Но я не мог чувствовать. Я предпочел бы испытывать гнев, горе, на худой конец страх. Но я был холоден, как глупая корова, которая смотрит на мир безмятежными, ничего не выражающими глазами. Я подумал о молодой женщине, которую только что на моих глазах увезли в больницу. Что заставило меня попытаться спасти ее? Кто устроил этот идиотский взрыв? Пытались ли неизвестные

террористы убить ее? Или одного из мужчин у стойки бара? Или, наконец, меня?

Как всегда с завидной оперативностью появились два фургона телевидения, и репортеры рассыпались по улице, чтобы взять интервью у капитана полиции и свидетелей происшествия. Другие лихорадочно устанавливали переносные телевизионные камеры. Одна из журналисток, неприятная остроносая женщина с гнусавым голосом, в течение нескольких минут пыталась узнать мое мнение о случившемся. Я автоматически отвечал на ее вопросы, не пытаясь даже бороться с охватившим меня оцепенением.

Когда полицейские позволили мне удалиться, я с трудом пробрался сквозь взбудораженную толпу и прошел три квартала пешком до своего офиса. Мне не хотелось ни с кем разговаривать о недавнем взрыве, и я сразу прошел в свой маленький кабинет и захлопнул за собой дверь.

Вплоть до самого вечера я сидел за столом, размышляя, кому понадобилось бросать гранату и каким, собственно, образом мне удалось избежать верной гибели. Эти размышления заставили меня задуматься о моих необычайных способностях. Возможно, что два незнакомца, сидевших у стойки бара, обладали такими же талантами? Затем мои мысли снова вернулись к молодой женщине. Закрыв глаза, я попытался восстановить в памяти картину того, как машина «скорой помощи» увезла ее с места происшествия. «Госпиталь Святого Милосердия» – было начертано на борту фургона. С помощью персонального компьютера мне в считанные секунды удалось установить адрес больницы. Я встал из-за стола и вышел из кабинета.

Освещение в комнате автоматически отключилось, едва я закрыл за собой входную дверь.

2

Только когда я миновал вращающиеся двери главного входа госпиталя Святого Милосердия, до меня дошло, что я не знаю имени женщины, навестить которую собрался. Стоя посредине переполненного обезумевшей толпой вестибюля, я окончательно понял всю нелепость моей попытки обратиться за помощью к кому-нибудь из присутствовавших здесь представителей медперсонала больницы. Судя по их измученному виду, забот у них и без меня хватало. Несколько минут я стоял совершенно потерянный, не представляя, что я могу еще предпринять в подобной ситуации, пока не заметил поблизости полицейского в форме. Это подало мне новую идею. Шаг за шагом я кружил по вестибюлю, расспрашивая всех попадавшихся мне представителей закона о людях, доставленных сегодня в госпиталь после взрыва в ресторане в центре Манхэттена. Чтобы не привлечь к себе излишнего внимания, я представлялся им в качестве агента страховой компании, ведавшей делами ресторана. Только один из копов, могучего сложения негр с импозантными усиками, заподозрил неладное и потребовал предъявить ему мое удостоверение. Я показал ему мой страховой полис, выглядевший достаточно внушительно, чтобы убедить не слишком внимательного человека в том, что я не лгу. Впрочем, как я и предполагал, он едва взглянул на документ. Возможно, мой респектабельный, самоуверенный вид послужил дополнительным аргументом в мою пользу.

Меньше чем через полчаса я был допущен в больничную палату на шестнадцать мест, половина из которых пустовала. Дежурная медсестра подвела меня к кровати, на которой, закрыв глаза, лежала молодая женщина. Ссадина на ее лбу была аккуратно заклеена свежим пластырем.

- У вас всего несколько минут, сэр, - предупредила меня медсестра шепотом.

Я молча кивнул.

- Мисс Промачос, - негромко позвала медсестра, склоняясь над постелью, - к вам посетитель.

Ресницы молодой женщины дрогнули. У меня появилась новая возможность заглянуть в огромные серые глаза, показавшиеся мне бездонными, как сама Вечность.

- У вас не более нескольких минут, сэр, - повторила медсестра, прежде чем вернуться к своим делам.

Звук ее легких шагов по кафельному полу замер где-то в глубине комнаты.

- Вы... вы - тот самый человек, кто спас меня в ресторане.

Сердце у меня бешено заколотилось, но на этот раз я даже не сделал попытки умерить его биение.

- С вами все в порядке? - спросил я.

- Да, и только благодаря вам. Разве что ссадина на лбу, но, по уверениям врачей, мне не придется даже делать пластическую операцию. Шрама не останется.

- Прекрасно.

На ее губах играла слабая улыбка.

- Ну, конечно, я получила еще несколько синяков, когда вы сбили меня на пол.

- Сожалею.

На этот раз она рассмеялась.

- Вам незачем извиняться. Если бы вы этого не сделали... - Смех затих, и на ее миловидном лице появилось озабоченное выражение.

Я подошел чуть поближе.

- Я очень рад, что вы не получили серьезных ранений. Я... я даже не знаю вашего имени.

- Арета, - сказала она. - Зовите меня Арета.

Ее низкий, слегка вибрирующий голос, совершенно лишенный высоких, пронзительных нот, показался мне удивительно женственным и, на мой взгляд, абсолютно соответствовал ее облику.

Она не спросила моего имени, бросила на меня холодный, внимательный взгляд, словно ожидая услышать от меня что-то. Нечто чрезвычайно важное.

Я почувствовал себя несколько неловко и, кроме того, был совершенно сбит с толку.

- Вы не знаете, кто я такая, не так ли? - спросила она.

Во рту у меня стало сухо.

- Откуда мне знать?

- Значит, вы ничего не помните?

«Что я должен помнить?» - хотелось мне спросить ее. Но вместо этого я лишь отрицательно

покачал головой.

Она слегка приподнялась на постели и взяла меня за руку. Ее холодные пальцы успокаивающе поглаживали мою руку.

- Ничего страшного, - сказала она негромко. - Я помогу вам. Для этого я и нахожусь здесь.
- Помочь мне? - Мне показалось, что я схожу с ума. Что она хотела этим сказать?
- Вы помните двух мужчин, сидевших сегодня днем у стойки бара?
- Златокудлый красавчик?.. - Портрет неизвестного мгновенно предстал перед моими глазами.
- И еще второй. Темноволосый. - Лицо Ареты стало серьезным. - Вы помните его?
- Да.
- Но не помните, кто они такие?
- Как я могу вспомнить то, чего не знаю?
- Вы должны вспомнить! - Ее пальцы повелительно сжали мою руку. - Это чрезвычайно важно.
- Но я не знаю, кто они такие. Я их никогда не видел до сегодняшнего дня.

Ее голова бессильно упала на подушку.

- Вы раз уже видели их. Так же, как и я. Но сейчас вы не можете помнить об этом.

За моей спиной я услышал характерный звук шагов возвращавшейся медсестры.

- Все это очень странно, - пробормотал я. - Вы можете мне сказать, почему в ресторан бросили бомбу? Чья это работа?

вернуться

1

IRA - Ирландская республиканская армия

- Это как раз несущественно. Я нахожусь здесь для того, чтобы помочь вам вспомнить свое предназначение. То, что произошло сегодня днем, не более чем тривиальный эпизод.

- Тривиальный? Хорошенькие дела! Четыре человека убиты!

Свистящий шепот прервал наш разговор.

- Свидание окончено, сэр. Пациентка нуждается в отдыхе.

- Но...

- Она нуждается в отдыхе!

Арета улыбнулась:

- Все в порядке. Вы можете вернуться завтра утром. Тогда я и расскажу вам обо всем.

Я пожелал ей доброй ночи и неохотно покинул палату...

Медленно пробираясь сквозь лабиринт больничных коридоров, я почти не обращал внимания на людей, сновавших вокруг меня, как муравьи в растревоженном муравейнике. Их собственные истории, утраты и боль были не менее далеки от меня, чем самые удаленные звезды.

Информация, полученная от Ареты, заставляла мой мозг работать с удвоенной силой и одновременно причиняла мне танталовы муки ввиду очевидной невозможности получить немедленный ответ на интересующие меня вопросы.

Арета знала меня! Мы встречались и раньше. Я должен вспомнить ее и двух мужчин, находившихся вместе с нами в ресторане. Но, увы, в моей памяти было так же пусто, как на потемневшем экране выключенного компьютера.

К тому времени как я спустился в вестибюль и вышел на улицу, я уже принял решение. Вместо того чтобы отправиться прямо домой, я дал водителю такси адрес моего офиса, где хранилось мое персональное досье.

Общие данные были мне хорошо известны и не представляли для меня особого интереса.

Имя - Джон Г.О'Райан. Год, место рождения...

Правда, и эти стандартные сведения порой заставляли меня чувствовать себя слегка не в своей тарелке, как будто мое имя принадлежало не мне, а совсем другому человеку.

Джон О'Райан?

Что-то в этом было не так.

Я - глава отдела маркетинговых исследований корпорации «Континентал Электронике», международной фирмы, производящей лазеры и другое высокотехнологическое оборудование. Мне тридцать шесть лет. Но, странное дело, я всегда чувствовал себя моложе...

Всегда ли?

Я попытался припомнить тот день, когда мне исполнилось тридцать лет, и испытал неприятный шок, выяснив, что он совершенно выпал из моей памяти. Зато свое тридцатитрехлетие я помнил до мельчайших подробностей. Этот вечер я провел с Адриенной, личным секретарем моего босса. Удивительный, незабываемый вечер. К сожалению, несколько недель спустя Адриенна была переведена в наш Лондонский филиал, с тех пор я, похоже, все свое время посвящал только компьютерам и моей работе.

Я попытался припомнить лицо Адриенны и снова не смог этого сделать. Мои воспоминания ограничивались темными волосами, сильным, податливым телом и блестящими серыми глазами.

То, что произошло со мной до этого дня, совершенно сгладилось в моей памяти. Я пытался сконцентрироваться на этой теме до тех пор, пока мускулы моего лица не заболели от

напряжения, но все было тщетно.

Относительно всего того, что произошло ранее этой даты, в моей памяти был полный провал. Я не мог вспомнить своих родителей. У меня не сохранилось абсолютно никаких воспоминаний о моем детстве. Выяснилось даже то, что у меня нет ни друзей, ни даже просто знакомых за пределами узкого круга сотрудников моего отдела.

Я сидел весь в холодном поту.

«Кто же я такой? Почему это произошло именно со мной?»

Я проторчал в своем маленьком, оборудованном всеми атрибутами современной техники кабинете до позднего вечера, пока сумерки за окном не сменились чернильной темнотой ночи. Я сидел в полном одиночестве за полированным столом из бразильского красного дерева и тупо смотрел на экран персонального компьютера, на котором мелькали сведения о моей собственной биографии.

Имена. Даты. Названия школ и колледжей, где я учился. Ни одно из них ничего не говорило мне и не вызывало ни малейшего отклика в моей памяти.

Я поднял глаза на полированное хромированное зеркало, висевшее напротив моего стола. Джон Г.О'Райан собственной персоной смотрел на меня с противоположной стены. Незнакомец, с густыми темными волосами и ничем не примечательным лицом, единственной отличительной особенностью которого было разве что слабое сходство с чертами лиц представителей народов, населяющих Средиземноморье. Еще сравнительно молодой человек, чуть ниже шести футов ростом, с хорошо развитой фигурой, одетый в характерную униформу преуспевающего администратора: темно-синюю тройку, светлую рубашку и аккуратно завязанный темно-бордовый галстук.

Если верить сведениям, приведенным в досье, в школе я был хорошим атлетом. Да и сейчас я находился в неплохой форме, хотя явно не тянул выше среднего стандарта. Мне ничего не стоило раствориться в толпе, не привлекая к себе повышенного внимания окружающих.

«Так кто же все-таки я такой?»

Я никак не мог отделаться от неприятного ощущения, что был просто помещен в этот город, в эту жизнь три года назад неизвестной мне волей или силой, позаботившейся предварительно о том, чтобы стереть из моей памяти все воспоминания о прежней жизни.

Для меня было совершенно очевидно, что я должен наконец установить, кому или чему я обязан своим пребыванием в этом мире. Арета обладала ключом к моему прошлому, она знала о нем и хотела сообщить мне эти сведения. Мое сердце забилось быстрее, мое дыхание участилось, стало почти тяжелым. Мое возбуждение росло, и несколько минут я упивался этим ощущением. Затем усилием воли я понизил содержание адреналина в моей крови, замедлил ритм биения сердца и частоту дыхания.

Не знаю почему, но я был уверен, что брошенная граната предназначалась именно мне. Не Арете или кому-нибудь другому. Только мне.

Кто-то пытался убить меня!

Инстинктивно я чувствовал, что, пытаясь выяснить свое истинное происхождение, я подвергаю себя смертельной опасности.

Скорее всего меня ждет смерть.

Но для меня уже не существовало пути назад. Я чувствовал, что обязан выяснить все до конца. Я также понимал, что кем бы я ни был, каким бы ни было мое прошлое, оно включало в себя не только Арету, но и двух незнакомцев – златокудрого ангела и черного демона. Один из них или, может быть, оба и пытались убить меня.

3

На следующее утро после взрыва в ресторане я вошел в мой офис ровно в девять, немного позднее, чем обычно. Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы увильнуть от ответов на многочисленные вопросы моей секретарши и нескольких сотрудников, либо видевших вечерний выпуск новостей ТВ, либо успевших ознакомиться с утренними газетами с моими фотографиями на первых полосах, на которых я был запечатлен среди окровавленных тел убитых и тяжело раненных людей.

Усевшись за рабочий стол, я первым делом дал команду моему компьютеру соединить меня с госпиталем Святого Милосердия. Компьютер больницы голосом профессиональной актрисы сообщил мне, что часы для посещений – с двух до четырех днем и с шести до восьми по вечерам. Состояние мисс Промачос хорошее, но она не может подойти к телефону, так как в данный момент проходит медицинский осмотр у своего лечащего врача.

Я оставил сообщение, что буду в госпитале около двух, затем занялся текущими делами, которые успешно закончил к назначенному сроку. По неизвестной причине настроение у меня было превосходное. Я чувствовал себя так, словно черная повязка упала с моих глаз и перед моим взором внезапно открылся пейзаж удивительной красоты.

Разумеется, я отдавал себе отчет в том, что моя память по-прежнему представляет собой чистый лист бумаги и я столь же, как и раньше, далек от разрешения интересующей меня проблемы. Я понимал также, что моя жизнь, вероятнее всего, подвергается серьезной опасности. Но сегодня даже ощущение угрозы, нависшей над моей головой, представлялось мне восхитительно возбуждающим. Еще двадцать четыре часа назад я находился в состоянии эмоционального коллапса, являясь, по сути дела, живым автоматом. Я даже не догадывался о том, что большая часть моей памяти была кем-то безжалостно стерта. Я ел, пил, дышал, но ничего не чувствовал. Сейчас я ощущал себя человеком, внезапно вынырнувшим на залитую солнцем поверхность океана после долгого пребывания в его мрачных глубинах.

По мере приближения назначенного часа мое возбуждение усиливалось. Теперь я чувствовал себя почти подростком, спешащим на первое в жизни свидание. Я предпочел отказаться от ленча, поскольку был слишком разгорячен, чтобы хотеть есть.

Я оставил офис незадолго до двух и, с трудом поймав такси на оживленной улице, нетерпеливо ерзал на сиденье, пока машина медленно пробивалась сквозь плотный поток машин в направлении госпиталя Святого Милосердия.

– Мисс Промачос, – сообщила мне медсестра, сидевшая за столом у входа в палату Ареты, – покинула больницу примерно полчаса тому назад.

От удивления я едва удержался на ногах, словно человек, неожиданно получивший удар между глаз.

– Покинула больницу? – пробормотал я.

- Да. Вы мистер Райан?

Я молча кивнул головой.

- Она оставила записку для вас. - Медсестра вручила мне сложенный листок бумаги. На нем карандашом было нацарапано мое имя. Очевидно, Арета писала в большой спешке, даже в своем имени я заметил орфографические ошибки.

Я развернул листок и прочитал следующее:

«У меня нет времени. Это темноволосый...»

Ниже, уже совсем неразборчивыми каракулями, было написано еще одно слово: «Андеграунд».

Я нервно скомкал листок бумаги.

- Когда, вы сказали, она покинула госпиталь?

Медсестра, несомненно, была стреляной птицей. Выражение ее прищуренных глаз ясно говорило о том, что у нее нет ни малейшего желания оказаться замешанной в какое-нибудь сомнительное дело.

- Когда? - повторил я.

Она неохотно перевела взгляд на электронные часы, висевшие напротив ее кресла.

- Двадцать восемь минут назад, если вам необходимо знать совершенно точно, - проворчала она.

- С кем она покинула больницу?

- Я не спрашивала его имени. С меня было достаточно желания самой мисс Промачос.

- Вы можете описать его внешность?

Она все еще колебалась. На ее физиономии отчетливо читались все перипетии борьбы, происходившей в ее мозгу.

- Крупный мужчина, - произнесла она наконец. - Не такой высокий, как вы, но очень крупный. Если вы понимаете, что я имею в виду. Мощный, словно танк. Вылитый горилла из фильма о мафии, а то и еще похуже. Вид у него был... угрожающий. Способен испугать кого угодно.

- Могучего сложения, темноволосый, с густыми бровями?

- Это он. - Она утвердительно кивнула головой. - Только мне показалось, что мисс Промачос не слишком опасалась его. Я была напугана, не скрою, но она... думаю, что нет. Вела себя так, словно хорошо знала его или он был членом ее семьи.

- Семьи бывают разные...

Медсестра не имела ни малейшего представления о том, куда они направились. Против правил госпиталя было сообщать посторонним местожительство пациентов, но она дала домашний адрес Ареты после небольшого нажима с моей стороны. Похоже, темноволосый незнакомец действительно напугал ее.

Я взял другое такси и отправился по адресу, который дала мне медсестра. Арета жила в другом конце города, недалеко от Бруклинского моста. Водитель, латинос, скоро запутался в хитросплетении улочек Ист-Сайда. Я заплатил ему по счету и прошел несколько кварталов в поисках нужного дома.

Как скоро выяснилось, такого адреса просто не существовало. Информация оказалась примитивной фальшивкой. Я остановился на углу улицы, начиная чувствовать себя неловко в моем дорогом деловом костюме там, где все без исключения носили джинсы, рабочие спецовки, рубашки свободного покроя или даже шали, судя по всему еще недавно бывшие обыкновенными скатертями. Я не опасался за себя, хотя взгляды, которые я порой ловил, при всем желании трудно было назвать дружелюбными. Я сконцентрировал все свои мыслительные способности, пытаюсь понять, почему Арета сообщила администрации больницы фальшивый адрес. Я не сомневался, что медсестра была искренна в разговоре со мной. Следовательно, сама Арета вполне сознательно сказала неправду.

«Андеграунд»...

Что она подразумевала под этим словом? Андеграунд? Я взглянул на свои часы. Прошел почти час с того момента, когда она покинула госпиталь. За это время они могли оказаться в любой точке огромного перенаселенного города.

- Эй, у тебя отличные часы, приятель.

Я почувствовал, как острие ножа уперлось в мою спину, а зловонное дыхание его владельца защекотало мне ноздри.

- Мне действительно нравятся твои часы, парень, - продолжал он басом, стараясь придать голосу угрожающие нотки.

Я вовсе не хотел оказаться ограбленным среди белого дня на углу оживленной улицы. Этот болван, стоявший сейчас вплотную за моей спиной и почти воткнувший свой нож в мою поясницу, был настолько наивен, что надеялся, что я покорно позволю обобрать себя на глазах многочисленных прохожих.

- Просто отдай мне твои часики и держи свое хлебало закрытым.

Я приподнял руки, словно собирался снять часы с запястья, и, резко повернувшись, ударил его локтем в адамово яблоко, после чего ребром ладони нанес рубящий удар по переносице грабителя. Нож выпал из его руки и звякнул о тротуар. Новый удар в солнечное сплетение выбил остатки воздуха из его груди, так что малый не мог даже закричать. Согнувшись пополам, он опустился на асфальт, закрывая руками сломанный нос. Кровь заливала его грязные лохмотья. Схватив его за волосы, я резким движением откинул его голову назад и заглянул в залитое кровью лицо.

- Убирайся отсюда, прежде чем я потеряю терпение, - предупредил я его и левой ногой отправил его игрушку в сточную канаву.

Второго приглашения не потребовалось. С перекошенным от боли и страха лицом он вскочил на ноги и исчез в ближайшей подворотне со всей быстротой, на которую был еще способен. Несколько прохожих бросили на меня косые взгляды, но никто не сказал ни слова и не сделал попытки вмешаться в инцидент. Поистине, Нью-Йорк - удивительное место.

Андеграунд?

Неожиданно прямо из-под моих ног до меня донесся стук колес поезда подземки.

«Андеграунд» – английское слово, равнозначное американскому «сабвэй» или французскому «метро». Я знал, что одна из станций была расположена прямо у главного входа госпиталя Святого Милосердия. Бросив взгляд на другую сторону улицы, я обнаружил, что вход в подземку находится прямо против меня. Я перебежал, не дожидаясь сигнала светофора, вызвав тем самым хор протестующих автомобильных гудков и проклятий взбешенных владельцев машин, скатился вниз по лестнице и оказался в грязном, пропахшем нечистотами помещении. Мне пришлось изучить несколько развешанных вдоль стены схем нью-йоркского метро, прежде чем удалось найти такую, где бы под написанными от руки непечатными словами и высказываниями можно было различить название станций. Сомнений не было: станция, где я находился, была соединена прямой линией с той, что возле госпиталя Святого Милосердия.

Андеграунд. Итак, они отправились сюда и вышли из поезда именно на этой станции. Вот что означала написанная в спешке записка Ареты.

Что же делать теперь? Куда они направились дальше? Поезд, состоящий из четырех обшарпанных вагонов, с грохотом вкатился на станцию и под лязг тормозов остановился у платформы. Как и схемы, стены вагонов были испещрены похабными рисунками и солеными выражениями. Автоматически я начал осматривать состав, отчаянно надеясь найти несколько слов, оставленных специально для меня. Тщетная попытка.

Двери вагонов с шипением распахнулись, и пассажиры высыпали на платформу. Я направился было к первому вагону, но негр в форме железнодорожного служащего остановил меня.

- Последняя остановка, мистер. Поезд идет в тупик. Следующий поезд в верхнюю часть города через пять минут. Отправление со второй платформы верхнего уровня.

Двери захлопнулись, пустой поезд отошел от платформы и скрылся за поворотом туннеля. Я прислушался, стараясь не обращать внимания на характерные звуки подземки; разговоры пассажиров, грохот рок-музыки, доносившийся из магнитофонов компании мальчишек; визгливый смех девчонок-подростков.

Поезд, скрывшийся за поворотом туннеля, остановился всего в нескольких сотнях метров от меня.

«Поезд направляется в тупик», – вспомнил я слова железнодорожного служащего. Насколько мне было известно, именно в таких тупиках свободные составы находятся какое-то время, пока снова не потребуются на линии.

Я огляделся вокруг. Никто не обращал на меня ни малейшего внимания. Дойдя до конца платформы, я легко перепрыгнул через ограждение, закрывавшее доступ к железнодорожному пути, и спустился по ступенькам, ведущим в туннель. Грязь, накопившаяся здесь за долгие годы эксплуатации, могла поразить воображение самого бывалого человека. Полотно туннеля напоминало канализационную трубу, по которой, по прихоти строителя, зачем-то проложили рельсы. Я обратил внимание, что третий рельс, по которому передавалась электроэнергия, позволяющая вести составы, обшит деревянными досками. К этому времени мои ботинки уже успели промокнуть от смрадной грязи, покрывавшей полотно туннеля, и, махнув рукой на осторожность, я взобрался на него в твердой решимости довести до конца свое рискованное предприятие.

В отдалении послышался звук приближавшегося поезда. В стенках туннеля имелись

многочисленные ниши, позволявшие человеку укрыться в них как раз в случае возникновения подобной ситуации. И когда состав приблизился на опасное расстояние, я забился в одну из них, прижавшись спиной к грязной стене. Ощущение было не из приятных, но все обошлось благополучно. И все же это оказалось отнюдь не легким испытанием для моих нервов. Мне потребовалось по меньшей мере несколько минут, чтобы как следует отдышаться после того, как грохочущие вагоны пронеслись всего в нескольких дюймах от моего лица.

Взяв себя в руки, я покинул свое убежище и двинулся дальше вслед за удаляющимся поездом. В тупике уже находилось около дюжины или более таких составов, неподвижно стоявших рядом друг с другом. Редкие фонари над моей головой располагались слишком далеко один от другого, и их света явно не хватало, чтобы разогнать мрачную тьму, царившую в туннеле.

«Они должны быть где-то рядом, – пытался убедить я самого себя. – Больше им просто некуда деться».

Я остановился и, задержав дыхание, прислушался. От одних глаз при таком освещении было мало проку. Странный скребущийся звук донесся из темноты. Стая небольших животных пронеслась мимо меня. Одно из них задело мою ногу, едва не заставив меня потерять равновесие. Крысы. Десятки, а может быть, сотни отвратительных красных глаз смотрели на меня со всех сторон.

Затем я услышал голоса. Я не мог разобрать отдельных слов, но несомненно разговаривали мужчина и женщина.

Я начал красться в том направлении, откуда доносились голоса, стараясь двигаться по возможности бесшумно.

- Что вы сказали ему? – рявкнул мужчина.

Этот грубый, омерзительный и угрожающий голос мог принадлежать только безобразному темноволосому демону, которого накануне я видел мельком в зале ресторана.

- Ничего.

Без сомнений, обладательницей женского голоса была Арета.

- Я хочу знать в точности, что вы успели рассказать ему? – настаивал демон.

- Я не сказала ему ничего!

За этими словами последовал странный шум, мгновенно заглушенный криком боли испуганной девушки.

- Скажи мне!

Забыв об осторожности, я помчался вдоль деревянного короба, думая только о том, чтобы успеть вовремя.

Арета вновь закричала в тот самый момент, когда я, проскользнув между двумя неподвижно стоявшими составами, наконец увидел их в тусклом свете одинокого фонаря.

Они находились в самом конце туннеля. Арета полусидела-полулежала на грязном полу со связанными за спиной руками. Грязный пластырь все еще прикрывал ссадину на ее лбу.

Темноволосый мужчина стоял чуть поодаль, глядя сверху вниз на свою пленницу. Вокруг девушки, в ожидании своего часа, сидели крысы. Несколько дюжин крыс. Обнаженные ноги Ареты кровоточили. Ворот ее блузы был оборван, и огромных размеров крыса, омерзительная и уродливая, словно создание самого ада, уже тянулась к прекрасному, даже в этот момент, лицу молодой женщины.

Я издал яростный рев и рванулся к ней. На бегу я успел заметить, как темноволосый мужчина повернулся в мою сторону. Помню еще, что меня поразили его глаза – такие же красные и злые, как и у окружающих его тварей. Очевидно, он также узнал меня, едва я выскочил на освещенное пространство, и в то же мгновение беззвучно растворился во мраке, словно насмехаясь над моей беспомощностью.

Голыми руками я расшвырял с десятков крыс, собравшихся вокруг Ареты, и, поймав двух из них за скользкие хвосты, размозжил им головы о стену ближайшего вагона. Как бешеный я кидался из стороны в сторону, топтал их ногами, молотил кулаками до тех пор, пока вся стая не бросилась искать укрытия в спасительной темноте туннеля.

Вокруг меня больше никого не было.

Я бросил взгляд на неподвижно лежавшую Арету. Ее невидящие глаза были обращены в мою сторону. На горле зияла страшная рваная рана. Я опустился на колени и поднял голову красавицы из грязи, уже успевшей пропитаться ее кровью. Увы, я безнадежно опоздал.

Арета была мертва.

4

Следствием приступа бессильной ярости, пережитого мною в тот злополучный день, явилось состояние глубочайшего шока, настолько подавившего все мои эмоции, что я не чувствовал практически ничего.

Двое суток полицейских допросов, проверок на детекторе лжи, общего медицинского и специализированного психиатрического обследования я пережил, как настоящий робот: послушно отвечая на задаваемые мне вопросы и никак не реагируя на вводимые мне стимуляторы, словно трагедия, участником которой я стал, не имела ко мне ровным счетом никакого отношения.

Тем не менее в своих показаниях я ни разу не упомянул таинственного темноволосого мужчину, истинного убийцу Ареты. Крысы, перегрызшие яремную вену девушки, были лишь исполнителями его злой воли. И он воспользовался своей властью над гнусными тварями столь же эффективно, как и профессиональный киллер, который применяет в подобных случаях свой пистолет. Но я предпочел оставить свое мнение при себе. Я ограничился тем, что сообщил врачам и полицейским, что, отправившись на поиски Ареты, я нашел ее в тупике метро в тот самый момент, когда крысы со всех сторон атаковали ее. К сожалению, я появился слишком поздно. По крайней мере эта часть моих показаний была правдой.

Нечто погребенное глубоко внутри моего подсознания предостерегло меня от малейшего упоминания о роли темноволосого демона в этой истории. Инстинктивно я чувствовал, что иная линия поведения привела бы лишь к дополнительным осложнениям с полицейскими и медиками. Но было еще одно соображение, побудившее меня воздержаться от упоминания о настоящем убийце. Я хотел найти его сам и своими руками рассчитаться с ним за смерть девушки.

Короче, я утаил все основные факты. Впрочем, и полицейские не были дураками. Разумеется, они понимали, что молодая девушка не станет просто так спускаться в тупик подземки, как и то, что незнакомец, случайно оказавшийся вместе с ней жертвой террористического акта накануне, не станет без крайней необходимости отправляться на ее поиски. Они ясно дали понять, что не верят мне, и предложили пройти испытание на детекторе лжи. Я равнодушно согласился. На любые их вопросы я отвечал совершенно спокойно, словно речь шла о самых банальных событиях. Показания детектора получились в точности такими, какими я хотел их видеть. С моими способностями контролировать частоту биения собственного пульса и степень потовыделения подобное испытание было для меня детской игрой.

После психиатрического обследования в Белльвю, продолжавшегося в течение целой ночи, полицейские неохотно отпустили меня.

Вернувшись домой, я позвонил своему боссу и сообщил, что уже завтра буду на работе в обычное время. Он был слегка удивлен и осведомился, как я себя чувствую после двух столь суровых испытаний, выпавших на мою долю в течение последних нескольких дней.

- Со мной все в порядке, сэр, - объяснил я.

Это было истинной правдой. Физически я был совершенно здоров, а свои эмоции держал под строгим контролем. Может быть, слишком строгим?

- А не лучше ли вам взять отпуск на неделю-другую? - поинтересовался шеф.

Черты его обычно сурового лица, которое я видел на маленьком экране моего телефонного монитора, сегодня казались необычайно мягкими.

- Нет, благодарю вас, сэр. Я чувствую себя превосходно. Буду в офисе завтра утром и надеюсь, что мое временное отсутствие не нанесло ущерба работе.

- О, мы еще в состоянии обойтись без вас некоторое время, - успокоил он меня. - Хорошо, ждем вас завтра утром.

- Благодарю вас, сэр.

Едва положив телефонную трубку, я уже перестал думать о работе. Моей главной задачей было найти убийцу Ареты. Темного дьявола. Или, еще лучше, его и златокудрого красавчика сразу. Оба они являлись неотъемлемой частью, но чего?.. Вероятно, моей собственной жизни, как следовало из намеков Ареты.

Я попытался припомнить их поведение в ресторане. Они не обменялись ни единым словом, я был уверен в этом. Насколько я помню, они даже почти не смотрели друг на друга. Но и единственный взгляд, которым они все-таки обменялись, никак нельзя было назвать дружелюбным. Они смотрели друг на друга всего какую-то долю секунды, но сколько ненависти излучали их глаза в это мгновение.

Итак, они знали, более того, ненавидели друг друга. Вероятно, если мне удастся найти одного, то не потребуется много времени, чтобы отыскать и другого.

Но как найти людей, чьих имен я даже не знаю, в городе с населением в семь с половиной миллионов человек? А что будет, если мои рассуждения окажутся ошибочными? Не схожу ли я с ума? Не был ли я сам причиной смерти Ареты, достаточно откровенно намекали полицейские, допрашивая меня? Почему я не могу припомнить ничего из того, что случилось

со мной более чем три года назад? Кто я – жертва амнезии, параноик или сумасшедший, одержимый кровожадными фантазиями? Не мог ли я просто придумать этих двух людей как воплощение Света и Тьмы и поселить их образы в извилинах моего больного мозга?

Существовал только один ответ на все эти вопросы. Мне потребовалась целая ночь, чтобы найти этот простой, единственный ответ. Впрочем, я всегда спал очень мало. Час-другой сна было вполне достаточно для меня. Нередко несколько ночей подряд я спал только урывками. Мои коллеги имели обыкновение подшучивать надо мной по поводу количества материалов, которые я брал себе домой для работы по вечерам. Правда, иногда их шутки бывали довольно плоскими.

На следующее утро, обменявшись приветствиями со своими сотрудниками и игнорируя их вопросы и встревоженные взгляды, я поднялся в свой кабинет и немедленно позвонил штатному врачу нашей компании. Я попросил его порекомендовать мне хорошего психиатра. Лицо доктора на экране монитора приняло озабоченное выражение.

- Вы имеете в виду возможные последствия ваших неприятностей с полицией за последние дни? - поинтересовался он.

- Да, - подтвердил я. - Скажем так, я слегка потрясен произошедшими событиями.

У меня не было основания лгать ему.

Он недоверчиво уставился на меня сквозь стекла своих очков.

- Потрясены? Вы? Невозмутимый мистер О'Райан?

На этот раз я просто не сказал ничего.

- Хм. Что же, полагаю, что переделка, подобная той, в которой вы оказались, способна потрясти кого угодно. Взрыв гранаты почти у ваших ног – дело нешуточное. Да и история с девушкой ничуть не лучше. Скверно, очень скверно.

Я продолжал молчать, невозмутимо ожидая его ответа. Он подождал несколько секунд, желая дать мне возможность высказаться более полно, но, догадавшись, что я не в настроении продолжать разговор, пробормотал что-то себе под нос и повернулся к своей картотеке.

В результате он дал мне телефон специалиста. Я позвонил этому человеку и договорился, что явлюсь к нему на прием во второй половине дня. Вначале врач попытался отсрочить мой визит, но когда я упомянул название нашей компании, имя нашего врача и объяснил, что мне необходимо всего лишь несколько минут для предварительной консультации, он неохотно согласился принять меня сегодня же.

Наша встреча была очень короткой. Я рассказал ему о провалах в памяти, и он немедленно порекомендовал мне другого врача, женщину, специализирующуюся по данной проблеме.

Посещения врачей заняли у меня несколько недель, но после встреч с несколькими специалистами я в конце концов нашел человека, который был мне нужен. В отличие от других своих коллег, он без колебаний согласился немедленно принять меня. Казалось, что он ждал моего звонка. Его телефон не был оборудован монитором, но я в таком и не нуждался. Я и так хорошо знал, как он выглядит.

- У меня сегодня много пациентов, - объяснил он бархатным тенором, - но, если вы можете

зайти ко мне в клинику около девяти вечера, я обязательно приму вас.

- Спасибо, доктор, - поблагодарил я его, - сегодня в девять я буду у вас.

В клинике никого не было, когда я добрался до места. Я открыл дверь в приемную. Она также оказалась пустой. Свет уже погасили, и комнату лишь озаряли отблески огней большого города, находившегося где-то далеко внизу. В полумраке, царившем в помещении, я сумел разглядеть старинную мебель и полки с книгами, тянувшиеся вдоль стен. Ни медсестры, ни секретаря.

Небольшой коридор вел во внутреннюю часть здания. Полоска света пробивалась из полуоткрытой двери в дальнем конце холла. Добравшись до цели, я без колебаний распахнул тяжелую дверь.

- Доктор? - Я не стал называть его по имени, написанном на табличке на двери. Я знал, что оно не было настоящим.

- О'Райан, - произнес он своим бархатным тенором, - входите, пожалуйста.

Разумеется, меня ожидал златокудрый мужчина из ресторана. Его небольшой кабинет казался еще меньше от изобилия мебели, находившейся в нем: две кушетки, массивный стол, шкафы. Это впечатление еще усиливали тяжелые шторы на окне и толстый дорогой ковер на полу. Он сидел за своим столом, выжидательно улыбаясь. Единственный свет в комнате исходил от небольшого торшера в углу, но казалось, человек за столом сам излучал золотистый свет. Широкоплечий и обаятельный, он выглядел как человек, способный не растеряться в любой ситуации. На нем была простая рубашка с открытым воротом. Ни пиджака, ни жакета. Переплетенные пальцы рук, лежавших на поверхности стола, не только не отбрасывали тени, но, казалось, сами освещали пространство вокруг себя.

- Присаживайтесь, О'Райан, - произнес он спокойно.

Я почувствовал, что мое тело сотрясает легкая дрожь. Взяв себя в руки, я уселся в кожаное кресло, стоявшее напротив стола.

- Вы сказали, что у вас проблема с памятью, - начал было он.

- Вы прекрасно знаете, какая у меня проблема, - прервал я его, - так что давайте не будем терять время.

Он поднял брови и широко улыбнулся.

- Это не ваш кабинет, - продолжал я, - имя, указанное на его двери, не принадлежит вам. Кто же вы тогда? И кто я сам?

- Очень деловой подход. Должен заметить, что вы совсем неплохо адаптировались к условиям данной цивилизации. - Он откинулся на спинку своего вращающегося стула. - Что касается моего имени, то вы можете называть меня Ормузд, хотя, как вы понимаете, в нашем случае имена не имеют особого значения.

- Ормузд?

- Да. А теперь я назову и ваше собственное имя. Ваше имя... Орион, [2] как и название созвездия.

- Охотник?

- Очень хорошо. Вы прекрасно ориентируетесь в сложившейся ситуации. Орион Охотник. Это ваше имя, которое, кстати, расшифровывает суть вашей миссии.

- Расскажите мне обо всем подробнее.

- В этом нет никакой необходимости. Вы уже и так знаете то, что должны знать. Вся необходимая информация заложена в вашей памяти, но большая часть ее была заблокирована до последнего времени.

- Почему?

Его лицо стало серьезным.

- Есть многое, о чем я не могу вам сказать. Во всяком случае сегодня. Вы были посланы в этот мир с миссией Охотника. Ваша задача найти Аримана, Владыку Тьмы.

- Человека, который был в ресторане вместе с вами?

вернуться

2

в греческой мифологии охотник-великан; по одному из вариантов мифа Орион был убит стрелой Артемиды и превращен в созвездие за то, что его полюбила богиня любви Эос

- Совершенно верно. Он и есть Ариман.

- Ариман. Так вот какое у него имя. Он убил Арету.

- Я знаю.

- Кем она была?

Ормузд слегка пожал плечами:

- Посланцем. Весьма незначительная личность...

- Она была важна для меня!

Выражение его бледно-золотистых глаз несколько изменилось. Сейчас он выглядел почти удивленным.

- Но вы видели ее только однажды, в ресторане...

- И в госпитале в тот же вечер, - уточнил я, - и на следующий день... - У меня невольно перехватило дыхание. - На следующий день я видел ее умирающей. Он убил ее.

- Тем больше оснований для вас найти Владыку Темных Сил, - заметил Ормузд. - Ваша задача найти и уничтожить его.

- Почему? Кто послал меня сюда? Откуда? Зачем?

Он выпрямился на своем стуле, и на его губах заиграла прежняя самоуверенная улыбка.

- Зачем? Чтобы спасти человечество от уничтожения. Кто послал вас сюда? Я. Откуда? Из будущего, отдаленного от настоящего периодом времени порядка пятидесяти тысяч лет.

Вероятно, я должен был быть потрясен, удивлен или, по меньшей мере, скептически отнестись к услышанным мною словам. Но я испытал только облегчение. Как будто все, что он сказал, было уже давно мне известно, и он лишь подтвердил мои собственные мысли. Я ограничился только тем, что пробормотал:

- Пятьдесят тысяч лет. Из будущего...

Ормузд важно кивнул головой:

- Вы родились в том времени. Я послал вас в прошлое, в так называемое двадцатое столетие.

- Спасти человечество от уничтожения?

- Да. И для этого вы должны найти Аримана. Представителя Темных Сил.

- И что я должен буду сделать, когда найду его?

На этот раз золотоволосый выглядел по-настоящему удивленным.

- Как - что? Разумеется, вы должны убить его.

Я бросил взгляд на Ормузда, но не сказал ни слова.

- Вы не верите мне?

Если бы я мог, я бы сказал правду, но это было выше моих сил, и я произнес:

- Я верю вам, но я пока еще не все понимаю. Почему я не могу вспомнить ничего из того, что вы мне рассказали? Почему...

- Временный шок, скорее всего, - снисходительно объяснил он. - Или, может быть, Ариман успел заблокировать часть вашего мозга.

- Только часть? - переспросил я.

- Откуда вам могут быть известны истинные возможности вашего мозга? Время, которое мы потратили на вашу подготовку? Вы обладаете способностью независимо использовать полушария вашего головного мозга.

- Что?

- Какой рукой вы владеете лучше всего?

На сей раз он все-таки застал меня врасплох.

- Я одинаково свободно владею обеими руками, - признался я.

- Вы можете писать обеими руками, не так ли? Или играть на гитаре...

Я кивнул.

- Вот видите, - заметил он удовлетворенно. - Вы способны одновременно работать на компьютере правой рукой, а левой, если вам вздумается, заниматься живописью.

Последнее замечание рассмешило меня.

- Пожалуй, я мог бы выступать в цирке, демонстрируя свои необычайные способности.

Он снова улыбнулся:

- Вы способны на большее, Орион. На большее.

- Расскажите мне об Аримане, - потребовал я. - Какую опасность он представляет для человечества.

- Он - воплощение дьявола, - сказал Ормузд. При этих словах его золотые глаза сверкнули столь ярко, что было трудно усомниться в его искренности. - Его цель - уничтожить человечество. Он мечтает навеки очистить Землю от людей, если только мы позволим ему сделать это.

Как ни странно, но мой мозг воспринял объяснения Ормузда без малейшего сомнения. Как будто я заново воспринял те прописные истины, которые вдалбливали в меня с детства. Отдаленное эхо полузабытых историй отозвалось в моей памяти. Но сейчас эти истории стали для меня реальностью, а не просто легендами, которые взрослые рассказывают детям.

- Если я на самом деле явился сюда из будущего, отделенного от настоящего периодом в пятьдесят тысяч лет, - медленно произнес я, как будто снова и снова обдумывая эту мысль, - то значит, человечество все еще существует в то время. Из чего в свою очередь следует, что оно не было уничтожено в двадцатом столетии.

Ормузд раздраженно фыркнул.

- Выходит, вы ничего не поняли. Линейное мышление!

- Что означает это выражение?

Он наклонился вперед и, положив покрытые золотистым заггаром руки на поверхность стола, терпеливо объяснил:

- Вы уже спасли человечество. Это уже некогда произошло на данном отрезке пространственно-временного вектора. Пятьдесят тысяч лет спустя человечество воздвигло вам памятник за ваш подвиг. Он находится в Старом Риме, недалеко от купола, закрывающего древний Ватикан.

Пришла и моя очередь улыбнуться.

- Тогда, если я уже спас человечество...

- Вы должны продолжать играть свою роль, - прервал он меня. - Вы должны найти Аримана и остановить его.

- Предположим, я откажусь?

- Вы не можете этого сделать! - взорвался он.

- Откуда вы знаете?

Сияние вокруг него начало пульсировать, словно от гнева.

- Как я уже сказал вам, это уже произошло. Вы нашли Аримана и спасли человечество. Все, что от вас требуется в настоящий момент, это сыграть ту же роль, которую в соответствии с нашими историческими данными вы и сыграли в свое время.

- Но если я все-таки откажусь?

- Это неразумно.

- Ну а если такое случится? - настаивал я.

Он засверкал как миллиард светлячков. Его лицо стало мрачным.

- Если вы не исполните своего предназначения, если вы не остановите Аримана, то нарушится сама структура времени и пространства. Она даст трещину, освободив при этом столько энергии, что уничтожит вселенную, которую мы знаем. Человечество будет уничтожено. Пространственно-временной вектор изменит свою ориентацию, возникнет иной континуум. Планета Земля попросту испарится. Существующая вселенная исчезнет, как будто ее никогда и не было.

Его объяснения показались мне достаточно убедительными.

- Ну а если я соглашусь сотрудничать с вами?

- Вы найдете Аримана. Вы спасете человечество от уничтожения. Существующий пространственно-временной континуум будет сохранен: вселенная продолжит свое развитие.

- Что произойдет после того, как я убью Аримана?

Он довольно долго колебался, прежде чем медленно произнес:

- Нет. Вы не сможете убить его. Вы остановите его и не дадите ему возможности добиться желаемого. Но... он убьет вас.

Мне следовало раньше догадаться об этом, еще в тот момент, когда он заговорил о памятнике. Я должен был стать погибшим героем. Так как когда-то уже стал им...

Неожиданно я почувствовал, что не могу всего этого вынести. Я вскочил со своего кресла и бросился на Ормузда. Моя рука прошла сквозь его мерцающее изображение.

- Дурак, - рявкнул он, прежде чем исчезнуть.

Я остался один в кабинете психиатра. Мне и раньше приходилось видеть голографические изображения, но ни одно из них не выглядело настолько реальным. Мои колени дрожали под грузом той ответственности, что Ормузд возложил на меня. Я почти упал в свое кресло, понимая, что судьба всего человечества зависит от моих действий. И единственное человеческое существо, которое я жаждал спасти, было уже мертво. Я не мог смириться с этой мыслью. Мой мозг отказывался принять ее.

Я обыскал кабинет в поисках голографического оборудования, с помощью которого ловкий трюкач воспроизводил собственное изображение. Я искал до утра, но так и не нашел ни

лазера, ни другого оборудования подобного типа.

5

В течение многих дней я предпочитал просто не думать о событиях того вечера. Не просто было поверить столь фантастической истории, хотя в глубине души я не сомневался в ее правдивости. Я просто пытался оттянуть неизбежное.

Но одновременно где-то внутри росло и крепло намерение найти демона Тьмы, человека, убившего Арету. Моя совесть требовала уничтожить его. И совсем не ради предотвращения космической трагедии, о которой столь красноречиво поведал мне Ормузд. Я мечтал сомкнуть свои пальцы на горле Аримана во имя самого простого, очень человеческого понятия: справедливости. И из мести за утраченную любовь.

В конце концов, все те же воспоминания помогли мне напасть на его след. Я наконец сообразил, почему имена, использованные златокудрым мужчиной, показались мне знакомыми. Ормузд – бог Света и Истины; Ариман – бог Тьмы и Смерти. Оба они фигурировали в одной из древних религий Персидского царства, так называемого зороастризма, основанной одним древним греком или персом по имени Заратустра. [3]

По-видимому, мой златокудрый приятель считал себя одной из ипостасей бога Света и Доброты. Возможно, он на самом деле путешествовал во времени, если только говорил мне правду. Был ли он на самом деле тем самым Ормуздом, который явился Зороастру много тысяч лет назад в Персии? Боролся ли он уже тогда со своим извечным соперником Ариманом? Впрочем, конечно боролся. Тогда и сейчас, в прошлом и будущем. Постепенно путь Времени становился все более ясным для меня.

Я много размышлял о событиях последних дней, смутно надеясь, что сама судьба или мой мозг даст мне ключ, указывающий, что я должен делать дальше. Собственно, так оно и произошло. В нужный момент память вернулась ко мне, и я понял, почему меня отправили в это время, почему я должен был работать именно в корпорации «Континентал Электронике» и заниматься тем делом, которому я посвятил последние несколько лет...

Я закрыл глаза и постарался припомнить удлиненное серьезное лицо Тома Демпси, имевшее удивительное сходство с мордой гончей собаки. Насколько я помнил, то событие произошло накануне Рождества прошлого года, во время праздничного приема в здании фирмы. Том слегка перебрал и поэтому был необычно откровенен.

- Солнечные лазеры, старина! Самые мощные, самые прекрасные лазеры в мире. Наиболее важное оборудование, которое производит наша фирма...

Итак, лазеры. Лазеры для термоядерного реактора. Лазеры, способные управлять рукотворным солнцем, создание которого в свою очередь могло на вечные времена решить для человечества вопрос об источнике энергии. Бог Света стал реальной фигурой в мире науки и технологии. Это была идеальная мишень для Темных Сил, решивших нанести упреждающий удар.

Мне потребовалась по крайней мере неделя, чтобы убедить руководство фирмы в необходимости разработки нового прогноза относительно нашего последнего проекта, которым занимался Демпси. «Континентал Электронике» производила лазеры для первого в мире КТР (контролируемого термоядерного реактора). В конце концов я оказался на борту реактивного самолета компании, державшего курс на Энн Эрбор, где находились термоядерный реактор и обеспечивавшая его силовая станция. Том Демпси сидел рядом со мной, любясь тяжелыми зимними облаками, формировавшимися вдоль береговой линии озера Эри, находившегося

примерно в тридцати тысячах футов ниже нас. Заметив мой взгляд, он радостно улыбнулся мне.

- Насколько я знаю, вы в первый раз проявили настоящий интерес к проекту термоядерного реактора. Раньше мне казалось, что вы абсолютно равнодушны к нашей работе.

- Вы убедили меня в ее важности, - ответил я, нисколько не кривя душой.

- Это чертовски важно, - объявил он, машинально поигрывая пряжкой предохранительного ремня. Том всегда был необыкновенно аккуратным и собранным человеком, но, усевшись на любимого конька, нередко вел себя как шестилетний мальчишка.

- Ваш реактор готов для первого испытания? - осведомился я.

Он с энтузиазмом несколько раз кивнул.

- Само собой, у нас, конечно, были трудности, но, слава Богу, сегодня все позади. Берем дейтерий, который получаем из обыкновенной воды, активизируем его с помощью наших лазеров и получаем энергию. Представляете? Мегаватты энергии из кувшина воды больше, чем из всех нефтяных скважин Ирана.

Разумеется, он, как всегда, преувеличивал, но в принципе был прав. Я невольно улыбнулся при упоминании об Иране, современном названии древней Персии.

Перелет прошел без происшествий. Автомобиль компании ожидал нас в аэропорту. Когда мы подъехали к зданию, где размещалась лаборатория, я был невольно поражен его более чем скромными размерами, хотя Демпси и раньше говорил мне, что КТР можно установить даже в подвале небольшого частного дома.

- ...Отпадает необходимость в электрической или каких-либо других видах энергии, - продолжал Том. - Наберете на кухне воды, выделите из нее дейтерий и за пять минут получите столько энергии, что ее хватит вам на целый год...

Надо отдать ему должное, он действительно любил свою профессию. В ней заключался для него весь мир. И этот мир казался ему прекрасным.

В ту же секунду я увидел группу пикетчиков, маршировавших вдоль ограды из колючей проволоки, огораживающей территорию лаборатории. Большинство из них были студенты, хотя попадались и пожилые мужчины и даже женщины, своим внешним видом напоминавшие обычных домохозяек. Они несли плакаты, напечатанные типографским способом.

«МЫ НЕ ХОТИМ ИМЕТЬ ВОДОРОДНУЮ БОМБУ НА СВОЕМ ЗАДНЕМ ДВОРЕ!»

«ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ - ДА! МАШИНАМ - НЕТ!»

«ЗАПРЕТИТЬ ТЕРМОЯДЕРНЫЕ РЕАКТОРЫ!»

«РАДИАЦИЯ - ПРИЧИНА РАКА!»

Наш автомобиль остановился перед воротами лаборатории.

- Охрана не хочет открывать ворота, - угрюмо пояснил водитель компании. - Они опасаются, что демонстранты могут ворваться на территорию лаборатории.

Пикетчиков было всего несколько дюжин, но, когда они окружили наш автомобиль, нам показалось, что их гораздо больше. Нам в лицо полетели обвинения и проклятия.

- Убирайтесь туда, откуда пришли!

- Прекратите отравлять нас!

Затем все начали хором скандировать:

- Человечеству - да! Машинам - нет! Запретить термоядерные реакторы!

Войдя в раж, они принялись раскачивать наш автомобиль, продолжая осыпать нас бранными словами.

- Где же полиция? - спросил я у водителя.

Он усмехнулся и пожал плечами.

- Но они же ничего не понимают, - возмутился Демпси, оскорбленный в лучших чувствах. - Радиация от нашего термоядерного реактора никому не может нанести вреда. Ее просто не существует.

И прежде чем я успел остановить его, он распахнул дверцу автомобиля и мгновенно оказался посреди разъяренной толпы.

- Наш реактор совершенно безопасен, - попытался объяснить он демонстрантам. - Главный побочный продукт термоядерной реакции - обычный гелий. Вы можете без всякого риска дать его вашим ребятишкам, чтобы они наполняли им воздушные шарик.

Никто и не подумал вслушаться в его слова. Объяснения Тома потонули в хоре возмущенных голосов. Два юнца, достаточно здоровых, чтобы претендовать на место в университетской футбольной команде, прижали его к дверце автомобиля. Я поспешил к нему на помощь. Наш водитель последовал моему примеру, распахнув дверцу с такой силой, что, в свою очередь, навлек на свою голову град проклятий возбужденных демонстрантов. Кто-то из студентов попытался ударить меня кулаком в лицо. Я автоматически блокировал удар и отбросил озверевшего юнца от себя. Краем глаза я заметил, как одна из почтенных домохозяек с размаху опустила свой плакат на голову Демпси. Он покачнулся, и в тот же момент один из футболистов нанес ему удар в солнечное сплетение. Том сполз на землю лицом вниз. Шофер, попытавшийся вырвать плакат из рук женщины, был немедленно окружен несколькими студентами, которые принялись избивать его.

Необходимо преподнести урок этим ублюдкам!

Я обежал вокруг автомобиля и нырнул в толпу, разбрасывая во все стороны парней, оказавшихся у меня на дороге, пока не добрался до Демпси, продолжавшего лежать рядом с поверженным водителем. По пути я, в свою очередь, успел получить удар по голове, но прежде чем нападавший успел отдернуть руку, я перехватил его запястье и, подтянув к себе, швырнул в сторону набегавших на меня студентов.

Все закончилось так же неожиданно, как и началось. Внезапно толпа подалась назад, и через несколько минут вокруг нас никого уже не было, кроме двух-трех парней, которым в драке повезло меньше других. Повсюду валялись плакаты демонстрантов, брошенные ими при поспешном отступлении.

вернуться

3

Заратустра (Заратуштра (иран.); Зороастр (греч.); между X и 1-й пол. VI в. до н. э.) – пророк и реформатор древнеиранской религии, получившей название "зороастризм"; составил древнейшую часть "Авесты"

Охрана лаборатории наконец решила открыть ворота и поспешила нам на помощь. Вдали раздавался вой сирен полицейских машин, по обыкновению слишком поздно появившихся на месте происшествия.

Нас отвели в лазарет, где мы встретили шефа службы безопасности по имени Мэнгино, поспешившего принести нам свои извинения за проявленную медлительность. У него были узкие хитроватые глаза и кожа цвета сигарного табака.

- Ничего не могу понять, – оправдывался он. – До сих пор у нас не случилось никаких конфликтов с местными жителями. Вдруг сегодня откуда ни возьмись появилась эта банда сумасшедших и начала дефилировать со своими плакатами перед нашими воротами.

Я готов был ему поверить. Первая весточка от Аримана. Но я предпочел оставить свое мнение при себе.

- Наши люди, занимающиеся связями с общественностью, годами объясняли всем и каждому, – продолжал Мэнгино, – что этот реактор не имеет ничего общего со старыми моделями, работавшими на уране. Радиация не может проникнуть сквозь защитную оболочку. Эта штука абсолютно безопасна.

Демпси, сидевший на лабораторном столе, пока доктор и хорошенькая медсестра хлопотали над его головой, наконец подал голос:

- Черт его знает, как объясняться с этими людьми. Они просто не желают ничего слушать.

- Вы ошибаетесь, – поправил я его. – Они слушают, но не вас. Кто-то хорошо поработал над ними.

Глаза Мэнгино на мгновение расширились, затем он кивнул.

- Вы правы, – согласился он.

- Пора бы вам заняться поисками таинственного агитатора, – заметил я.

- И откуда он здесь взялся? – проворчал Мэнгино. – Кому это могло понадобиться? Возможно, арабам или людям из нефтяных компаний? Или действует какая-нибудь из дюжины групп чокнутых студентов.

Для меня это не имело существенного значения. Я был уверен в одном. Кем бы ни были демонстранты, за их спинами незримо присутствовала фигура Аримана.

6

Для меня не составило особого труда найти штаб-квартиру демонстрантов. Она принадлежала

организации, именующей себя ВТВ, что представляло собой незамысловатую аббревиатуру популярного лозунга «Высокие технологии для всех».

Штаб ВТВ размещался в старом четырехэтажном особняке прямо напротив Университетского городка. Я припарковал арендованный мною автомобиль у главного входа в здание и в течение нескольких минут наблюдал за тем, что происходит вокруг.

Посмотреть было на что. Множество молодых людей сновали по улице, собираясь небольшими группами около магазинчиков, торговавших гамбургерами и пиццей. Когда-то на этой стороне улицы стояли респектабельные особняки преуспевающих горожан, выстроенные в величавом викторианском стиле, но по мере роста Университетского городка большинство из них переоборудовали в многоквартирные дома или офисы, а их нижние этажи превратили в небольшие магазинчики, отвечающие вкусам новых обитателей квартала.

На другой стороне улицы находился собственно Университетский городок – живописные скопления легких современных зданий, окруженных живыми изгородями и вековыми деревьями. Соответственно и движение здесь было еще более оживленным, чем в других местах, напоминая скорее центр Манхэттена, чем улочку тихого провинциального городка.

Решив, что самое лучшее в моем положении – сразу взять быка за рога, я вышел из машины и, поднявшись по деревянным ступеням, нажал на кнопку старомодного электрического звонка. Поскольку никакой реакции на мои действия не последовало, я решительно толкнул входную дверь и вошел внутрь особняка.

Если фасад здания представлял собой довольно безвкусную американскую версию викторианского стиля, то внутри его полновластно царил стиль Нового Студенческого Демократического движения.

На многочисленных плакатах, украшавших стены холла, размещались фотографии популярных общественных деятелей последнего десятилетия – от Мартина Лютера Кинга до Джейн Фонда. Между ними красовались бесчисленные лозунги на злобу дня.

«США – ВОН ИЗ БРАЗИЛИИ!»

«НЕ ДОПУСТИМ ВТОРОГО САЛЬВАДОРА!»

У стены находился стол, заваленный свежееотпечатанными памфлетами. Я бегло просмотрел заголовки. Здесь имелась писанина на любой вкус: от легализации абортов до всеобщего разоружения, но я не нашел ни одной брошюры, специально посвященной лаборатории термоядерного синтеза.

Настежь открытые двери по обе стороны холла вели во внутренние помещения. Для начала я осмотрел левое крыло, но большая комната с высоким потолком оказалась совершенно пустой. Там я увидел две древних софы, три не менее обветшалых армейских койки, большой квадратный стол, на котором стоял разбитый процессор, но не обнаружил никаких следов недавней человеческой деятельности.

Я перешел на другую половину здания и сразу наткнулся на эффектную молодую леди, сидевшую у пульта ультрасовременного коммутатора. Короткие белокурые волосы привлекали внимание не меньше, чем чисто символическая мини-юбка. Миниатюрный микрофон и пара наушников дополняли ее боевое снаряжение. Не прерывая разговора, она указала мне рукой в сторону дюжины расшатанных пластиковых кресел, стоявших вдоль противоположной стены комнаты.

Я остался стоять, ожидая, когда она закончит разговор. Невольно перед моим взором предстало серьезное, печальное лицо Ареты, озаренное светом бездонных серых глаз. Усилив воли я заставил себя вернуться к реальности, сконцентрировав свое внимание на энергично работавшей языком девице, сидевшей напротив меня. Блондинка наконец закончила разговор и повернулась в мою сторону.

- Добро пожаловать в ВТВ, - приветствовала она меня. - Что мы можем сделать для вас, мистер...

- Орион, - представился я. - Мне необходимо встретиться с руководителем вашей организации.

Ее милое юное личико слегка омрачилось.

- Вы из города? Служба противопожарной безопасности?

Я с трудом удержался, чтобы не рассмеяться.

- Нет. Я из КТР, лаборатория термоядерного синтеза.

На этот раз на ее прелестной мордашке отразилось искреннее удивление. Очевидно, она меньше всего ожидала услышать от меня подобное признание.

- Мне необходимо встретиться с вашим шефом, - повторил я.

- Доном Мэддоксом? Но он сейчас на занятиях.

- Нет, не с ним. Я хочу видеть человека, на которого он работает.

Она удивленно подняла брови:

- Но Дон и есть наш президент. Он и организовал ВТВ. Он...

- Это он организовал сегодня демонстрацию у ворот лаборатории?

- Да... - На этот раз ответ прозвучал менее уверенно.

- Я хочу знать, кто подал ему эту идею.

- Подождите минутку, мистер.

Ее пальчики запорхали по кнопкам коммутатора. Маленькая капелька пота появилась на ее верхней губе. Определенно она не была готова к такому повороту событий.

- Успокойтесь, - усмехнулся я. - Со мной у вас не возникнет никаких проблем. Меня всего лишь интересует, кто первым предложил организовать демонстрацию у ворот лаборатории? Держу пари, что не Мэддокс.

- О, вы имеете в виду мистера Дэвиса. - Ее голос зазвучал увереннее. - Да, он первым обратил наше внимание на опасные эксперименты, которые проводятся в этой лаборатории, и на лживую пропаганду, которую власти обрушивают на голову простых людей.

Спорить с ней не имело смысла. Итак, Дэвис. Я едва мог скрыть торжествующую улыбку. Стоило лишь слегка изменить произношение имени Дэвис, и получалось Даэвас - имя богов зла в старой зороастрийской религии.

- Пусть будет мистер Дэвис, - согласился я. - Именно с ним я и хотел бы встретиться.

- Зачем? Вы собираетесь арестовать его или привлечь к суду?

Право, ее наивность заслуживала восхищения.

- А вы как думаете? Неужели, если бы я собирался сделать нечто подобное, сказал бы вам об этом? Кроме того, как вы, наверное, знаете, никого из демонстрантов сегодня утром не арестовали.

Она скептически скривила губки:

- Откуда мне знать, что может задумать полиция?

- Во всяком случае, от меня ни вам, ни ему ничего не грозит. Так я могу увидеть мистера Дэвиса? Он здесь?

- Нет. - Она попыталась придать убедительность своему голосу, но это ей плохо удалось. - Я даже не знаю, когда он снова появится... он не часто заходит сюда.

- Хорошо, - сказал я, пожимая плечами. - Свяжитесь с ним и сообщите ему, что Орион хочет встретиться с ним. Срочно.

- Мистер О'Райан?

- Орион, - поправил я ее. - Просто Орион. Он знает мое имя. Я подожду в машине. Я припарковал ее у входа в здание.

Она нахмурилась:

- Но я не знаю, где его найти. Может случиться, что я его не увижу до конца недели.

- Свяжитесь с ним и назовите ему мое имя, - повторил я. - Я подожду.

- О'кей, - согласилась она.

По ее тону нетрудно было догадаться, что она думает о моей назойливости. Впрочем, ее чувства меня несколько не трогали. Я просидел в машине почти час. День был холодным и серым, но меня мало заботили подобные мелочи. Искусственно регулируя свое кровяное давление, я легко приспосабливался к любым температурным условиям. Разумеется, я мог зайти в ближайшую забегаловку, чтобы согреться, а заодно поесть, но мне не хотелось покидать наблюдательный пост. Слишком многое было поставлено на карту. Между тем голод все сильнее давал о себе знать. Как я уже говорил, я далеко не супермен.

Наконец появилась моя блондиночка, вся дрожавшая от холода, несмотря на свитер, который она предусмотрительно набросила на плечи. Заметив машину, она сбежала по ступенькам и направилась в мою сторону. Мы вместе вернулись в здание. Она все еще дрожала от холода, стиснув руки поверх маленькой девичьей груди.

- Ну и холод сегодня, - выдавила она, - а у вас нет даже пальто...

- Вам удалось связаться с Дэвисом? - прервал я ее.

- Да, - ответила она. - Он... он прошел через черный ход. Его кабинет в дальнем конце

вестибюля. Он ожидает вас.

Я поблагодарил блондинку и отправился в указанном направлении. Слабо освещенная лестница вела в подвальное помещение.

«Подходящее местечко для Владыки Тьмы», – машинально подумал я, прикидывая, сколько страшных легенд породила его деятельность за несколько тысячелетий.

И действительно, в подвале было темно, как в аду. Единственный свет исходил из-за полуоткрытой двери на верхней площадке лестницы. Я сумел разглядеть массивный старинный очаг, от которого во все стороны отходили металлические трубы, словно щупальца гигантской медузы. Как и повсюду в особняке, здесь царил дух запустения и тлена. Я сделал несколько осторожных шагов в глубину подвала и в нерешительности остановился, не зная, что делать дальше.

– Сюда, – услышал я тяжелый хрипловатый шепот.

Слегка повернувшись, я наконец увидел его – тяжелый сгусток тьмы в дальнем конце подвала. Мне удалось разглядеть только силуэт крупного мужчины почти одного роста со мной, с широкой грудью и сильным мускулистым телом. Я не рассмотрел его лица, в подвале было слишком темно, но мне этого и не требовалось. Сделав несколько шагов в сторону очага, я внезапно оказался в ярко освещенной комнате, невольно зажмурил глаза и автоматически сделал шаг назад, тотчас же обнаружив за своей спиной глухую каменную кладку. Просторная комната была обставлена дорогой антикварной мебелью, густой ворсистый ковер покрывал каменный пол. Более всего удивляло то, что здесь не имелось ни окон, ни дверей, одни голые каменные стены, обшитые потемневшими дубовыми панелями.

– Присаживайтесь, Орион, – предложил он, указывая на стоящую в углу кушетку.

Я принял предложение, продолжая наблюдать за ним, пока он с трудом устраивал свое массивное тело в тяжелом кожаном кресле, словно специально созданном для него. Сильные кисти с короткими толстыми пальцами неподвижно лежали на его коленях. Но больше всего меня поразило его лицо. Теперь, когда мне удалось наконец-то как следует рассмотреть его, я уже не сомневался, что оно не могло принадлежать представителю человеческой расы. Специфические черты его лица не слишком бросались в глаза, и, возможно, в уличной толпе на него никто не обратил бы особого внимания. Но чем больше я вглядывался в него, тем сильнее чувствовал разницу между ним и людьми: его скулы были слишком широкими, нос чересчур плоским, а глаза неизменно горели красным дьявольским огнем. Ох уж эти глаза! Казалось, из них беспрестанно изливались волны ненависти, смешанной еще с чем-то неопределенным и неясным, но, как я инстинктивно чувствовал, чуждым и враждебным всему человечеству. Впрочем, в отношении ненависти мы были равны, и думаю, на этот счет ни у него, ни у меня не оставалось ни малейших сомнений. Мне были противны даже его черные прилизанные волосы и нездоровая сероватая кожа. Что же до его мускулатуры, то ей мог бы позавидовать и профессиональный боксер. Он был одет в брюки из грубой хлопчатобумажной ткани и легкую рубашку с открытым воротом.

– Вы Ариман, – только и смог произнести я.

Его лицо осталось мрачным и неподвижным, как камень.

– Естественно, вы не помните меня, хотя нам доводилось встречаться и раньше. – Его голос подходил скорее призраку, нежели живому существу, или, в крайнем случае, умирающему на дыбе человеку.

- В самом деле?

Он несколько раз кивнул.

- Да, но мы двигаемся в различных направлениях сквозь поток времени. Вы - назад, к Войне. Я - вперед, к Концу.

- Война? Конец? Что это значит?

- Назад и вперед - всего лишь относительные понятия для путешествия по вектору. Истина заключается в том, что мы встречались прежде. В свое время вы еще посетите те места и припомните мои слова, если, конечно, к тому моменту останетесь в живых.

- Вы собираетесь уничтожить термоядерный реактор? - спросил я.

Он улыбнулся - более гнусной улыбки мне еще не доводилось видеть.

- Я собираюсь уничтожить все человечество, - поправил он меня.

- А я нахожусь здесь, чтобы помешать вам осуществить ваше намерение.

- Вы можете и преуспеть, - усмехнулся он, вложив весь свой сарказм в глагол «можете».

- Ормузд утверждает, что мне удастся... что я уже сделал это когда-то. - Я не стал упоминать о том, чем лично для меня закончилось это предприятие. Что-то удержало меня. Даже если так оно и было на самом деле. Не в моих интересах было давать ему дополнительные преимущества в нашей борьбе.

- Ормузду, безусловно, известно многое, - медленно произнес он, - но беда в том, что он никогда не говорит всей правды. Он знает, например, что если мне удастся помешать вам и на этот раз...

«На этот раз! Следовательно, мы встречались уже в прошлом или будущем!»

- ...то я не только уничтожу человечество и изменю всю структуру пространственно-временного континуума, но и сокрошу его самого.

- Вы хотите уничтожить всех нас?

Красные равнодушные глаза на секунду задержались на моем лице.

- О да. Уничтожить всех, без исключения. Но этого мало. Я хочу разрушить основы существующего мироздания. Все должно исчезнуть. Люди, планеты, звезды, галактики... абсолютно все.

Кисти его массивных рук непроизвольно сжались в кулаки. Безусловно, он верил в каждое произнесенное им слово. Он намеревался и меня заставить поверить в неизбежность печального для человечества исхода нашего противостояния.

- Но почему? Почему вы хотите...

Он остановил меня взглядом.

- Если Ормузд не сказал вам, чего ради я должен отвечать на подобный вопрос?

Я попытался проникнуть в тайный смысл его слов, но это оказалось выше моих возможностей.

- Но кое-что я могу и сказать, - продолжал Ариман. - Термоядерный реактор - новая ступень в развитии человечества. Если вам удастся заставить его работать, вы достигнете звезд уже при жизни поколения. Я не позволю вам добиться этого.

- И как же вы собираетесь нам помешать?

Он наклонился ко мне так близко, что я смог ощутить запах праха и смерти, исходивший от него.

- Термоядерный реактор, или КТР, как вы его называете, является ключом к будущему человечества. При удаче вы получите неисчерпаемую энергию, богатство и благополучие для всех! У вас отпадет необходимость играть со своими нелепыми ракетами, работающими на химическом топливе, и вы начнете строить настоящие звездные корабли. В считанные годы они помогут вам покорить Галактику.

- Это уже произошло, - напомнил я ему.

- Да, вы правы. Но если я оборву связь времен сегодня, в этой точке темпорального вектора, если я смогу уничтожить термоядерный реактор...

Он замолчал и снова улыбнулся, отчего у меня по коже побежали мурашки. Я попытался взять себя в руки.

- Неудача испытаний КТР не может уничтожить человечество, - возразил я.

- Все возможно, если правильно учесть свойства человеческой природы. Если термоядерный реактор взорвется...

- Но он не может взорваться, - огрызнулся я.

- Конечно нет. Во всяком случае при нормальных условиях. Но в моем распоряжении имеются разные средства. Я могу, например, вызвать ударную волну энергии лазеров или использовать детонацию литиевой оболочки, воспламеняющей камеры реактора. Вместо микрограмма дейтерия взорвется четверть тонны лития.

- Это невозможно...

- ...Вместо крошечной, находящейся под контролем человека звездочки я сотворю искусственную, сверхновую, литиевую бомбу. Взрыв полностью уничтожит Энн Эрбор. Радиоактивные осадки убьют еще несколько миллионов человек от Детройта до Нью-Йорка.

Я невольно отшатнулся, представив себе эту картину.

- Даже если ваши лидеры окажутся достаточно разумны, чтобы понять - катастрофа не является следствием ракетного удара вашего потенциального противника, неизбежная волна возмущения заставит правительство навсегда отказаться от дальнейших экспериментов с термоядерной энергией. Прежние марши протеста, приведшие к закрытию атомных электростанций, работавших на обогащенном уране, покажутся детской игрой по сравнению с тем, что произойдет после этой катастрофы. Исследования в области ядерной физики будут повсеместно запрещены. Вы никогда больше не построите термоядерного реактора. Никогда!

- Но даже в этом случае человечество не погибнет.

- Вы так думаете? В моем распоряжении сколько угодно времени. У меня нет необходимости спешить. Год от года насущные нужды растущего населения Земли будут требовать все большего количества энергии. Борьба за обладание запасами нефти, угля, продуктов питания станет еще более острой. Новая мировая война неизбежна. А чем может закончиться термоядерная война, вам должно быть известно не хуже, чем мне.

- Армагеддон, - прошептал я.

Он удовлетворенно наклонил свою массивную голову.

- К тому времени, когда вы могли бы достигнуть звезд, вы уже уничтожите друг друга в ядерной войне. Жизнь на планете исчезнет. Существующая структура пространства-времени будет разорвана, общий континуум безвозвратно разрушен и нынешняя вселенная попросту исчезнет. Наступит Армагеддон, как вы изволили выразиться.

Как мне хотелось остановить его, заставить замолчать, убить, как он убил Арету. Бросившись на Аримана, я попытался схватить его за горло. Он был из плоти и крови, ничего общего с голограммой, и необычайно силен. Он легко отбросил меня в сторону, словно ребенка. Возвышаясь надо мной, словно темная сила Рока, он произнес хриловатым шепотом:

- Что бы Ормузд ни сказал вам, на сей раз я добыю своего. Вы умрете, Орион. Здесь, прямо на месте. Вы будете заточены в этой камере до тех пор, пока я не уничтожу термоядерный реактор.

- Но почему? - спросил я, принимая сидячее положение. - Почему вы хотите уничтожить человечество?

Он постоял несколько секунд молча, сверля меня пылающими глазами.

- Вы на самом деле не знаете, правда? Значит, он не сказал вам и этого... или, точнее, стер воспоминание из вашей памяти.

- Я действительно ничего не знаю, - подтвердил я. - Так почему же вы столь ненавидите людей?

- Потому, что вы уничтожили мой народ, - ответил Ариман глухим голосом. - Несколько тысяч лет назад. Вы уничтожили всех без исключения. Я единственный представитель своего племени, оставшийся в живых, но я отомщу за своих собратьев, уничтожив людей и их хозяев.

Силы окончательно покинули меня. Я с трудом вскарабкался на кушетку и остался сидеть, не имея возможности не только возразить ему, но даже шевельнуться.

- А теперь прощайте, - продолжал Ариман. - Мне предстоит еще немало работы до начала испытаний термоядерного реактора. Вы останетесь здесь... - Он обвел комнату рукой. - Как видите, здесь нет ни дверей, ни окон, ни потайных ходов.

«Интересно, как же в таком случае мы попали сюда», - подумал я.

- Если мне повезет, я закончу это дело в течение нескольких часов, и тогда время нарушит свой бег и вселенная обрушится под его тяжестью. Если же счастье изменит мне... - гнусная улыбка искривила его губы, - вы все одно никогда не узнаете. Эта камера станет вашей

гробницей. Или, вернее, крематорием.

- Где мы находимся? - поинтересовался я.

- В тридцати милях ниже поверхности земли, во временном убежище, сотворенном энергией атома. И та же энергия, которая служит мне защитой, в конце концов уничтожит вас. Подумайте об этом перед смертью. Кстати, вы находитесь всего в нескольких шагах от вашей лаборатории в Энн Эрбор. Всего несколько шагов для человека, который понимает строение мироздания.

И, круто повернувшись, он, пройдя сквозь стену, исчез. Я остался один в каменном мешке, скрытом на глубине тридцати миль от поверхности земли.

7

Минут пять я неподвижно просидел на кушетке, совершенно не чувствуя своего тела. В голове у меня был полный хаос.

«Вы уничтожили мой народ... Я отомщу за своих собратьев, уничтожив людей и их хозяев...»

Неужели это могло быть правдой? Что подразумевал Ариман, утверждая, что мы с ним двигаемся в различных направлениях сквозь поток времени? Как понимать его слова о том, что мы встречаемся уже не в первый раз? Наконец, кого он называл «нашими хозяевами»? Ормузда? Но почему тогда он употребил множественное число? Означали ли его слова, что Ормузд был представителем некоей сверхрасы из другого мира, контролирующей человечество? Подобно тому, как и сам Ариман был последним представителем неведомого народа, с которым люди сражались много тысячелетий назад? Сколько же раз мы встречались с ним до сего времени?

Ариман упомянул, что временная точка, соответствующая первому испытанию термоядерного реактора, могла оказаться критической в истории человечества. Если мы добьемся успеха, то уже в самом ближайшем будущем люди смогут достичь звезд. Если же испытания окончатся неудачей, мы все неизбежно погибнем в братоубийственных войнах еще при жизни нашего поколения. Если это утверждение соответствует действительности, то подобные критические точки могут существовать и в прошлом. Одному Богу известно, сколько их на нашем пути. Вероятно, когда-то, во тьме давно канувших в Лету тысячелетий, и произошла та война. Война между людьми и предками Аримана. Но когда и почему? Как могли люди противостоять агрессорам из другого мира много тысячелетий назад?

Возможно, я еще долго продолжал бы размышлять на эту тему, но инстинкт самосохранения вернул меня к реальности.

- А здесь становится жарковато, - неожиданно для себя самого произнес я вслух.

С этого момента мой мозг начал функционировать в привычном режиме. Я осмотрел свою камеру. Воздух был сухим и горячим, как в сауне. В пересохшем горле першило. Капельки пота одна за другой стекали по моему лбу. Я поднялся на ноги и подошел к ближайшей стене. Она раскалилась, словно камни в парной. Самое удивительное, дубовые панели оказались всего лишь искусной имитацией дерева. Стена была каменной от пола до самого потолка. Мне следовало бы уже привыкнуть к дешевым фокусам своих противников...

«Всего лишь один шаг для человека, который понимает строение мироздания».

Лично я пока еще не понимал практически ничего. И еще меньше мог вспомнить. В голове у меня назойливо вертелась единственная мысль – Ариман собирается уничтожить человечество, превратив реактор в чудовищную литиевую бомбу. К сожалению, сам я был надежно упрятан глубоко под землей, и мне предстояло поджариться на медленном огне, словно барашку, принесенному в жертву самому дьяволу.

«Вы всего в двух шагах от своей лаборатории в Энн Эрбор», – сказал Ариман.

Говорил ли он правду? Или это была очередная злая шутка, соответствующая его представлениям о юморе?

– Всего один шаг, – пробормотал я. – Откуда же мне знать структуру мироздания? Хорошо, начнем с того, что все в мире состоит из атомов, а сами атомы состоят из еще более мелких частиц: протонов, нейтронов и электронов, являющихся носителями фантастических запасов энергии. По словам Аримана, эта комната была сооружена путем деформации и смещений атомов горных пород земной коры. Сейчас энергия возвращалась на свои естественные уровни, что, в свою очередь, неизбежно должно было превратить мою темницу в извергающий лаву вулкан. Особых сомнений на этот счет у меня не возникало. Воздух становился горячей с каждой минутой. Еще немного, и я не смогу дышать. А спустя некоторое время меня заживо погребет расплавленная лава. И тем не менее я был всего в двух шагах от спасения – по словам того же Аримана. Говорил ли он правду? А зачем ему лгать, если он был на сто процентов уверен в том, что я погибну? На моих глазах он без труда прошел сквозь глухую каменную стену. Вероятно, он вернулся в подвал дома на Энн Эрбор. Но если он смог, то почему не могу я? Но как, черт побери? Однако я уже проделал это однажды! Сумел же я войти сюда, несмотря на отсутствие дверей! Почему я не могу сделать это еще раз? Я тут же попытался повторить эксперимент, но единственным результатом моих опытов было несколько новых синяков и ожогов, полученных при соприкосновении с массивной кирпичной кладкой. Повидимому, одного моего желания не хватало.

Думай, Орион, думай!

Я прекратил бесполезные попытки и принялся обстоятельно размышлять над ситуацией. Если я на самом деле сумел за один шаг преодолеть расстояние в тридцать миль, пройдя сквозь плотную породу, наверняка существует какое-то сообщение между моей камерой и домом у Университетского городка. Одного знания строения атома недостаточно. Надо полагать, мне следует учитывать и геометрию самого пространства, чтобы повторить подобный подвиг.

Я снова уселся на кушетку, попытался сосредоточиться и припомнил несколько журнальных статей на тему искривления пространства, сводившихся к тому, что будущие звездные корабли смогут в считанные секунды преодолевать гигантские расстояния в тысячи световых лет. В общих чертах мне была известна и теория «черных дыр», где под влиянием чудовищных гравитационных полей соотношение времени и пространства теряло привычный для людей вид. Но и этого не хватало. Необходимо было знать, как применить мои познания на практике. Разумеется, я уже проходил через стену, но так быстро и неожиданно, что не успел запомнить никаких деталей. В состоянии ли я припомнить их сейчас? Что, например, я знаю о компрессии информации? Спутники на орбите способны в течение многих месяцев аккумулировать нужные факты, а затем почти мгновенно передать их на приемную станцию на Землю. Позднее специалисты, изменяя скорость записи, расшифровывают ее. Способен ли я последовательно, микросекунда за микросекундой, восстановить в памяти свои действия и ощущения в тот момент? Я улегся на кушетку, закрыл глаза и попытался расслабиться. Дышать в камере становилось все труднее, но я старался игнорировать это обстоятельство, сконцентрировав все ресурсы своего мозга на решении жизненно важной для меня проблемы.

Итак, всего один шаг протяженностью в тридцать миль сквозь плотную горную породу. Я представил себя стоящим в темном подвале старинного дома Университетского городка. Кажется, я тогда наклонил голову, чтобы не удариться о трубу отопления, и шагнул в темноту... Что еще? Порыв холодного ветра? Да, я отчетливо помнил леденящее ощущение стужи, словно мне пришлось пройти сквозь сжиженный кислород. Что говорит об этом криология? Каким образом сверхнизкие температуры способны воздействовать на физические тела? Кажется, при температуре близкой к абсолютному нулю даже атомы замедляют свой бег. Кажется, в те несколько микросекунд невыносимого холода я действительно видел структуру атомов, на мгновение прервавших свое вечное движение. Означало ли это, что временная стабилизация кристаллической решетки атомов позволила проложить туннель в горной породе, по которому мое тело мгновенно переместилось на расстояние в тридцать миль?

Я открыл глаза. Похоже, температура в моем помещении за то время, что я размышлял, успела повыситься до предела. Сейчас здесь было жарко, как в аду. Я с трудом задержал дыхание, стараясь не обжечь легкие раскаленным воздухом, понимая, что еще немного, и мой организм не выдержит подобной температуры. Но тут я, кажется, понял, как проник сюда. Энергия атомов позволила Ариману соорудить убежище, едва не ставшее для меня склепом, и проложить пространственно-временной туннель сквозь многокилометровую толщу горных пород. Но природа не терпит долгого насилия над собой, и рано или поздно все возвращается на круги своя. Судя по температуре в комнате, у меня осталось совсем немного времени, чтобы найти выход из ловушки, в которой я оказался благодаря собственному легкомыслию. Но как найти проклятый туннель? Я попытался сосредоточиться на этой проблеме, но без видимого успеха. Я весь покрылся потом, равным образом от страшной жары, стоявшей в комнате, и от собственных усилий найти ключ к решению стоящей передо мной задачи. Мой мозг был не в состоянии справиться с нею.

Мой мозг?.. Черт побери, но ведь я задействовал только половину моего мозга! Внезапно я припомнил: ведь Ормузд говорил мне, что в отличие от обычного человека я могу одновременно использовать оба полушария своего головного мозга. Пока же я использовал только половину возможных ресурсов. Очевидно, одна половина моего мозга могла решать проблемы, связанные лишь с взаимоотношением формы и пространства. Огромным усилием воли я заставил включиться в работу и второе полушарие.

И, кажется, вовремя! Решение проблемы лежало буквально на поверхности и зависело от правильно выбранного момента пространственного скачка. Как бы медленно ни двигались атомы, их движение никогда не прерывалось. Большую часть времени их взаимное расположение препятствовало осуществлению мгновенного перемещения в пространстве. И тем не менее каждую секунду их положение позволяло осуществить свободное перемещение, однако туннель оставался открытым всего мгновение. Мне предстояло успеть пройти через него за невообразимо малый отрезок времени или навсегда остаться в своем каменном мешке.

Я заставил себя подняться на ноги и подойти вплотную к каменной стене. От нее исходил такой жар, что впору было пироги печь... Закрыв глаза, я сосредоточил одну половину своего мозга на воспроизведении пространственного положения туннеля в толще земной коры, заставив вторую половину трудиться над вычислением момента возможного перехода. В нужный момент я сделал шаг вперед. Я ощутил жар, сравнимый разве что с температурой внутри доменной печи, а в последнее мгновение ледяной холод космического пространства...

Открыв глаза, я осознал, что стою в крошечной темноте знакомого мне подвала особняка ВТВ. Несколько минут я был занят только тем, что с упоением вдыхал холодный сырой воздух. Затем нашел черный ход и выбрался на улицу. Ночь уже успела вступить в свои права, но какое я испытал облегчение! После раскаленной темницы это было ни с чем не сравнимое ощущение.

Мой автомобиль находился на том же месте, где я оставил его, с той лишь разницей, что его ветровое стекло украшали многочисленные предупреждения о штрафах за нарушение правил парковки. Собрав их и сунув в боковой карман, я уселся за руль.

Мне потребовалось всего десять минут, чтобы добраться до лаборатории. Оказавшись в пустом вестибюле, я позвонил Тому Демпси, Мэнгино и научному руководителю лаборатории. Было около полуночи, но, очевидно, мой голос звучал достаточно убедительно, поскольку никто из них и не подумал спорить. Труднее всего оказалось найти доктора Вильсона, научного руководителя проекта, но с третьей попытки мне удалось добраться и до него.

В течение получаса все они собрались в здании лаборатории. Оставшееся в моем распоряжении время я потратил на то, чтобы лично проверить местонахождение и состояние каждого из охранников объекта. Никто из них за время дежурства не заметил ничего подозрительного. С помощью специальной аппаратуры они могли держать под постоянным наблюдением территорию лаборатории и внутренних помещений здания, и согласно их мнению обстановка была самой что ни на есть нормальной.

Доктор Вильсон – худощавый англичанин с румяным лицом и взъерошенными волосами – появился первым. Подобно большинству своих соотечественников он обладал способностью сохранять свойственный его речи мягкий акцент и полнейшую невозмутимость при любых ситуациях. Пока я пытался втолковать ему, что, по моим сведениям, некий злоумышленник собирается сделать попытку взорвать термоядерный реактор, с его губ не исчезала снисходительная улыбка, недвусмысленно показывавшая его отношение к столь абсурдному предположению. Демпси и шеф службы безопасности появились в вестибюле одновременно. Том казался более удивленным, чем расстроенным. Его растрепанные волосы и смятая одежда говорили о том, что мой звонок поднял его с постели. Мэнгино, напротив, был вне себя от злости.

- Нечего впадать в панику, – пренебрежительно фыркнул он, когда я объяснил ему свои опасения. Разумеется, я не рискнул упомянуть в своем рассказе ни об Ормузде, ни об Аримане, ни тем более о каменном мешке, глубоко под землей, из которого я едва унес ноги. Мне совсем не улыбалась перспектива оказаться в сумасшедшем доме. Достаточно было убедить коллег, что существует реальная опасность террористического акта.

Доктор Вильсон попытался в доступной форме объяснить мне, что термоядерный реактор просто невозможно взорвать. Я терпеливо выслушал все его объяснения. Чем пространнее он говорил, тем дольше мы могли оставаться на месте вероятного акта события в ожидании очередного шага Аримана.

- В реакторе находится слишком ничтожное количество дейтерия, чтобы даже при наличии чьей-то злой воли мог произойти взрыв, – дружелюбно пытался убедить меня Вильсон мягким голосом.

Он сидел сгорбившись на пластиковом стуле, которых в вестибюле здания имелось великое множество. Я стоял напротив у стола администратора, вместе с Мэнгино наблюдая за поведением патрульных на экранах мониторов и делая вид, что внимательно слушаю его рассуждения. Демпси, устроившийся на соседнем стуле, уже успел снова уснуть.

- Но допустим, – возразил я, – что существует способ многократно увеличить мощность лазеров...

- В таком случае они попросту перегорят в течение одной минуты, – прервал меня Вильсон. –

Мы и так используем их на пределе возможности.

- ...и добавить количество дейтерия в рабочую камеру реактора.

Вильсон отрицательно покачал головой, отчего прядь волос песочного цвета упала на его высокий лоб. Отбросив ее движением руки, он кинул на меня снисходительный взгляд.

- Подобное развитие событий еще менее вероятно. Точнее, вообще невозможно. Существует специальная система безопасности, действующая автономно. Но даже если и она выйдет из строя и реакция примет необратимый характер, то по своим масштабам это событие не может идти ни в какое сравнение со взрывом водородной бомбы. Всего лишь незначительная авария, ни больше ни меньше.

- А что вы скажете о литиевой бомбе, - скептически осведомился я.

Впервые за время нашего разговора его брови тревожно дрогнули.

- Что вы имеете в виду? - переспросил он.

- Возможно ли, используя дейтерий в качестве естественного детонатора, вызвать взрыв защитной оболочки реактора?

- Нет, нет, ни в коем случае. Абсолютно исклю... - Он на секунду загнулся и после минутного колебания неуверенно произнес: - Скажем так: это весьма маловероятно. Чрезвычайно маловероятно. Разумеется, чтобы точно ответить на ваш вопрос, мне необходимо произвести дополнительные расчеты, но в любом случае...

- Двадцать четвертый, выйдите на связь. - Резкий голос Мэнгино прервал рассуждения Вильсона.

Я обернулся и бросил взгляд на шефа службы безопасности. Он недоуменно и обеспокоенно смотрел на экран монитора.

- Двадцать четвертый, черт вас возьми, отвечайте!

Он сердито покосился на меня, словно я был виновником последнего происшествия.

- Один из моих людей не отвечает на запрос. Он патрулирует территорию грузового склада.

- Грузового склада! - Вильсон невольно вскочил на ноги.

- Не волнуйтесь. - Мэнгино успокаивающе поднял правую руку. - Там повсюду установлены контрольные камеры. Я сам проверил территорию. Все выглядит совершенно нормально. Но я не могу найти патрульного. Вполне возможно, он просто ненадолго отлучился по малой нужде.

Я обошел стол и в свою очередь взглянул на экран монитора. Территория, примыкавшая к складу, была ярко освещена. Ничего подозрительного: я не заметил ни людей, ни машин. Вся обстановка выглядела достаточно мирной и будничной.

- Пожалуй, все же нам следует самим пойти и посмотреть, - нерешительно заметил я.

Мы растолкали Демпси и попросили его понаблюдать в наше отсутствие за экранами мониторов. Он, правда, еще не вполне отошел от сна, но и задание не требовало от него особого напряжения умственных способностей. Затем доктор Вильсон, Мэнгино и я торопливо

направились в сторону склада. На ходу шеф СБ опустил руку в карман пиджака и, достав свой пистолет, снял его с предохранителя.

Огни ламп автоматически вспыхивали впереди нас, пока мы бежали по центральному коридору корпуса, и тут же гасли за нашими спинами.

Помещение склада ничем не отличалось от других ему подобных: те же бесчисленные стеллажи и бесчисленные ящики, аккуратно упакованные в пластик.

- Здесь без труда можно спрятать взвод солдат, - недовольно проворчал Мэнгино.

- Но все, кажется, в полном порядке, - с видимым облегчением заметил Вильсон, оглядываясь вокруг.

Я уже был готов согласиться с его мнением, когда почувствовал на своем лице слабую струю прохладного воздуха. Я бросил взгляд в сторону огромных металлических ворот ангара. Они были плотно закрыты. Или это только казалось? В одной из створок имелась врезная дверь для прохода людей. Я неуверенно потрогал дверную ручку.

- Она закрыта, - заметил Мэнгино. - Электронный замок, абсолютно надежный, соединенный с сигнальным устройством. Если кому-нибудь придет в голову попытаться открыть его...

Ему не удалось закончить фразу, так как дверь, повинуясь нажиму моей руки, в ту же секунду бесшумно распахнулась. Склонившись над замком, я убедился, что он практически вырван из своего гнезда. Сквозь образовавшееся в металле отверстие и проникала легкая струя холодного воздуха. Я молча указал на него Мэнгино.

- Непонятно, почему не сработала система сигнализации, - недоуменно произнес шеф службы безопасности.

- Теперь это уже не имеет значения, - отозвался я. - Злоумышленник внутри лаборатории. Нам нельзя терять ни минуты.

Мы бросились к помещению, где находился термоядерный реактор. Дверь, ведущая в комнату, где размещался пульт управления лазерами, была сорвана с петель, хотя мы никого там и не обнаружили. Пока Вильсон проверял настройку пульта, Мэнгино по телефону отдавал приказание своим подчиненным.

- Всем свободным от несения караульной службы собраться у помещения реактора. Задерживать всех, кто попадетс вам на глаза. В случае сопротивления стрелять без предупреждения. Немедленно связаться с полицией и отделением ФБР.

Мы миновали большие двойные двери и перешли в комнату с бетонными стенами, где находились сами лазеры. Осветительные лампы включились сразу же, едва мы переступили порог помещения.

- Эти двери всегда закрыты, - прошептал доктор Вильсон, уже не пытаясь скрыть охватившей его тревоги.

Лазеры представляли собой длинные, тонкие стеклянные трубки, снабженные разнообразными приспособлениями и водруженные на тяжелые металлические пьедесталы. Их насчитывалось не менее нескольких дюжин. Стволы лазеров, занимавших все пространство обширной комнаты, были нацелены на узкую щель в бетонной, армированной сталью стене, по другую

сторону которой и находился термоядерный реактор. Вся энергия мощных приборов была готова сконцентрироваться на микроскопических шариках из дейтерия, заложенных в рабочую камеру. Несколько мгновений мы нерешительно стояли посреди комнаты. Неожиданно слабый звук привлек наше внимание. В ноздри нам ударил запах озона. Стеклянные трубки засветились в темноте зловещим зеленоватым светом.

- Бог мой, - прошептал Вильсон, - ему все-таки удалось включить лазеры!

8

Мэнгино и я одновременно посмотрели в дальний конец комнаты, где находился центральный пульт управления. Там в тени позади толстого защитного стекла угадывались знакомые очертания массивной фигуры Аримана.

Шеф СБ, не раздумывая, выхватил пистолет и нажал на курок. Стекло покрылось трещинами, но выдержало. Ему потребовалось выпустить всю обойму, прежде чем оно разлетелось вдребезги. Но этих нескольких секунд вполне хватило Ариману. Он исчез. Одновременно погасли и все осветительные лампы. Теперь помещение освещалось лишь устрашающим мерцанием лазеров, изливавших свою смертоносную энергию сквозь щель в бетонной стене в самое сердце термоядерного реактора. В комнате было темно, как в преисподней, до того как черти догадались развести там огонь. Насколько я мог судить, Ариману, с его дьявольской изобретательностью, удалось осуществить свое намерение, обесточив весь район и использовав освободившуюся энергию для увеличения мощности лазеров.

Перекрывая шум электрических генераторов, где-то недалеко от нас раздался топот бегущих людей и беспорядочные выстрелы.

- Мои ребята все-таки добрались до него, - прозвучал в темноте торжествующий возглас Мэнгино.

Увы, он ошибся. Очень скоро шум перестрелки стал заметно слабее, а скоро и совсем стих в отдалении. Я не сомневался, что и на этот раз Ариману удалось благополучно уйти от заслуженного возмездия.

- Я иду за ним, - прорычал шеф СБ, на бегу перезаряжая свой пистолет.

- Нам необходимо любым способом выключить лазеры, - крикнул я, обращаясь к впавшему в прострацию Вильсону, - прежде чем они саккумулируют достаточно энергии, чтобы взорвать литий.

В зеленом мерцании адского пламени глаза ученого казались неестественно большими.

- Но это невозможно. - Он безнадежно передернул плечами.

- Так придумайте что-нибудь, - обозлился я.

На этот раз он и не думал спорить. Мы перешли в центр лазерного контроля и сразу же убедились, что все оборудование предусмотрительно выведено из строя. Главная консоль была разбита, от датчиков осталось одно воспоминание, а сама металлическая панель оказалась с корнем вырвана из своего гнезда. Обрывки проводов свисали из навсегда остановившихся модулей. Казалось, здесь порезвился взбесившийся слон, спутавший центр управления с посудной лавкой. Но и сквозь остатки защитного стекла мы могли различить зловещую пульсацию лазеров, вопреки всякой логике продолжавших функционировать в максимальном

режиме. От удивления у Вильсона отвисла челюсть.

- Но каким образом этот тип, кто бы он там ни был, сумел добиться подобного?..

Вой электрогенераторов, похоже, достиг предела. Свечение лазеров становилось невыносимым для глаз. Под ногами хрустело разбитое стекло. Я оттащил Вильсона от искаленной панели и, спотыкаясь в темноте коридора, поволок его по направлению к реактору.

- Существует ли способ остановить это светопреобразование? - крикнул я, стараясь перекричать какофонию звуков, наполнявших помещение.

Вильсон пожал плечами.

- Количество дейтерия, находившегося в реакторе... - начал он.

- Бросьте, док. Держу пари, что оно уже превышает критическую массу.

- Тогда, - он беспомощно развел руками, - мы не можем прервать реакцию. Нам остается уповать лишь на милосердие Божие...

В призрачном зеленом свете он выглядел постаревшим и совершенно больным.

- ...Главная распределительная панель, - пробормотал он после продолжительной паузы. - Пожалуй, я смогу отключить рубильник и обесточить всю территорию лаборатории.

- Отлично, док, займитесь этим немедленно.

- Но на это потребуется время. Минут десять, в лучшем случае пять.

- Слишком много! Через пару минут здесь не останется камня на камне.

- Знаю.

- Что еще мы можем сделать? - Мне приходилось кричать во весь голос, и все равно я едва мог слышать собственные слова.

- Ничего.

- Не может быть. Должен же существовать хоть какой-нибудь выход.

- Глушитель! - воскликнул он. - Если нам удастся поместить глушитель в камеру реактора, мы сможем блокировать энергию лазеров.

Я понял! Перекрыв доступ лучей лазеров к контейнеру с дейтерием, мы смогли бы заглушить реактор.

- Я сам займусь глушителем, - прокричал я. - А вы отправляйтесь к распределительной панели. Я обойдусь без вашей помощи.

- Но каким образом?

- Не теряйте времени.

- Вы не можете войти в камеру реактора. Радиация убьет вас меньше чем за минуту.

- Ступайте. - Я решительно подтолкнул его к выходу.

Он продолжал колебаться.

- Ради Бога... не делайте этого, - отчаянно крикнул он, когда я распахнул дверь помещения реактора.

Я игнорировал его призыв и вошел внутрь. Комната имела круглую форму и была перекрыта низким сводчатым потолком, как и все другие лабораторные помещения, сооруженные из железобетона. Сейчас она вся утопала в зеленом свете лазеров.

Реактор, расположенный в самом центре комнаты, представлял собой металлический шар футов пяти в диаметре, со всех сторон опутанный трубами охлаждения. По виду он слегка напоминал батискаф, лишенный иллюминаторов. Задача представлялась совершенно неразрешимой. Энергия лазеров поступала в реактор по толстому кварцевому светопроводу, перекрыть который без соответствующих инструментов было практически невозможно даже при наличии у меня достаточного количества времени. Но его-то у меня как раз и не было. В защитной оболочке сферы имелось только одно отверстие, закрытое массивной заслонкой. Не раздумывая о последствиях, я откинул ее в сторону.

Невероятная интенсивность света, мгновенно хлынувшего в помещение, ошеломила меня. Рукотворная звезда, ослепительно сиявшая внутри камеры, могла взорваться в любую секунду. Это было последнее, что мне довелось увидеть. Я ослеп раньше, чем отблески адского пламени коснулись моего лица. Не обращая внимания на невыносимую боль, я нащупал раскаленную крышку люка и протиснулся внутрь камеры, поместив свое тело на пути лазерного луча.

И оказался в геенне огненной. Я горел заживо, словно грешник на сковороде, но, как ни странно, мой мозг все еще продолжал работать. Картины прошлого, настоящего и будущего одна за другой всплывали в моем сознании. Я мог видеть кричащие заголовки завтрашних газет:

«ПОПЫТКА ВЗРЫВА ТЕРМОЯДЕРНОГО РЕАКТОРА ПРОВАЛИЛАСЬ»

Я представлял себе: удивленные лица агентов и экспертов ФБР, изучающих мои жалкие останки; машину «скорой помощи», увозящую в больницу доктора Вильсона, так и не сумевшего оправиться от пережитого шока; горящие ненавистью красные глаза Аримана, обдумывающего новый план мщения; величественную фигуру Ормузда на фоне черной пустоты космоса; Ормузда - победителя, хранителя мироздания; и даже себя, Ориона Охотника.

Я наконец познал свое прошлое и будущее. Я знал, кто я есть и каково мое предназначение в этом мире.

Я - Орион, Прометей, Гильгамеш [4] и Заратустра в одном и том же лице!

Я - Феникс, умирающий в пламени и возрождающийся из собственного пепла, чтобы умереть в очередной раз.

Я сумел расстроить зловещие планы Аримана, хотя ему самому и удалось ускользнуть от меня. Человечество получило в свои руки неисчерпаемый источник энергии. Пройдет совсем немного времени, и корабли землян отправятся к звездам. Критическая точка в истории человечества благополучно преодолена. Это стоило мне жизни, но существующая система мироздания была сохранена.

Я умер, но я и продолжал жить. Я существовал как личность, предназначение которой было преследовать Аримана, когда бы и куда бы он ни направился. Моя охота все еще продолжалась.

Интерлюдия

Это место могло быть Олимпом, Валгаллой [5] или Царством Небесным в зависимости от вкуса и профессиональной принадлежности наблюдателя. Для художника-сюрреалиста оно оказалось бы неиссякаемым источником вдохновения, живым воплощением его фантастических видений.

вернуться

4

герои соответственно греческого и шумерского эпосов

вернуться

5

обитель богов в эпосе древних германцев

Здесь не существовало видимых границ. Холодное голубое небо, кое-где покрытое легкими облаками, простиралось во все стороны бесконечного пространства. В зените, там, где его лазурь приобретала темно-синий, почти черный оттенок, блестели крошечные точки звезд, никогда не изменявших своего положения. Здесь не существовало самого понятия времени, как и тверди земной под ногами и солнца над головой. Чистый неподвижный воздух, казалось, светился сам по себе, наполняя пространство мягким золотистым сиянием.

Если бы человеку довелось когда-нибудь увидеть это место, то скорее всего оно напомнило бы ему вид, открывающийся с горной вершины, высоко вознесшейся над облаками и бурями, страстями и тревогами нашего грешного мира. Здесь царили вечная красота и покой, недоступные воображению простого смертного, рождающегося и живущего в страдании и в свой срок гаснущего, словно пламя догоревшей свечи.

Неожиданно на фоне бездонного неба появилась мерцающая точка новой звезды и стремительно понеслась вниз, на глазах увеличиваясь в размерах. Опустившись на поверхность ближайшего облачка, она приняла образ молодого мужчины в золотой мантии, красивого как бог, высокого и широкоплечего, с пышными золотыми волосами и глазами янтарного цвета.

Он уселся на гребне волнообразной поверхности облака с величием императора, взошедшего на свой трон, и глубоко задумался. Спустя какое-то время рядом с ним спустился серебряный шар меньших размеров, преобразившийся в молодую женщину с черными волосами и огромными серыми глазами. Серебристая легкая туника облекала ее стройную фигуру.

- Похоже, тебе пришлось по вкусу форма человеческого тела, - заметила она.

Мужчина высокомерно поднял брови и бросил на свою гостью неодобрительный взгляд.

- Оно помогает мне лучше понять этих существ, - произнес он серьезно, - постигнуть их мысли

и чувства.

- Но при этом ты наслаждаешься ролью бога.

Мужчина снисходительно пожал плечами.

- Должна ли я называть тебя по имени, которое ты избрал для себя при общении с представителями человечества. - Она уже не скрывала своей иронии. На ее губах играла насмешливая улыбка, но ее большие серые глаза смотрели холодно и строго.

Не выдержав этого взгляда, мужчина отвернулся в сторону.

- А ты предпочитаешь подобрать мне имя по собственному вкусу, не так ли? - усмехнулся он.

- В таком случае пусть будет Ормузд, - предложила она. - Бог Света. Твои маленькие игрушки должны оценить скромность своего господина.

- А как же мне прикажешь называть тебя?

- Аня, - отвечала она немного подумав. - Мне нравится это имя. До тех пор пока мы изображаем людей, ты можешь называть меня этим именем.

- Ты слишком легко к этому относишься, - предостерег ее Ормузд.

- Ничего подобного, - возразила Аня, переходя на серьезный тон. - Я знаю, насколько это важно. Я испытала на себе их чувства и думаю, что поняла их. Чувство ужаса, боли, страха перед смертью... перед превращением... в ничто.

- Тебе не следовало отправляться туда. Я предостерегал вас против этого шага.

- Все правильно, ты предпочел возродить своего воина и бросить его против Владыки Темных Сил, одного, без друзей, без надежды, даже без воспоминаний.

- Такова участь всех людей. Они не должны понимать того, что происходит. К чему было делать для него исключение?

- В том-то и беда, что они все понимают, - возразила Аня. - Правда, на свой собственный примитивный лад. Они интуитивно догадываются о происходящей борьбе и отдают себе отчет в том, что они не более чем пешки в игре сил, намного превосходящих их своим могуществом.

Ормузд недоверчиво покачал златокудрой головой.

- Они понимают только то, что я разрешаю им понять.

- Ты ошибаешься, - настаивала она. - Обрати внимание на их ученых, их тягу к познанию сущности вселенной. Они на пороге открытия истинной природы соотношения времени и пространства.

- Ты заблуждаешься. Они до сих пор убеждены в необратимости хода времени и полагают, что причина всегда предшествует следствию.

- Приглядысь повнимательнее, о бог Света, - рассмеялась она. - Твои игрушки уже не те, какими были когда-то. Они начинают постигать тайны, еще недавно недоступные их сознанию.

- В таком случае мне следует вмешаться и изменить существующий ход вещей. Они не должны узнать слишком много. Во всяком случае не теперь.

- Нет! Только не это! Пусть они познают истину. Ты не можешь обращаться с ними как с простыми марионетками.

Он бросил на нее недоумевающий взгляд.

- Я могу обращаться с ними так, как мне угодно. В конце концов, я сотворил их. Они принадлежат мне!

- Но ты не в состоянии больше контролировать их.

- Глупости.

- Пора бы вам признать это, - стояла на своем Аня. - Они уже вышли из-под твоей власти.

- Я контролирую их!

- Ты сам вложил в них чувство любознательности, тягу к знанию.

- Это было необходимо, - вздохнул Ормузд, - но я уравновесил его чувством страха перед неизвестностью.

Глаза Ани гневно сверкнули.

- Уравновесил? Ты ошибаешься, мой благородный богоподобный творец. Ты только внес чудовищную противоречивость в их естество. Они разрываются между стремлением познать тайны бытия и страхом перед неизвестностью. Своим необдуманном поступком ты обрек их на вечные мучения, превратил их жизнь в настоящий ад!

Тот, кто называл себя Ормуздом, собрался было возразить ей, но остановился, прежде чем успел произнести хотя бы слово. Он наконец понял, что собирается сказать Аня.

Она хотя и недолго, но все же пожила среди людей и лучше его понимала их чувства и страдания. Вздохнув, он решил изменить свою тактику.

- Они наивно верят, что их боги всемогущи и всеведущи. Они порицают меня за свои болезни, свои собственные недостатки и промахи...

- Они еще верят в твое милосердие, - добавила Аня, - и в твою любовь.

Он снова вздохнул, на этот раз тяжело и устало.

- Они понимают, что их создание было осознанным актом творения, что у человечества есть свое предназначение, - продолжала она, - но им приходится брести на ощупь во тьме, дабы узнать, каково оно. Они и рады бы служить тебе, но не знают, чего ты хочешь от них.

Ормузд гневно выпрямился во весь свой огромный рост. Исходящая от него энергия озарила облака золотистым светом.

- Они уже выполнили свое предназначение много столетий назад, - раздраженно произнес он. - Сейчас, если Охотник осуществит свою миссию...

- Тогда ты победил, - прервала она его. - Отныне мы в безопасности.

- И я смогу наконец-то избавиться от них.

- Ты не можешь уничтожить человечество!

Ормузд насмешливо поднял брови.

- Не могу? Я?

- Ты не осмелишься, - поправила сама себя Аня. - Тебе известно, что наша собственная судьба неразрывно связана с существованием человечества. Создатели и их творения - части одного континуума. Если люди будут уничтожены, мы погибнем вместе с ними.

- Неужели ты способна поверить в подобную нелепость?

- Я знаю, что говорю. И ты знаешь. Иначе чего ради ты позволил им сохранить жизнь? Ты сотворил людей, чтобы с их помощью победить Темные Силы, Они выполнили свою задачу.

- Но не полностью. Владыка Тьмы еще существует!

- Да, правда. - Она вздрогнула. - И пока он существует, мы не можем чувствовать себя в безопасности. До тех пор пока Владыке Тьмы удастся ускользнуть от тебя, вы нуждаетесь в помощи людей. Преданной тебе армии воинов. Твоих телохранителей, всегда готовых пожертвовать своей жизнью ради тебя.

- Это их долг. Я сотворил их воинами.

- Да, и справился со своей работой настолько хорошо, что они уже не могут жить без войны. А пока творец бездействует, им приходится убивать друг друга. И этому не видно конца.

Ормузд пренебрежительно пожал плечами.

- Ну и что же из этого? Их и без того слишком много, несколько миллиардов. И число их продолжает увеличиваться. Я сам вложил в них инстинкт продолжения рода. Я дал им радость, чтобы компенсировать боль.

- Ты опять заговорил о равновесии, - горько улыбнулась Аня. - Иногда я думаю, что ты на самом деле веришь, что тебе не в чем упрекнуть себя, что ты справедлив и даже добр по отношению к ним.

- Они всего лишь мое творение. Игрушки, как ты сама называешь их. Мне нет нужды быть добрым с ними.

Наступила продолжительная пауза. Глаза Ани блестели. Было очевидно, что она лихорадочно обдумывала какую-то мысль. Желая утешить ее, Ормузд нежно коснулся ее плеча.

- Тебе не было никакой необходимости становиться одной из них, - сказал он тихо. - В мои планы никогда не входило, чтобы ты стала такой же ранимой, как и они.

- Но это уже произошло, - возразила она еле слышно. - И мне никогда не забыть того, что случилось.

- Моя дорогая...

- Они такие... беззащитные, - вздохнула она, - такие слабые. Им так легко причинить боль.
- Да, их возможности весьма ограничены. Ты знаешь это лучше меня. Такими я и задумал создать их. Я был обязан так поступить.
- И ты не чувствуешь своей ответственности по отношению к ним?
- Почему же? Конечно, чувствую.
- Ты знаешь, во что верят некоторые из них? - спросила она и, прежде чем он успел ответить, торопливо продолжала: - Некоторые из их философов полагают, что это они создали нас. Интуитивно они понимают, что и мы нуждаемся в них, что мы не сможем существовать без них.

Он пренебрежительно поморщился.

- Подумаешь, философы. Эти людишки ухитрились свалить в одну кучу истинные знания и редкостную чепуху. Тщеславные болтуны. Преподносят как высшую мудрость любую ерунду, которая приходит в их пустые головы, и еще называют это интеллигентностью.
- Но они учатся. Учатся, не щадя своих сил. Они создают музыку и пишут картины, строят машины, которые понесут их к звездам.
- Что же, тем лучше, - равнодушно согласился он. - Это делает их еще более ценными для нас.
- Но, с другой стороны, знания, которые они обрели, дали им и понимание собственной силы. Они уже обладают оружием, способным уничтожить целые народы.
- Такого никогда не случится, - резко возразил он.
- Но ты опасаясь этого?
- Нет. Я всегда могу остановить их, не дать им возможности полностью уничтожить друг друга.
- Ты сам создал их столь агрессивными. Ты создал расу бойцов, расу убийц!
- Конечно. - Кивком головы Ормузд подтвердил свое согласие с ее словами. - Агрессивность их природы для нас ценнее всего.
- Даже если это качество заставляет их убивать друг друга?
- Даже если они уничтожат свою так называемую цивилизацию в ядерной войне. Невелика потеря. Какая-то часть из них переживет и эту катастрофу. Я присмотрю за этим. Сколько уже было таких цивилизаций! Где они теперь? Но само человечество выжило. И только это имеет значение.
- А как быть с Владыкой Тьмы? Полагаю, что если ты называешь себя Ормуздом, богом Света, то его следует назвать Ариманом, богом Тьмы.

В знак согласия Ормузд слегка наклонил голову.

- Он на самом деле располагает властью, способной уничтожить нас? - спросила она.
- По крайней мере, сам он уверен в этом. Он считает, что, если ему удастся уничтожить

человечество, нам придется умереть вместе со своими творениями.

Впервые Аня выглядела испуганной.

- Это правда? Такое может произойти?

В свою очередь Ормузд в первый раз не смог сразу ответить на ее вопрос.

- Точно не знаю. Людям нравится верить в то, что они являются венцом творения, солью Земли, точкой опоры, на которой держится мир. В этом их сила и их слабость.

- Ты хочешь сказать, что, может быть, они недалеки от истины? - прошептала женщина.

- Не знаю, - рявкнул Ормузд, сжимая кулаки в бессильной ярости. - Этого не знает никто! Мы вовсе не всеведущи. Существует великое множество вещей, которые даже я не могу понять.

К его удивлению, Аня улыбнулась. Она стояла перед разгневанным богом Света, широко улыбаясь, пока в конце концов не расхохоталась.

- Следовательно, люди все-таки правы. Они больше не нуждаются в нас. Что мы дали им, кроме боли и горя?

- Я сотворил их! - прогремел Ормузд.

- Нет, нет, мой дорогой друг, вообразивший себя богом. Это они сотворили нас. Может быть, ты и слепил их из глины и вдохнул в них жизнь, но ты сделал это по их требованию. Они хотели этого, и ты, и я, и все так называемые боги и богини не более чем их слуги.

- Это безумие, - воскликнул Ормузд. - Ты сошла с ума! Я сотворил их, чтобы они служили мне.

Смех Ани наполнял воздух, словно звон серебряного колокольчика.

- И ты еще порицаешь их за непонимание причинной связи! Конечно, ты создал их. Но и они тоже создали тебя. Причина и следствие; следствие и причина. Что было вначале?

Ормузд стоял молча, опустив голову.

- Что же теперь? - спросила она и, не ожидая его ответа, добавила: - Их борьба - наша борьба. Если погибнут они, то умрем и мы. Наша обязанность помочь им. У нас нет выбора.

- Я и так помогаю им, - произнес Ормузд, принимая прежнюю величественную позу.

- Да, ты сотворил воинов, чтобы они сражались вместо тебя, пока ты сам оставался здесь, не зная ни боли, ни сомнений. Ты ограничивался тем, что управляли ими, как марионетками, отправляя их на верную смерть.

- Чего же ты хочешь от меня? Чтобы я, как и ты, отправился к ним и стал человеком?

- Да!

- Никогда!

- Я сделала это.

- Да, и умерла за них. Испытала агонию и страх. Поняла, что такое смерть.
- Да, и если понадобится, сделаю это еще раз. Столько раз, сколько потребуется.
- Зачем?
- Чтобы помочь им. Помочь нам.
- Это безумие!
- Я люблю их, Ормузд.

Он недоуменно уставился на нее.

- Но они только наши творения, наши игрушки.
- Да, но они живые. Помимо горя и боли и вечной неуверенности в завтрашнем дне они познали чувство любви, родства, радости жизни. Они ЖИВЫЕ, Ормузд. Ты их сделал лучше, чем задумал. И я хочу быть одной из них.
- Даже в том случае, если тебе снова придется умереть?
- Даже если мне придется умереть сто или тысячу раз. Жизнь стоит этого. Попробуй, и ты сам убедишься.
- Нет! - Он снова сделал шаг назад.
- Ты останешься здесь, пока все мы будем сражаться ради нашей общей окончательной победы?
- Я останусь здесь, - отрезал он.
- Кукловод, - сказала она презрительно.
- Я создатель, - возразил он гордо.

Аня рассмеялась и медленно растворилась в серебристом сиянии.

Ормузд остался один, вне времени и пространства, против собственной воли размышляя о том, как могло произойти, что люди, созданные им на маленькой планете, называемой Земля, оказались главной силой во вселенной, гарантами существования самого мироздания?

Иногда даже боги могут плакать, и Ормузд, продолжавший думать о Земле и странном нарушении причинно-следственной связи, неожиданно почувствовал себя очень старым и очень одиноким.

Часть вторая

Ассасин

9

Я открыл глаза и обнаружил, что нахожусь посреди пустынной, плоской, как стол, равнины. Почва здесь была преимущественно песчаная, с редкими участками пожухлой травы,

разбросанными на значительном удалении друг от друга. Надо мной сияло совершенно безоблачное небо, хотя у самого горизонта висела грязная пелена дыма, постепенно расплываясь во все стороны. Там что-то горело. Нечто крупное, сопоставимое по размерам с небольшим городом. Лучи солнца обжигали мои голые плечи. На мне была короткая юбка и грязные сандалии; ничего больше. Как ни странно, я несколько не удивился, что еще жив, хотя отчетливо помнил, как умирал в камере термоядерного реактора. Я понимал, что не мог выжить, пройдя через такой ад. Следовательно, это началась моя другая жизнь.

Я был совершенно здоров и мог полностью контролировать свое тело, хотя мои колени невольно задрожали, когда я представил себе то, что мне пришлось пережить за несколько последних секунд, проведенных в двадцатом столетии. Двадцатое столетие! Как далеко оно сейчас от меня.

Не знаю почему, но я был абсолютно уверен, что в данный момент нахожусь в другой эпохе, где-то на заре человеческой истории. Ариман сказал мне, что я двигаюсь сквозь время в обратном направлении – от Конца к Войне. И хотя я знал, что помимо прочего он был Князем Лжи, я почему-то не сомневался в его словах.

Так где же я все-таки находился? Пустыня, простиравшаяся на многие мили вокруг меня, сама по себе не могла дать ответа на этот вопрос. Единственным же признаком человеческой деятельности оставался все тот же погребальный костер, полыхавший где-то за горизонтом. За неимением лучшего выбора я двинулся в его сторону. Безжалостное солнце жгло мне спину, хотя время едва перевалило за полдень и худшее было еще впереди. Труднее всего оказалось бороться с жаждой. Разумеется, я мог бы заставить свои железы не выделять пота, но тогда температура моего тела очень скоро поднялась бы до столь высокого уровня, что при всем своем оптимизме я не мог бы вообще сдвинуться с места. С другой стороны, обильное выделение пота, хотя и охлаждало мою кожу, могло привести к почти полному обезвоживанию организма со всеми вытекающими отсюда последствиями. Столь же бесполезен, но еще более опасен был мой коронный трюк по извлечению влаги из плазмы крови и клеток внутренних органов. В условиях пустыни подобная попытка очень немногим отличалась бы от самоубийства.

Как и всякий другой человек, оказавшийся в раскаленном пекле, я нуждался в воде, и с каждым часом эта нужда становилась все острее.

Слева от себя я заметил крупных птиц, неторопливо описывавших круги в выгоревшем от зноя небе. Стервятники! Кто-то умер или умирал совсем недалеко от меня. Человек или животное, кем бы ни был умирающий, он мог стать для меня спасительным источником влаги. Я не менее брезглив, чем любой другой человек, но у пустыни свои законы. Тот, кто гибнет от жажды, забывает о жалости ради спасения собственной жизни.

Стервятники опускались все ниже, и, чтобы лучше видеть, я забрался на небольшую скалу, выступавшую из песка, горячую, как свежее испеченный хлеб. В конце концов я разглядел то, что птицы увидели раньше меня: перевернутую повозку и несколько тел, распростертых на желтом песке. Один из стервятников уже сидел на колесе телеги, рассматривая потенциальную добычу. На моих глазах еще несколько птиц присоединились к нему; другие, более решительные, направились прямо к телам погибших.

Я подобрал с земли камень размером с кулак и швырнул его в птицу, сидевшую на колесе. Камень попал стервятнику в голову и прикончил на месте. Мне пришлось бросить еще несколько камней и убить еще пару птиц, прежде чем стая заметила мое присутствие и нехотя поднялась в воздух. Тем не менее и после этого они продолжали кружить надо мной, терпеливо

ожидая своего часа. Я подошел к телам погибших людей. Во всяком случае, они умерли не от жажды.

Ближе всех ко мне лежал мужчина с многочисленными колотыми ранами, большинство из которых находилось у него на спине. Он умер совсем недавно, кровь даже не успела свернуться. По-видимому, в него было выпущено сразу несколько стрел, которые затем бережливые убийцы выдернули из его тела для повторного использования. Неподалеку валялись тела его жены и двух детей, у всех троих было перерезано горло. Женщина, вряд ли старше двадцати лет, лежала совершенно обнаженной.

Все их добро победители унесли с собой. Повозка была совершенно пуста. Исчезли и волы, тащившие ее. Их следы отчетливо просматривались на почве. Для убийц злополучной семьи вьючные животные стоили куда больше человеческой жизни. Хотя я не обнаружил в повозке и следов воды, я сразу убедился в том, что, вопреки первоначальному решению, не смогу воспользоваться кровью несчастных жертв даже ради собственного спасения.

Подняв голову, я заметил, что стервятники все еще продолжают кружить надо мной, молчаливо наблюдая. Если бы у меня были силы и лопата, я бы похоронил несчастных. Но у меня не было ни того, ни другого. Стервятники выиграли. Я повернулся спиной к месту недавней трагедии, предоставив могильщикам пустыни наслаждаться их ужасным пиршеством.

Казалось, день никогда не кончится. Жара стала совершенно невыносимой. Я шел уже много часов, но столб дыма, на мой взгляд, был ничуть не ближе, чем в тот момент, когда я впервые заметил его. Несмотря на безнадежность моего положения, ситуация, в которой я оказался, представлялась мне совершенно абсурдной, чуть ли не анекдотичной. Без сомнения, я находился здесь по воле Ормузда. По-видимому, нечто чрезвычайно важное должно произойти в этом забытом Богом месте в самое ближайшее время. Нечто такое, что могло изменить всю историю человечества. Скорее всего Ариман готовился предпринять новую попытку разорвать связь пространства и времени и уничтожить континуум. Но похоже, что мне суждено умереть от жажды прежде, чем я сумею приступить к осуществлению моей миссии.

И тут я увидел их.

Пять или шесть всадников медленно двигались по поросшей чахлым кустарником равнине, примерно в миле впереди меня. Таких низких и тощих лошадей мне еще не доводилось видеть. Под стать животным были и их хозяева, низкорослые, жилистые, в остроконечных металлических шлемах. Каждый из них имел длинное, тонкое копьё, кривую саблю и лук, притороченный к седлу.

Они заметили меня почти в тот же момент, когда я увидел их, и, развернув лошадей, с дикими криками понеслись в мою сторону. Подскакав поближе, они придержали своих коней, понимая, что полуголый, пеший и безоружный человек не имеет шансов убежать от них. Теперь, когда они оказались совсем близко от меня, я сумел лучше рассмотреть их лица – восточного типа, с высокими скулами и узкими раскосыми глазами.

«Типичные обитатели степей Центральной Азии, – подумал я. – Монголы или предки современных турок, обитавших некогда вблизи озера Байкал».

Шестерка всадников остановилась ярдах в двадцати, разглядывая меня с не меньшим любопытством, чем я сам изучал их самих. Один из них, очевидно предводитель, произнес несколько слов, обращаясь к своим товарищам, и, к своему удивлению, я обнаружил, что

понимаю их язык. Ормузд позаботился обо всем.

- Он не похож на остальных.

- Может быть, он раб из другого племени, взятый в плен? - высказал предположение второй всадник.

- Никогда не видел никого похожего на него. Обрати внимание на его рост и цвет кожи... розовая, словно у новорожденного поросенка.

- Может быть, нам следует отвести его к орхону, - предложил третий всадник. - Глядишь, он вознаградит нас за столь необычного пленника.

- Ты хочешь сказать, выродка?

- Да нет, он вполне похож на человека, если не считать цвета его кожи.

- Готов поспорить, что кровь у него красная.

С этими словами один из всадников, находившийся справа от предводителя, ударил пятками по бокам своей клячи, заставляя ее перейти в галоп, и, сделав небольшой круг, помчался в мою сторону, нацелив копьё в мое сердце. Его товарищи продолжали спокойно сидеть в седлах, довольно улыбаясь в предвкушении нового развлечения. Возможно, моя кожа и правда напомнила им шкуру молодого поросенка, но из этого не следовало, что я соглашусь позволить одному из дикарей спокойно прирезать меня.

Не двигаясь, я ожидал приближения всадника, мобилизовав все силы, еще остававшиеся в моем измученном теле. Волна адреналина прокатилась по моим сосудам, мгновенно приведя мышцы в состояние боевой готовности. Я мог видеть малейшие движения наездника и его лошади, словно на киноленте, запущенной с замедленной скоростью. Широко открытые, испуганные глаза лошади, ее трепещущие ноздри, вдыхавшие незнакомый запах, острое копьё, направленное в мою сторону. Полуоткрытый рот кочевника, лицо, искаженное гримасой жестокости. Когда он оказался в нескольких шагах от меня, я, словно заправский тореадор, сделал моментальный шаг в сторону и, ухватившись рукой за середину древка копьё, рванул его на себя. Сила моего рывка была настолько велика, что оба, и всадник, и его лошадь, одновременно грохнулись на землю, подняв вокруг себя облако пыли. У меня в руках остался обломок копьё фута в три длиной.

Когда пыль несколько рассеялась, я заметил, что лошадь успела вскочить на ноги и отбежала на несколько ярдов в сторону, волоча по земле брошенные поводья. Не принимавшие участия в поединке кочевники проводили ее взглядами и, лишь убедившись, что с ней не случилось ничего дурного, обратили внимание на своего поверженного товарища. Он пострадал куда больше своего «пони». Его левая рука, очевидно, была сломана у плеча, но тем не менее, не обращая внимания на боль, он выхватил свою кривую саблю и снова набросился на меня. Я легко парировал его удар древком копьё, хотя при этом и лишился своего единственного оружия, перерубленного всего лишь в нескольких дюймах от моей кисти. Не ожидая нового выпада, я нанес своему противнику удар ногой в солнечное сплетение, заставив его согнуться пополам и опуститься на землю. Отбросив в сторону бесполезный обломок копьё, я вырвал саблю из его руки и, оставив его валяться на земле, отошел в сторону.

Предводитель отряда не стал тратить лишних слов. Схватив свой лук, он натянул тетиву и выпустил стрелу мне в грудь. Ударом сабли я отбросил ее в сторону. Это едва не доконало их. Но все они были опытными воинами, и им не потребовалось много времени, чтобы прийти в

себя. Убедившись, что они имеют дело с серьезным противником, всадники просто разъехались в разные стороны, взяв меня в кольцо. Как бы мастерски я ни владел саблей, мне не удалось бы парировать град стрел, направленных на меня с разных сторон.

- Подождите! - крикнул я. - Я не враг вам. Я пришел из далекой страны, чтобы повидаться с вашим ханом.

Воин, лежавший у моих ног, тем временем сумел подняться на колени, жадно лоя воздух широко открытым ртом.

- Видите, я не убил вашего товарища, хотя легко мог это сделать, - продолжал я, обращаясь непосредственно к предводителю. - Я пришел к вам с миром. Я не воин.

Предводитель, сощурился глазами, оглядел меня с ног до головы.

- Не воин? - переспросил он. - Пусть в таком случае Бог охранит нас от воинов твоего народа.

- Я пришел с миром, - повторил я.

- Ты говоришь на нашем языке, - заметил он с подозрением.

- Конечно. Я должен был изучить его, чтобы разговаривать с вашим ханом.

Его глаза превратились в маленькие щелки.

- С каким ханом? Великим ханом?

- Да.

- Этот человек - дьявол, - заметил один из воинов. - Давайте лучше убьем его. - Он поднял свой лук.

- Нет, - остановил его предводитель. - Подожди.

Я видел, что в его голове происходила жестокая борьба. Надо было решить, что делать со мной. Рядовым воинам редко приходится сталкиваться со столь сложными проблемами.

- Откуда ты пришел, чужеземец? - спросил он наконец. - Скажи нам свое имя.

- Мое имя Орион, - ответил я. - Я пришел из страны, лежащей далеко на западе.

- Твоя страна лежит за Западными горами? - спросил один из воинов.

Я кивнул головой.

- Значит, ты посол? - уточнил предводитель.

- Да, я посол своей страны, - подтвердил я в тайной надежде, что даже у этих варваров существует некое примитивное представление о дипломатической неприкосновенности.

- И ты хочешь видеть Великого хана?

- Это моя миссия.

Воин, лежавший у моих ног, наконец сумел выпрямиться во весь рост, хотя его колени

продолжали дрожать от слабости. Пинок, которым я наградил его, мог свалить с ног и более крепкого человека. Несколько секунд он разглядывал меня, затем требовательно вытянул вперед правую руку. Немного поколебавшись, я вернул ему саблю. Взяв ее, он насмешливо улыбнулся мне и отвел руку для решающего удара.

Я стоял, не двигаясь, глядя ему прямо в глаза, зная, что у меня есть еще достаточно времени, чтобы в случае необходимости заблокировать его удар. К тому же я почти не сомневался, что его действия были лишь испытанием моей выдержки. Глаза кочевника изучали мое лицо в поисках малейшего признака страха. Я спокойно выдержал его взгляд. Предводитель отряда с любопытством наблюдал за этой сценой, но не делал попытки вмешаться в происходящее. Наконец воин опустил саблю.

- Он демон, а не человек, - произнес кочевник, обращаясь к своим товарищам.

Предводитель хрипло рассмеялся.

- Станный тип, что и говорить. Отведем его к орхону, пусть он сам решает, что с ним делать.

10

Мне пришлось и дальше идти пешком, но, надо отдать им должное, воины, ехавшие верхом, были настолько великодушны, что не пожалели для меня большей части своей воды. Я осушил кожаные бурдюки предводителя и двух его воинов, прежде чем день подошел к концу.

Мы находились в Персии. Почему-то я не сомневался в этом. Что же касается моих покрытых шрамами всадников, то они, судя по всему, были монголами армии Чингисхана, дикие орды которых в тринадцатом столетии потрясли цивилизованный мир от Китая до границ Польши. Я попытался задать несколько вопросов предводителю маленького отряда, но он презрительно игнорировал мои попытки. Очевидно, приняв решение доставить меня своему хану, он не хотел скомпрометировать себя общением с подозрительным чужеземцем. Он был воином, а не дипломатом. И все же я испытывал благодарность к нему, поскольку именно это решение в конечном итоге и спасло мне жизнь.

Наконец долгий день завершился. Солнце опустилось за горизонт, и минут через десять стемнело. И стало чертовски холодно. Разумеется, у меня имелись свои способы согреться, но для ночи в пустыне их одних было недостаточно, а скудность одежды не позволяла мне рассчитывать на большее. Монголы отнеслись к моему состоянию с полнейшим равнодушием, а может быть, и вовсе не заметили его. Они лениво трусили на своих маленьких лошадках следом за своим предводителем, рядом со стременом которого я и шагал.

Еще примерно через час мы добрались до города, дым от пожаров которого я наблюдал в течение минувшего дня. Мне никогда так и не удалось узнать его названия. Монголы не селились в завоеванных ими городах. Будучи кочевниками, они предпочитали степи, богатые травой, где могли пастись табуны их лошадей и стада домашнего скота. Во время войны, если осажденный город сдавался на милость победителей, они обычно оставляли его жителей в покое, ограничиваясь сбором налогов. Встречая сопротивление, они брали город штурмом, а его обитателей вырезали или продавали в рабство. Мужчины, как правило, безжалостно уничтожались, а их женщины и имущество доставались воинственным победителям. Не брезговали они и пытками богатых горожан, если рассчитывали найти спрятанные сокровища. Люди двадцатого столетия напрасно думают, что разрушение городов до основания - изобретение их современников. Монголы еще восемь веков назад делали это с не меньшим эффектом, сжигая деревянные постройки, разрушая каменные укрепления стенобитными

машинами, а в отдельных случаях даже затопляя целые города водой из близрасположенных рек, для чего строили специальные дамбы. По сравнению с тем, что мне довелось увидеть собственными глазами, находясь рядом с этими варварами, ядерное оружие по крайней мере имеет то преимущество, что убивает мгновенно, не заставляя свои жертвы испытывать дополнительные мучения, которые порой оказывались страшнее самой смерти.

Монгольский лагерь поражал своими размерами. На обширной равнине, примыкавшей к дымящимся руинам города, полыхали тысячи походных костров завоевателей, возвышались шатры их военачальников, паслись многочисленные табуны лошадей. Постороннему человеку ничего не стоило заблудиться в этом человеческом муравейнике, но мои конвоиры ориентировались в нем безо всякого труда.

Неожиданно мы оказались на открытом пространстве, окруженном со всех сторон вооруженными до зубов людьми. Пламя костров бросало кровавые отблески на бронзовые шлемы воинов и украшенные драгоценными камнями эфесы их сабель. Здесь монголы придержали своих лошадей, а их предводитель спрыгнул на землю и, подойдя к одному из младших офицеров, обменялся с ним парой многозначительных фраз. По-видимому, результат переговоров оказался вполне удовлетворительным для него, потому что, счастливо улыбнувшись, он тут же снова вскочил в седло и растворился в ночи вместе со своим отрядом, предоставив меня моей собственной судьбе.

Офицер караула несколько секунд недоверчиво изучал мое лицо.

- Мне сказали, что ты говоришь на нашем языке? - произнес он надменно.

Это был уже пожилой, поседевший в сражениях человек, и подобно большинству своих соотечественников по меньшей мере на голову ниже меня.

- Я понимаю ваш язык, - подтвердил я.

- Твое имя Орион? - продолжал он свой допрос. - И ты явился из-за Западных гор, чтобы выразить почтение Великому хану?

- Я был послан с миссией к Великому хану, - согласился я.

- Но у тебя нет даров для него, - недоверчиво возразил он.

- Мои дары у меня здесь, - усмехнулся я, постучав себя по лбу. - Это дары мудрости, не менее ценные, чем золото и жемчуг.

Легкая улыбка промелькнула на губах ветерана, и я понял, что имею дело с далеко не простым человеком, каким показался он мне с первого взгляда. Тем не менее его подозрительность отнюдь не уменьшилась. Очевидно, мой внешний вид не вызывал у него особого доверия. Несколько минут он продолжал молча изучать мой череп, словно собирался лично убедиться в наличии внутри его сокровищ, о которых я упомянул.

- Но ты не можешь появиться перед орхоном в таком виде, - заметил он презрительно. - Следуй за мной.

- Но я голоден, - напомнил я. - Я не ел уже... - слова «восемь столетий» едва не сорвались у меня с языка, но я сумел вовремя подавить свои эмоции, - ...много дней.

В принципе он ничем не отличался от любого другого младшего офицера в любой армии мира.

Пробормотав проклятие, он отвел меня к ближайшему костру и приказал сидевшей рядом с огнем старой женщине накормить меня. Я проглотил миску тушеного мяса и запил его кувшином кислого молока. Едва я успел утолить свой голод, как появился еще один монгол и бросил мне под ноги охапку одежды.

Старуха, с любопытством наблюдавшая за мной, невольно рассмеялась при виде моих тщетных попыток натянуть на себя эти лохмотья.

- Они слишком малы для него, - заметила она, - хотя, пожалуй, во всей армии не найти сапог, которые смогут подойти ему.

- Пусть ходит босиком, - огрызнулся солдат, - это его забота, не моя.

В конце концов мне, хотя и с трудом, удалось справиться с нелегкой задачей. Правда, не думаю, что мой внешний вид от этого сколько-нибудь выиграл. Я был выше и шире в плечах, нежели большинство монголов. Грязная кожаная куртка пропахла потом. Потертые брюки, по-видимому, когда-то принадлежали дородному человеку, так что у меня не возникло проблем с тем, чтобы натянуть их на себя, но они едва закрывали мои икры. Что касается сапог, то старуха была безусловно права, но это обстоятельство меньше всего беспокоило меня. Мои сандалии вполне меня устраивали. Впрочем, и одежда, какой бы она ни была, позволила мне меньше чувствовать ночной холод.

После того как меня накормили и кое-как одели, мне еще в течение целого часа или чуть больше пришлось отвечать на многочисленные вопросы различных чиновников. Лагерь монголов, как я успел заметить, состоял из двух частей: внешней, беспорядочно раскинувшейся по равнине, и внутренней, четко распланированной и строго охраняемой.

Орда, как сами монголы называли свое становище, представляла собой палаточный городок, где жили знать и офицеры личной гвардии их предводителя. В центре стоял огромный шатер белого шелка, украшенный многочисленными штандартами и знаменами. Здесь находилось жилище и штаб-квартира самого орхона.

С двух сторон от меня шли двое офицеров, судя по всему занимавших высокое положение в иерархии монгольского войска. Замыкала шествие полудюжина рядовых воинов, составлявших арьергард маленького отряда. У входа в шатер полыхали два огромных костра. Как я выяснил впоследствии, все прибывавшие для аудиенции к орхону должны были проходить между ними. По представлениям монголов, пламя костров не позволило бы возможному злоумышленнику осуществить свои черные замыслы. Тем не менее у входа в шатер меня подвергли еще и тщательному личному обыску на предмет возможного наличия при мне оружия. Двое часовых, стоявших у входа в шатер, были почти одного роста со мной, но во всем остальном мало чем отличались от своих товарищей.

По простоте душевной я ожидал увидеть внутри все чудеса древнего Востока, собранные для услаждения досуга повелителя монголов. На самом деле все оказалось значительно проще. Орхон восседал на шелковых подушках посередине великолепного ковра в окружении своих военачальников. По рукам ходили массивные золотые кубки, украшенные драгоценными камнями. Молодые девушки молча сидели за спиной грозного хана. И все же прежде всего это был шатер военачальника, готового в любой момент покинуть пышный пир, чтобы занять свое место в седле боевого коня.

- Твое имя Орион? - спросил меня худощавый мужчина, стоявший по правую руку от своего повелителя и похожий скорее на китайца, нежели на монгола.

Я слегка замешкался с ответом, и один из сопровождавших меня стражей, не долго думая, ткнул меня кулаком в бок.

- Да, это мое имя, - подтвердил я, наклоняя голову.

- Подойди ближе. Мой повелитель Хулагу [6] желает получше рассмотреть тебя.

Я послушно выполнил приказание и остановился в нескольких шагах от орхона, с любопытством разглядывая грозного владыку монголов.

Этому человеку, небольшого роста, даже несколько ниже большинства своих соплеменников, с длинными, все еще черными волосами и жилистой, крепкой фигурой кочевника, по моим оценкам, было никак не больше тридцати пяти - сорока лет, хотя, когда дело касается возраста этих диких уроженцев степей, никогда нельзя быть до конца уверенным в точности своей оценки.

- Ты посол с запада? - спросил меня китаец высоким, тонким голосом.

В знак подтверждения я вторично склонил голову.

- Откуда именно? - спросил монгол, сидевший рядом с орхоном. Он был заметно старше своего повелителя и производил впечатление опытного воина.

- Моя страна лежит далеко за Западными горами и морем, расположенным за ними.

- Ты из страны, где почва жирная и черная, а растительность так же обильна, как волосы у тебя на голове?

Возможно, он имел в виду Украину, славившуюся своими черноземами, или какую-либо другую область Южной России.

- Моя страна лежит гораздо дальше на запад, мой господин, - отвечал я, невольно вспомнив о разделявшем нас огромном пространстве. - Я пришел из страны, что так же далека от места, где мы находимся, как и пески Каракорума. Даже еще дальше.

- Расскажи нам о своей стране, - попросил он.

- Достаточно вопросов о далеких странах, Субудай, - прервал его орхон. - Мои люди доложили мне, что этот человек обладает невероятной силой.

Субудай. [7] Субудай-багатур! Легендарный полководец монголов, сподвижник Чингисхана и Батя.

Субудай критически осмотрел меня с ног до головы.

- Он производит впечатление крепкого мужчины, - согласился великий полководец, - хотя, по его собственным словам, не является воином.

- Тем не менее мне рассказывали, что он голыми руками сумел сбросить с коня вооруженного воина и поймал стрелу, когда Туман хотел его убить.

Как обычно бывает в подобных случаях, доклад не отличался особой точностью. Было очевидно, что Хулагу желает сам оценить мои способности.

- Повелитель, - возразил я, - я не ловил стрелы рукой, а лишь отбил ее клинком сабли.

- Хорошо, покажи нам, на что ты способен, - приказал он, кивком головы подзывая к себе лучника. Воины, стоявшие за моей спиной, молчаливо расступились, освобождая место для предстоящего поединка.

Даже с моими способностями - чистое безумие пытаться поймать стрелу, выпущенную к тому же с близкого расстояния. Поэтому, как и в первом случае, я ограничился тем, что сделал быстрый шаг в сторону и ребром ладони отбросил ее от себя.

Невозмутимые до сих пор монголы были потрясены. Субудай возбужденно вскочил с подушек. Хулагу одобрительно улыбнулся.

Вслед за лучником на импровизированную арену вышел профессиональный боец, мужчина огромного роста с наголо обритой головой и обильно смазанным маслом телом. Я в свою очередь разделся до пояса и сбросил сандалии. Впрочем, схватки как таковой не получилось. При первом же выпаде своевременно проведенная подсечка заставила моего противника пошатнуться. Удар ребром ладони в основание шеи довершил остальное.

вернуться

6

внук Чингисхана, правивший в Иране с 1256 по 1265 год

вернуться

7

последние годы своей жизни Субудай служил при армии Батыя, вместе с которыми покорил Русь и страны Восточной Европы

- И все же я говорил правду, мой повелитель, - повторил я, кланяясь Хулагу. - Я посол, а не воин, и сражаюсь только ради самообороны.

- Никогда не видел человека, обладающего его силой и реакцией, - пробормотал орхон, раздосадованный поражением своего воина.

- Люди его народа могут стать опасными противниками, - добавил Субудай.

Другие присутствовавшие на пиру монголы выразили свое полное согласие со знаменитым полководцем.

- Но я всего лишь посол, - настаивал я, повышая голос. - Я прибыл сюда, чтобы повидать Великого Потрясателя Вселенной, Чингисхана.

Наступила мертвая тишина. Хулагу бросил на меня разгневанный взгляд.

- Он чужестранец среди нас и не знает наших обычаев, - заметил Субудай примирительным тоном. - Он не знает, что монголы не произносят вслух имени Великого хана.

- Мой великий дед умер больше десяти лет тому назад, - медленно произнес Хулагу, подымаясь на ноги и принимая угрожающую позу. - Угэдэй. [8] правит сейчас в Каракоруме [9]

- Тогда мне надлежит увидеть Угэдэя, - исправился я.

- Как я могу послать тебя в Каракорум, если ты не знаешь даже имени того, кто сидит на золотом троне Потрясателя Вселенной? Человека, способного голой рукой отразить выпущенную стрелу и двумя ударами повергнуть на землю моего лучшего бойца. Откуда я знаю, кто ты такой на самом деле. Может быть, ты демон. Какое дело у тебя к Угэдэю?

«Хотел бы я и сам знать об этом побольше», - подумал я. Но не мог же я публично признаться в своем полном неведении.

- Мне приказано, мой повелитель, - объявил я, - говорить о своем поручении только перед лицом Великого хана. Прошу прощения, но я не вправе нарушить волю моего господина.

- А я думаю, что ты колдун или, того хуже, убийца.

- Уверяю вас, что это не так, мой повелитель, - сказал я, понижая голос.

Хулагу снова опустился на подушки и повелительным жестом вытянул правую руку, продолжая с подозрением одновременно изучать меня узкими, как щелочки, глазами. Немедленно подскочивший слуга вложил ему в руку кубок.

- Уходи, - произнес он наконец. - Мои воины найдут тебе место для отдыха. Завтра утром я приму решение и сообщу тебе мою волю.

«Плохо дело», - подумал я.

Тон, которым были произнесены последние слова, заставил меня заподозрить, что хан решение уже принял, и отнюдь не в мою пользу. Но спорить не приходилось. Я молча поклонился и, собрав свою одежду, направился к выходу. Шесть воинов следовали за мной по пятам. У порога я оглянулся. Хулагу сидел на своем месте, мрачно рассматривая стрелу, все еще лежавшую на ковре.

Оказавшись за пределами шатра, я остановился и попытался натянуть на себя вонючую кожаную куртку. В этот момент мои конвоиры и набросились на меня. Я был сбит на землю прежде, чем сумел избавиться от проклятой куртки. Удары посыпались на меня со всех сторон. В лунном свете блеснули лезвия кинжалов, занесенных над моей головой. Я почувствовал острую боль, когда сразу несколько клинков вонзилось в мое тело. Кровь заливала мне глаза. Получив очередной удар по голове, я потерял сознание.

Когда я очнулся несколько минут спустя, нападавшие исчезли. Я лежал на земле позади брошенной повозки. С места, где я упал, можно было разглядеть белый шатер орхона и огромные костры, полыхавшие у его входа. Рукой я попытался зажать рану у себя на груди. Кровотечение замедлилось, но не прекратилось. Я чувствовал себя слабым и совершенно разбитым. Нетрудно было понять, что если я снова лишусь сознания, то потеряю столько крови, что уже никогда не приду в себя. Откуда-то из темноты до меня доносились негромкие голоса двух людей. Я попытался повернуть голову, но тут же едва не потерял сознание от боли.

- Он здесь, мой господин, - прошептал первый голос. - Они оттащили его сюда.

- Похоже, что он все-таки человек, - услышал я слова того, кого первый мужчина почтительно

назвал господином. – Он истекает кровью, как любой простой смертный.

Мне наконец удалось повернуть голову и разглядеть два силуэта на фоне освещенного луной небосклона.

– Отнеси его к Агле, – распорядился второй. – Может быть, ведьма еще сумеет спасти ему жизнь.

– Слушаюсь, мой господин Субудай.

Голоса умолкли, и силуэты мужчин растворились в темноте. Сколько я пролежал таким образом, остается только догадываться. Наконец появились еще несколько человек и, грубо схватив меня за ноги и за руки, поволокли по земле. Жуткая боль заставила меня снова потерять сознание.

Когда я очнулся, первое, что я почувствовал, было тепло, исходившее от разведенного рядом костра. Голова моя кружилась. Все плыло у меня перед глазами. Я попытался было сесть, но тут же в изнеможении повалился на спину.

– Лежи, – раздался у моего уха тихий женский голос. – Тебе нельзя двигаться.

Я ощутил у себя на щеке прикосновение холодных пальцев.

– Спи... спи. Агла защитит тебя. Агла исцелит тебя.

Ее голос гипнотизировал меня. Я закрыл глаза и погрузился в забытие, инстинктивно чувствуя себя в полной безопасности рядом со своей неведомой защитницей.

Впоследствии я узнал, что находился без сознания почти двое суток. Снова открыв глаза, я обнаружил, что лежу на войлочной подстилке у стены юрты. Сквозь круглое отверстие посередине крыши в помещение струился дневной свет. Тело болело, но после нескольких неудачных попыток я сумел все же приподнять голову и осмотреть раны, которые, как я и предполагал, оказались глубокими, но не смертельными. К моему удивлению, большая их часть уже начала зарубцовываться. Можно было надеяться, что уже через несколько дней на их месте останутся только шрамы, да и те со временем исчезнут. В юрте стоял характерный запах кислого молока и человеческого пота. Монголы, как и почти все степные народы, не жаловали горячую воду.

Кожаная занавеска откинулась в сторону, и на пороге появилась молодая женщина. Я не поверил собственным глазам. Передо мной стояла живая Арета. Как и у большинства монгольских женщин, у нее была обветренная, загорелая почти дочерна кожа и черные, неровно постриженные волосы. Она носила длинную юбку и свободную блузу, наподобие тех, что можно увидеть в фильмах о Диком Западе. Ожерелье из раковин и костей животных болталось на ее шее; к широкому кожаному поясу, обхватывавшему ее тонкую талию, прикреплялись многочисленные мешочки с травами и разнообразные амулеты.

Но я не мог ошибиться. С первого взгляда я узнал это божественно прекрасное лицо, блестящие темные волосы и бездонные серые глаза.

– Арета, – прошептал я, не зная, что и подумать. – Ты здесь, ты жива?

Она опустила за собой кожаную занавеску и несколько секунд молча смотрела на меня.

- Вот вы и вернулись к нам, - произнесла она голосом Ареты.

- Это ты вернулась ко мне, - возразил я, - сумев пройти через бездну времени, победив саму смерть.

Она слегка нахмурилась и тыльной стороной прохладной ладони прикоснулась к моему лбу.

- Лихорадка прекратилась, - заметила она, - но я не могу понять ваших слов.

- Ты Арета! Я знал тебя в другом времени, в другой стране, далеко отсюда...

- Мое имя Агла, - поправила она меня. - Такое же имя носила моя мать, а до нее моя бабка. Это имя знахаря, хотя некоторые варвары и думают, что я колдунья.

Я бессильно откинулся на лежавшую у меня под головой охапку соломы.

- Мое имя Орион, - произнес я.

- Я знаю. Субудай-багатур приказал перенести вас ко мне. Люди орхона Хулагу пытались убить вас. Они боятся.

- А Субудай?

Она улыбнулась, и мне показалось на мгновение, что юрта наполнилась солнечным светом.

- Субудай никого не боится. Возможно, он думает, что вы можете быть полезны ему. Я должна вылечить вас или умереть сама. Он не держит при себе людей, не исполняющих его приказы.

- Почему он заинтересовался моей судьбой?

Не ответив на мой вопрос, она продолжала:

- Когда вас принесли в мою юрту, я попросту испугалась. Я употребила все силы, чтобы Субудай не заметил моего страха, но была уверена, что вы не переживете и ночи. Вы истекали кровью.

вернуться

8

монгольский Великий хан (1186-1241 г.), третий сын Чингисхана, его наследник с 1229; при нем завершилось завоевание Северного Китая, завоеваны Армения, Грузия, Азербайджан, предприняты походы Батые в Восточную Европу; к сожалению, автор несколько небрежно относится к хронологии: вышеупомянутый Хулагу сумеет основать династию Хулагуидов только в 1256 г., т. е. приблизительно через 16 лет после описываемых событий, а поход в Персию он вообще предпринял только в 1252 г.; к предполагаемому же моменту 1240 г. со дня смерти Чингисхана прошло 13 лет

вернуться

9

Каракорум – Хара-Хорин (монг.), столица монгольского гос-ва, основанная Чингисханом в 1220 г.; находилась в верхнем течении реки Орхон (притек р. Селенга)

- Но я все-таки выжил.

- Я еще не встречала настолько сильного человека, как вы. Я практически ничего не сделала для вас, разве что промыла ваши раны и дала вам болеутоляющее лекарство. Фактически вы исцелили себя сами.

Я не мог избавиться от мысли, что женщина, сидевшая рядом со мной, – Арета, которую я короткое время знал в двадцатом столетии и которая чудесным образом сумела возродиться в тринадцатом. Но либо она не помнила своего раннего (а может быть, лучше сказать – более позднего) существования, либо на самом деле была совершенно другой личностью, только выглядела и разговаривала, как Арета. Как могло такое произойти? Если Ормузд сумел провести меня сквозь ад и смерть, сохранив при этом память о моей прежней жизни, почему он не смог сделать этого для Аглы-Ареты?

- Если бы люди узнали, что вы излечились без моей помощи, – продолжала она, – то наверняка еще больше утвердились бы в своем мнении, что вы колдун.

- Как бы это обстоятельство отразилось на моей судьбе?

- Скорее всего печально. Колдуны не пользуются здесь любовью. Их либо заживо сжигают на костре, либо им заливают глаза и уши расплавленным серебром.

Я невольно содрогнулся.

- Слава богу, что этого не произошло.

- Но вы колдун или нет?

- Конечно нет. Неужели ты сама не видишь? Я такой же человек, как и ты.

- Но я никогда еще не видела мужчины, похожего на вас, – тихо произнесла она.

- Может быть, и так, – согласился я, – но это не имеет никакого отношения к магии. Я просто сильнее любого другого здешнего мужчины.

Она вздохнула с видимым облегчением.

- Когда я увидела, как быстро вы поправляетесь, я объяснила господину Субудаю, что ваши раны оказались не столь серьезными, какими показались ему с первого взгляда.

- Почему же ты не захотела приписать мое исцеление своему искусству?

- Они зовут меня ведьмой, хотя вряд ли сами серьезно верят в это. Они терпят меня, потому что нуждаются в моих знаниях. Но если они заподозрят неладное, скорее всего мне не поздоровится.

- В таком случае мы – естественные союзники в стане врага.

Я продолжал склоняться к мысли, что она действительно Арета, хотя и не подозревает об этом. Смогу ли я пробудить в ней воспоминания о ее прежней жизни? Я подумал об Аримане.

«Почему, собственно, мы оба были перенесены в данное время и место? Может быть, если она сумеет вспомнить Властителя Тьмы, это разбудит в ней и другие воспоминания?»

- Существует еще один человек, злобный и очень опасный, - начал я, стараясь по возможности дать точный портрет Аримана.

Агла отрицательно покачала головой, отчего раковины ее ожерелья мягко зазвенели.

- Я никогда не встречала этого человека, - произнесла она уверенно.

Но он должен быть где-то поблизости. Иначе чего ради Ормузд направил меня сюда? В этот момент у меня в голове возникла новая мысль: а имел ли Ормузд вообще какое-либо отношение к моему появлению в лагере монголов? Не могла ли злая воля Аримана занести меня сюда, за многие столетия до той временной точки, где я был действительно необходим?

Но у меня не было возможности обдумать этот вопрос. Кожаные занавески снова раздвинулись, и на пороге юрты появился Субудай-багатур.

11

Субудай-багатур вошел в юрту один, без почетного эскорта воинов, без предварительного уведомления о своем появлении и без малейших признаков страха. Он был одет в изрядно поношенный кожаный костюм степного кочевника и при себе имел только кривой кинжал, засунутый за пояс. Несмотря на невысокий рост и бедную одежду, выглядел он достаточно внушительно, разве что седые волосы выдавали его почтенный возраст. Круглое, плоское лицо казалось, по обыкновению, невозмутимым. Однако его темные глаза смотрели молодо и живо.

- Добро пожаловать в мое убогое жилище, мой господин Субудай, - приветствовала его Агла с низким поклоном.

- Я пришел всего лишь к врачу, - произнес полководец, - хотя мне и не устают повторять, что это юрта колдуньи.

- Только потому, что я могу излечить раненого воина, который умер бы без моей помощи, - спокойно возразила Агла.

Я обратил внимание, что она была чуть выше знаменитого военачальника, во всяком случае когда выпрямлялась во весь рост.

- У меня есть китайские лекари, которые творят чудеса, - бесстрастно возразил Субудай, - но никто не называет их колдунами.

- Я не творю чудес, мой господин Субудай. Это наше знание, наше искусство врачевания. У одного оно меньше, у другого больше, но оно не имеет ничего общего с черной магией. Твои воины тоже творят чудеса храбрости, но никто не называет их волшебниками. Мы занимаемся разными делами, но цель у нас одна.

- Мои люди думают иначе, - возразил Субудай. - А как тебе известно, не бывает дыма без огня.

- Прости меня, мой господин. Но я не занимаюсь ни магией, ни предсказаниями будущего. Я только знаю, какие растения и камни способны исцелить человека, - улыбнулась Агла.

Субудай недоверчиво хмыкнул, но не стал развивать эту скользкую тему.

- А ты поправляешься на удивление быстро, - заметил он, оборачиваясь ко мне. - Того и гляди, еще несколько дней, и ты будешь силен, как и прежде. Твой народ может гордиться таким воином.

- Просто мои раны оказались не столь опасными, какими казались с первого взгляда, - возразил я, пожимая плечами.

- Возможно, и так, - согласился Субудай таким тоном, что было совершенно очевидно - он не верит ни одному моему слову.

Я сделал еще одну неудачную попытку приподняться на своем ложе, и Агла поспешно подсунула мне под голову пару подушек.

- Поймали ли убийц, которые напали на меня? - осведомился я, с трудом принимая сидячее положение.

Субудай неторопливо уселся рядом, скрестив ноги.

- Нет, - сказал он коротко. - Им удалось бежать.

- Тогда, возможно, они все еще в лагере и попытаются снова напасть на меня при первом удобном случае.

- В данный момент это маловероятно. Ты находишься под моим покровительством.

Я слегка наклонил голову в знак признательности.

- Благодарю вас, мой господин Субудай.

Я собирался было спросить о причинах, побудивших его взять меня под свою защиту, но он опередил меня.

- Нередко бывают случаи, когда людям, занимающим высокое положение, скажем вождю такого ранга, как Хулагу, приходится сталкиваться с весьма серьезными проблемами. Такой человек иногда может ненароком высказать вслух надежду, что предпочел бы, чтобы проблема перестала существовать. Люди, преданные ему, могут в этом случае неверно истолковать его слова и попытаться освободить его от излишних забот, например, перерезать горло докучливому чужеземцу.

Я нахмурился:

- Но какую проблему я представляю для Хулагу?

- Разве я говорил о Хулагу? Или о тебе?

- Нет, - быстро согласился я, - ничего подобного не было.

Субудай кивнул, вполне удовлетворенный тем, что я правильно осознаю деликатность ситуации.

- Но тем не менее ты представляешь для него некоторую проблему. Чужеземец, появившийся неизвестно откуда, хотя и говорящий на нашем языке. Ты настаиваешь на том, что являешься послом заморского владыки, но не имеешь при себе ни даров, ни верительных грамот и при этом обладаешь силой десяти воинов. Ты утверждаешь, что должен лично встретиться с

Великим ханом в Каракоруме. Вполне естественно, что у Хулагу могли появиться подозрения, что ты никакой не посол, а наемный убийца, приехавший с целью убить его дядю.

- Убийца, я? - приподнимаясь, переспросил я, не веря своим ушам. - Но тогда чего ради...

Субудай-багатур мановением руки заставил меня опуститься на свое ложе.

- Это правда, что ты пришел из вечерней страны?

- Да, - ответил я, не раздумывая, помня, что из всех пороков монголы больше всего презирают и ненавидят ложь.

Как и у других кочевых народов, само выживание в условиях пустыни зависело в первую очередь от гостеприимства хозяина, его честного и строгого соблюдения собственного слова.

Он наклонился вперед, положив ладони на колени.

- Несколько лет тому назад я повел своих воинов на запад от двух великих внутренних морей, туда, где сама почва черна как смола и так плодородна, что там выращивают злаки выше человеческого роста.

«Украина», - подумал я.

- Люди в этой стране тоже имеют розовую кожу, как и ты?

Я бросил невольный взгляд на Аглу, молча сидевшую на корточках рядом с моей подстилкой.

- Верно, - подтвердил я. - Люди с таким цветом кожи живут на этой земле и дальше на запад, вплоть до великого моря.

- Дальше на запад лежат королевства, где еще не ступало копыто монгольского коня, - продолжал Субудай, на мгновение утратив свою невозмутимость. - Богатые, сильные страны.

- Я слышал о людях, живущих в этих странах, - подтвердил я. - Русские и поляки, венгры, немцы и франки. А еще дальше на острове, не уступающем по размерам Гоби, бритты.

- Ты пришел из этого королевства? - спросил Субудай.

Я отрицательно покачал головой.

- Нет, я проделал куда более длинный путь. Мне пришлось пересечь великое море, такое широкое, как земли, лежащие между нами и Каракорумом.

Субудай слегка отклонился назад, пытаясь представить себе столь огромное пространство воды.

Как я уже говорил, из того, что я слышал и видел, я сделал вывод, что лагерь монголов был расположен где-то на территории современного Ирана, более чем в тысяче миль от монгольской столицы Каракорума, находившегося на севере пустыни Гоби.

- Я взял тебя под свое покровительство, так как убежден, что ты говоришь правду, - повторил он небрежно. - Но я хочу знать все, что ты знаешь о западных королевствах, их городах, силе и устройстве их армий, искусстве и доблести их воинов.

Я заметил, что Агла едва заметным кивком головы дала мне понять, что отказать Субудаю или хотя бы попытаться дать ему неполную или неточную информацию для меня равнозначно подписанию собственного смертного приговора. Впрочем, похоже, знаменитый полководец даже не допускал возможности отказа. Не давая мне опомниться, он продолжал:

- Но прежде всего ты должен убедить меня в том, что страхи Хулагу абсолютно беспочвенны. Итак, объясни мне, с какой целью ты хочешь увидеть Великого хана? У тебя нет ни даров для него, ни других знаков, подтверждающих твою миссию. Ты дал ясно понять Хулагу, что прибыл сюда не для того, чтобы выразить свою покорность Ослепительному от имени твоего короля. Какое же другое послание ты собираешься передать Угэдэю?

Я продолжал колебаться. Разумеется, у меня не было и не могло быть никакого послания Угэдэю. Я просто изобрел этот предлог и назвал себя послом, чтобы спасти свою жизнь. Субудай бросил на меня надменный взгляд. В его голосе зазвучали железные нотки:

- Всю свою жизнь я провел на службе Великого хана Угэдэя и его отца, Великого Потрясателя Вселенной, чье имя чтут все монголы. Оба они доверяют мне, и я ни разу не обманул их доверия.

Намек был совершенно ясен. Если сам Чингисхан доверял Субудаю, как я осмеливался сомневаться?

- Хорошо, я скажу, - произнес я медленно, тщательно обдумывая каждое слово. - Я пришел в эту землю, чтобы предупредить Великого хана о происках дьявола, способных уничтожить его самого и всю империю монголов.

Темные глаза Субудая впились в мое лицо, точно пытаюсь проникнуть мне в душу.

- Кого ты называешь дьяволом? - уточнил он.

- Существует человек, не похожий ни на одного другого известного мне. Темноволосый и темнокожий, с глазами, горящими ненавистью.

- Ариман, - уверенно произнес Субудай.

- Вы знаете его? - переспросил я, чувствуя, что у меня внезапно пересохло в горле.

- Еще бы! Это он предсказал нашу победу над войсками Джелал-ад-Дина [10] и обещал Хулагу, что он покорит Багдад и навсегда уничтожит власть халифа.

На мгновение я закрыл глаза, пытаюсь припомнить известные мне истории о Гарун-аль-Рашиде, знаменитом герое сказок «Тысячи и одной ночи», и славном городе Багдаде. Насколько я помнил, его великое царство было сметено волной монгольских завоевателей. Пышный цветок цивилизации ислама раздавили копыта монгольских лошадей. Города сожжены, волшебные сады безжалостно вытоптаны и вырублены, миллионы людей вырезаны или проданы в рабство.

Пока гордые рыцари Европы безуспешно пытались противостоять арабам в горах Испании и равнинах Святой Земли, монгольские захватчики разбили само сердце ислама, обратив цветущие поля Шинара в выжженную пустыню.

- Ариман - дьявол, - повторил я. - Он намерен уничтожить государство монголов.

Субудай не выказал ни возбуждения, ни тревоги, как, впрочем, и доверия к моим словам.

- Однако до сих пор все его пророчества сбывались, - невозмутимо подытожил он. - Монголы одерживали одну победу за другой.

- Он здесь, в лагере? - спросил я. - В таком случае, скорее всего, это его люди пытались убить меня, а не сверхисполнительные слуги орхона Хулагу.

- Нет, - небрежно бросил Субудай. - Он покинул лагерь две недели тому назад.

- И куда он направился? - спросил я, уже заранее зная, каким будет ответ монгольского вождя. Увы, мои худшие подозрения полностью оправдались.

- Подобно тебе, он хотел отправиться в Каракорум для разговора с Великим ханом. Он уехал две недели назад.

- Две недели назад, - машинально повторил я. - Я должен перехватить его.

- Зачем?

- Он опасен. Я должен предупредить Великого хана о его замыслах.

Полководец в задумчивости покрутил кончики своих усов. Кажется, это был единственный признак неуверенности, который мне когда-либо довелось наблюдать у него. Я повернулся к Агле, не сделавшей ни одного движения в течение всего нашего разговора. Сейчас она молча смотрела на Субудая, ожидая его решения.

- Я пошлю тебя в Каракорум, - произнес он наконец, - и позабочусь об охране.

- Но он не может отправиться в путешествие, пока полностью не оправится от ран, - запротестовала Агла.

- У меня хватит сил, - настаивал я, - со мной будет все в полном порядке.

Субудай отвел все мои возражения движением руки.

- Ты останешься в лагере, пока лекарка не сочтет возможным разрешить тебе отправиться в дорогу. И в течение всего этого времени я буду навещать тебя каждый день. Ты расскажешь мне все, что знаешь о королевствах запада. Мне необходимо знать о них как можно больше.

Прежде чем я сумел ему ответить, он с заметным усилием поднялся на ноги. Только сейчас я сообразил, что этому человеку никак не меньше шестидесяти лет. Оставалось только удивляться силе духа дикого кочевника, целую жизнь проведенного в седле, покорившего сотни городов и побеждавшего во множестве сражений.

Когда Субудай покинул юрту, я бросил умоляющий взгляд на Аглу:

- Я должен ехать немедленно. Я не могу допустить, чтобы Ариман раньше меня достиг Каракорума и встретился с Великим ханом.

- Но почему? - не поняла она.

Что я мог ей на это сказать?

- Я должен сделать это, - повторил я.
- Но каким образом один человек может быть настолько опасен?
- Не знаю, но так оно и есть, и мое предназначение остановить его.

Агла печально покачала головой:

- Субудай не позволит вам покинуть лагерь, пока не узнает всего, что ему требуется. И я тоже не хочу, чтобы вы уехали.
- Вы что, опасаетесь, что пострадает ваша репутация лекарки, если я уеду до срока?
- Нет, - ответила она просто. - Я хочу... чтобы вы остались со мной.

Я протянул руки к ней, и она позволила мне заключить ее в объятия. Агла доверчиво положила голову мне на плечо. Я вдыхал запах ее волос, чистый, свежий и очень женственный.

- Каким именем ты назвал меня? - спросила она шепотом. - Другим именем, которое, по твоим словам, когда-то принадлежало мне.
- Теперь это не имеет значения, - тихо ответил я. - Это было так далеко отсюда.
- И все-таки... - настаивала она.
- Арета.

- Какая она была? Ты любил ее?

Я глубоко вздохнул и прижал ее к своей груди.

вернуться

10

старший опальный сын последнего шаха Хорезма Мухамеда, долго и успешно сражавшийся против войск Чингисхана

- Я едва знал ее... но, да, я любил ее. Десять тысяч миль и почти восемь веков отделяют меня от нее... Да, я любил ее.
- Она была очень похожа на меня?
- Но ты и есть та самая женщина, Агла. Я не знаю, как это могло произойти, но, поверь мне, так оно и есть.
- Значит, ты любишь меня?
- Конечно, я люблю тебя, - отвечал я, не колеблясь ни секунды. - Я всегда любил тебя. Я любил тебя от самого сотворения мира и буду любить, пока он не обратится в прах.

Она подняла ко мне свое лицо, и я поцеловал ее.

- И я люблю тебя, могучий воин. Я любила тебя всю жизнь. Я ждала тебя с той самой поры, когда впервые почувствовала себя взрослой, и наконец нашла тебя. И никогда больше не позволю тебе покинуть меня.

Я еще сильнее прижал ее к себе, чувствуя, как бьются наши сердца...

Однако где-то в глубине моего сознания постоянно билась мысль, что в это самое время Ариман находится на пути в Каракорум, куда и я должен был скоро отправиться, и что он еще недавно жил в этом самом лагере, хотя, по словам Аглы, она никогда и не видела его.

12

В течение трех последних дней я рассказал Субудая все, что мне было известно о Европе тринадцатого столетия. Не надо было иметь семи пядей во лбу, чтобы понять - его интерес носил чисто практический характер. Грозный полководец, сумевший в свое время с триумфом провести свою армию от песков Гоби, через весь Китай и далее до границ Киевской Руси, был одержим одной идеей - выполнить завет своего Священного правителя и омыть копыта монгольских коней в водах Последнего моря, которого никто из них, естественно, никогда не видел.

- Но для чего все это? - спросил я его недоуменно. - Вы уже владеете империей, простирающейся от побережья Индийского океана до Каспийского моря. Скоро армии Хулагу покорят для нее Багдад и Иерусалим. Зачем вам идти дальше?

Помимо многих других своих достоинств, Субудай обладал и еще одним: он был достаточно простым и, я бы даже сказал, по-своему честным человеком, и в его словах не было и намека на фальшь, какую я наверняка бы уловил, если бы задал тот же вопрос Цезарю, Наполеону, Гитлеру или любому другому покорителю вселенной. Ответ был прост, под стать внешнему облику простого монгольского воина:

- Многие годы я вел от победы к победе воинов Священного правителя. Я потерял счет странам, которые завоевал для него и его сыновей. Сейчас я уже старый человек, которому осталось не так много лет жизни. Я видел многое, но еще большего не видел. Да, я помог основать огромную империю, но собственного улуса у меня нет. Дети Священного правителя и его внуки наследовали земли, которые я покорил для него. Сейчас я хочу покорить новые страны, где будут править уже мои дети и внуки. Для них я хочу завоевать земли, не уступающие владениям Хулагу, Кубилая и прочих потомков Потрясателя Вселенной.

В его словах не слышалось и намека на горечь, разочарование или тем более гнев. Это была просто констатация сложившейся ситуации, и он не скрывал желания заполучить собственную империю, опираясь на мощь своих армий. Высказаться яснее, наверное, было просто невозможно.

- Почему бы Великому хану Угэдэю в знак признания ваших заслуг просто не выделить вам какой-нибудь домен?

- Возможно, он и поступил бы таким образом, если бы я попросил его об этом. Но я не люблю просить никого, даже Великого хана. Проще завоевать новые земли и присоединить их к уже существующей империи.

Трудно было не восхищаться примитивной логикой этого дикаря.

- Вы хотите сказать, что в этом случае не будет повода для конфликта между вашими детьми и

потомками Великого хана?

Субудай снисходительно улыбнулся:

- Никакого конфликта и не может быть. Монголы не враждуют и не воюют друг с другом. Ясса [11] определяет все наши поступки. Мы не собаки, готовые передрасться из-за кости.

- Понятно, - пробормотал я, склоняя голову в знак того, что не намеревался оскорбить его.

- Для нас это насущная необходимость - завоевывать новые земли, - продолжал Субудай, пребывавший в достаточно благодушном настроении, чтобы снизить до объяснения своих взглядов бестолковому чужестранцу. - Это еще одно из проявлений мудрости Великого хана. Под страхом смерти монголам запрещено воевать друг с другом. Предназначение монголов - покорять чужие народы. И до тех пор, пока мы осуществляем завет Священного правителя, наши армии должны идти вперед.

Кажется, я начинал понимать идею Субудая или, правильнее сказать, самого Чингисхана. Недаром он настолько почитается своими воинами, что никто из них не имеет даже права вслух произнести его имени. Говоря современным языком, это была модель динамически развивающегося общества, стабильность которого зависела от постоянного приумножения территории. Именно поэтому Субудай сейчас стремился на запад. Весь восток, вплоть до берегов Тихого океана, уже покорился монголам.

- Кроме того, - продолжал Субудай, словно прочитав мои мысли, - мне всегда было скучно сидеть на одном месте. Мне нравится знакомиться с новыми землями, их людьми и обычаями. Сейчас моя главная цель - увидеть берега Великого океана, о котором ты рассказал мне, и, кто знает, может быть, и земли, лежащие по другую сторону его.

- Но, непобедимый, королевства Европы способны выставить огромные армии, чтобы воспрепятствовать вашему вторжению; тысячи рыцарей и еще больше легко вооруженных воинов.

Субудай рассмеялся:

- Не пытайся запугать меня, Орион. Я не в первый раз поведу на врага свои армии. Я не знаю, известно ли тебе о моих сражениях против войск императора Китая или великого шаха Хорезма Мухамеда?

Наши беседы продолжались без малого трое суток. Скажу откровенно, порой я чувствовал себя не совсем комфортно, рассказывая монгольскому полководцу об устройстве и ресурсах средневековой Европы. Мне оставалось утешать себя теми соображениями, что, насколько я знал, грандиозным замыслом Субудая не суждено было осуществиться: монголы не прошли на запад далее Балкан.

К концу третьего дня я откровенно признался, что полностью исчерпал запас своих сведений, и напомнил ему об обещании отправить меня в столицу Великого хана.

Ариман опережал меня уже на две с половиной недели, и у него были все шансы достигнуть Каракорума прежде, чем я сумею помешать ему. Судя по всему, на Субудая не произвели впечатления мои рассказы об угрозе, нависшей над империей монголов, и он склонялся к мысли предоставить нам с Ариманом самим улаживать наши проблемы.

- Ариман направился в Каракорум с караваном, везущим сокровища для Великого хана, -

объяснил Субудай. – Тяжело нагруженные верблюды двигаются медленно. Ты хороший наездник?

До сего времени мне вообще не приходилось ездить верхом, но я не сомневался, что при известном старании сумею освоить это искусство за день или два.

– Я сумею справиться с лошадей, – объявил я.

– Отлично. Я пошлю тебя в Каракорум «ямом», – пообещал Субудай.

В тот день мне впервые довелось услышать это слово. Субудай объяснил мне, что «ям» означает систему застав, где всадник, направляющийся со специальным поручением, может поменять усталых лошадей, отдохнуть и поесть.

Монголы были, конечно, дикими кочевниками, но в своих начинаниях они во многом предвосхитили изобретения западной цивилизации и, главное, умели добиваться своей цели, не стесняя себя условностями современной морали. Утверждают, что безоружная девушка, сопровождавшая повозку, нагруженную золотом, могла проехать через всю армию монголов без угрозы для своей жизни, если имела при себе специальное разрешение Великого хана. Из того, что мне довелось узнать по собственному опыту, можно было сделать вывод: подобные рассказы весьма смахивают на правду...

Когда я вернулся в юрту Аглы и, разбудив ее, сообщил, что завтра отправляюсь в Каракорум, она только сонно кивнула и чуть-чуть отодвинулась в сторону, освобождая мне место рядом с собой.

вернуться

11

свод законов Чингисхана

– Ложись спать, – посоветовала она. – Ты должен хорошо выспаться. День будет трудным для нас с тобой.

– Для нас?

– Конечно, я отправлюсь в Каракорум вместе с тобой.

– Но неужели Хулагу позволит тебе покинуть лагерь?

Возможно, при других обстоятельствах ее реакция была бы еще более впечатляющей.

– Я не рабыня! – сердито возразила она. – Я могу идти, куда мне заблагорассудится.

– Но это будет тяжелое путешествие, – попытался я отговорить ее. Мы должны будем проделать весь путь верхом, меняя лошадей на заставах. И так в течение многих недель.

Она только улыбнулась в ответ:

– Я более привычна к таким путешествиям, нежели ты. Я научилась управлять лошадей прежде, чем ходить.

Путешествие действительно оказалось изнурительным. В двадцатом столетии мы бы благополучно провели все время, занимаясь любовью в купе спального вагона поезда, мчавшегося по Транссибирской магистрали Москва – Владивосток. Агле и мне пришлось преодолеть то же расстояние, не слезая с седла, пересекая леса, пустыни и горы, пока мы не добрались до цели. Думаю, что окажись мы предоставленными самим себе, то уже в конце первой недели скорее всего безнадежно заблудились бы. Но система застав была организована безупречно. На исходе каждого дня нас ожидала горячая пища, свежая вода, ночлег, а наутро мы получали свежих лошадей для продолжения путешествия. Старые, израненные воины наблюдали за порядком. Разумеется, своими силами они не смогли бы при нападении оборонять эти крошечные оплоты империи, но ужас перед монголами был настолько велик, что ни о каких набегах не шло и речи. Во всяком случае, мне не приходилось слышать ни об одном таком случае. Следовало признать, что сила монгольской армии или законы Яссы действительно позволяли сохранить мир на всей огромной территории империи, существовавшей в тринадцатом столетии.

Я надеялся перехватить караван, с которым Ариман направлялся в Каракорум, но многоопытный Субудай посоветовал мне избрать более короткий и прямой маршрут. Неприхотливые местные лошади могли пройти по местам, недоступным для тяжело нагруженных верблюдов. Время от времени мы пересекали древние караванные пути, отмеченные костями погибших людей и животных. По меньшей мере дважды нам встречались караваны, медленно двигавшиеся в направлении Каракорума, но среди путников мы не находили никого даже близко напоминавшего Аримана. Охрана таких караванов была, как правило, весьма малочисленна. Ужас перед недавним нашествием монголов жил еще в памяти местных жителей, и никто не осмеливался нападать на караван, принадлежащий Великому хану.

Я начинал уже опасаться, что Ариману удалось настолько опередить нас, что у меня не осталось ни малейших шансов настигнуть его до прибытия в столицу Монгольской империи.

Однажды ночью, после того как мы преодолели один из заснеженных перевалов Тянь-Шаня и благополучно устроились на ночлег в хижине для путников на одной из ямских застав, я спросил Аглу, почему она столь упорно отрицала, что встречалась с Ариманом в лагере Хулагу.

- Но я на самом деле не видела его, - возразила она.

- Однако ты не могла не знать, что он находился поблизости, - возразил я. - Даже в большом лагере присутствие столь заметного человека не могло остаться незамеченным.

- Да, - согласилась она. - Я слышала о нем.

- Почему же ты не сказала мне об этом?

Она гордо вздернула подбородок:

- У меня и в мыслях не было лгать тебе. Ты спросил у меня, видела ли я Аримана, и я ответила отрицательно. Темный человек жил в юрте Субудая, и я никогда не встречалась с ним.

- Но тебе было известно о его присутствии в стане монгольских воинов.

- Мне известно многое, Орион. Я знала, например, что Ариман предупредил Хулагу о твоём скором появлении. Он утверждал, что ты демон, и настоятельно советовал убить тебя. - Голос Аглы звучал как обычно, и в ее тоне не было и намека на раскаяние. - Я до сих пор не перестаю удивляться, что покушение на тебя не удалось. Но я знала, что с тех пор, как ты

оказался под покровительством Субудая-багатура, тебе больше не угрожала опасность. Кто, по твоему, нашел тебя лежащим в пыли за шатром Хулагу? Кто, как ты думаешь, привел туда Субудая и сумел убедить его в том, что ты слишком ценный союзник, чтобы позволить тебе умереть столь бесславно?

- Так это была ты, Агла?

- Да, это была я.

- Тогда уже я ничего не понимаю. Ты ни разу не говорила мне, что знаешь, кто я такой и зачем пришел в лагерь монголов.

- Я знаю достаточно... - прошептала она. В ее серых глазах таинственно мерцали отблески пламени костра. - Я слышала, что странный могучий человек был доставлен в лагерь монголов и что Хулагу склонялся к мысли последовать совету Темного человека и убить его. А еще я знала, что ты и есть тот самый мужчина, которого я ждала всю свою жизнь.

- Значит, это ты спасла меня от неминуемой смерти и охраняла меня, пока я лежал без сознания?

Она смущенно кивнула головой.

- И я буду защищать тебя всеми моими силами, когда мы окажемся при дворе Великого хана.

- Но и Ариман тоже будет там, - задумчиво произнес я.

- Да. И он наверняка снова попытается убить тебя.

13

Каракорум оказался удивительным городом, в котором царило странное смешение убожества и великолепия, варварской простоты и византийской пышности, когда-либо существовавшее на Земле. Во времена Чингисхана безвестное местечко, где еще недавно стояло всего несколько юрт, превратилось в столицу мира. Там надменные аристократы Китая и Хорезма превратились в слуг и рабов победителей, туда нескончаемым потоком текли баснословные сокровища со всей Азии, оказавшейся в руках недавних полудиких кочевников.

По иронии судьбы вплоть до самой смерти Потрясателя Вселенной здесь запрещалось всякое строительство. Традиционная юрта была достаточно хороша для Великого кагана, который провел всю свою жизнь в военных походах и любил примитивный уклад кочевой жизни. Да и сейчас многочисленные табуны лошадей привольно паслись на пастбищах, вплотную подступавших к самым окраинам монгольской столицы. Пыль, поднимающуюся под копытами невзрачных монгольских лошадок, можно было заметить за много миль до города.

Угэдэй, занимавший ныне золотой трон Чингисхана, правил ордой с помощью китайских советников, которым принадлежали все основные административные посты в его правительстве.

Когда мы с Аглой приблизились к городу на достаточно близкое расстояние, первое, что нам бросилось в глаза, были храмы, построенные из обожженной на солнце глины и принадлежавшие самым разнообразным конфессиям. Как выяснилось, монголы были необычайно терпимы в религиозных вопросах, и здесь мирно соседствовали буддийские ламы, мусульманские муллы, христианские монахи, конфуцианцы и еще множество других

проповедников и священников, о конфессиональной принадлежности которых оставалось только догадываться. В центре запутанного лабиринта кривых и на удивление грязных улочек возвышался дворец Великого хана.

Нас остановила стража, стоявшая на всех въездах в город. Китаец, одетый в традиционный шелковый халат, принял у меня из рук сопроводительную грамоту, составленную одним из советников Субудая. По всей видимости, имя знаменитого полководца пользовалось немалым уважением и в монгольской столице. Во всяком случае, он немедленно отдал распоряжение одному из воинов подыскать для нас временное пристанище. Малый, которому едва минуло восемнадцать, послушно вскочил на лошадку и, не говоря ни слова, повел нас по запутанным улочкам Каракорума. Собственно, их даже трудно было назвать улицами в строгом смысле этого слова. Глинобитные хижины и юрты стояли рядом, размещенные безо всякого порядка. Весь город напоминал огромный караван-сарай, каким он в сущности и являлся. Здесь можно было услышать китайскую, арабскую и персидскую речь. Стреноженные верблюды находились рядом с великолепными арабскими жеребцами и полудикими лошадами кочевников. Здесь продавались самоцветы из Индии, пряности с неведомых островов, шелковые китайские ткани и бесценные дамасские клинки из далекой Аравии.

Нам нашлось местечко в маленьком одноэтажном домике, построенном из необожженного кирпича, двери которого выходили прямо на широкую площадь возле ханского дворца. Сквозь узкое оконце можно было разглядеть постройки и огромные шелковые шатры, составлявшие комплекс дворца, окруженного цепочкой личных телохранителей Великого хана. Как и в лагере Хулагу, перед входом в центральный шатер день и ночь полыхали два огромных костра, разведенных для отпугивания злых духов.

А в том, что их здесь хватало, у меня не имелось ни малейших сомнений. Ариман прибыл в Каракорум намного раньше нас и, скорее всего, уже имел возможность встретиться с Угэдэем. Рано или поздно он узнает о моем прибытии, и тогда новое покушение на мою жизнь вряд ли заставит себя долго ждать.

Но я был слишком утомлен, чтобы думать об опасности. Несколько недель изнурительного путешествия лишили нас последних сил. Агла и я уснули почти мгновенно, едва упали на свои войлочные подстилки. Проспали мы, как мне потом удалось выяснить, без малого сутки.

Однако врожденное чувство самосохранения спасло меня и на этот раз. Я пробудился в твердой уверенности, что моя жизнь в опасности. Слегка приоткрыв глаза, я продолжал неподвижно лежать на своей подстилке, готовый в любой момент встретить противника лицом к лицу. Агла мирно спала, положив голову мне на плечо. Скопив глаза, я осмотрел помещение, в котором мы находились. В нем не было окон, кожаная, украшенная бусинами занавеска, заменявшая входную дверь, располагалась всего в двух футах от нашего ложа. По-видимому, звук звякнувших бусинок и разбудил меня. Я затаил дыхание и прислушался. Я лежал спиной к двери, но опасался повернуть голову, дабы не спровоцировать убийцу, стоявшего практически рядом со мной.

Снова раздался еле слышный звук, и слабый свет хмурого утра проник в нашу убогую каморку. На стене против моего лица появились тени двух мужчин в боевых шлемах монгольских воинов. Первая тень подняла руку, судя по всему вооруженную длинным, тонким кинжалом.

Вскочив на ноги, я атаковал их прежде, чем они успели сообразить, что происходит. Столкнувшись лбами, убийцы отлетели к дальней стене и рухнули на глиняный пол. В то же мгновение я уже был рядом с ними и, заломив руку, державшую кинжал, за спину, заставил нападавшего выпустить оружие из ослабевших пальцев. Ребром левой руки я изо всех сил

ударил моего второго противника в адамово яблоко. За своей спиной я услышал испуганный крик проснувшейся Аглы. Раздумывать было некогда. Первый воин уже успел подняться на ноги и тянулся к сабле, висевшей у него на боку. Я нанес убийце удар кулаком в область сердца, сломав ему несколько ребер. Когда он согнулся от боли, я ударил его коленом в лицо. Не издав больше ни звука, он сполз по стене на землю и затих. Повернув голову, я краем глаза увидел нагую Аглу, стоящую у стены с кинжалом в руке. Спору нет, зрелище весьма эффектное, хотя вид у нее был скорее испуганный, чем воинственный.

- С тобой все в порядке? - спросили мы в один голос.

Несмотря на драматичность ситуации, у нее хватило сил улыбнуться. Набросив на голые плечи одеяло, она присела на корточки рядом со мной, пока я обследовал тела своих недавних противников. Оба они уже умерли. У одного была свернута шея, у другого, судя по всему, сломанные кости лица проникли в головной мозг. Агла с благоговейным страхом уставилась на меня.

- Ты убил их двоих голыми руками?

Я автоматически кивнул.

- По правде говоря, у меня и в мыслях не было этого делать. Я предпочел бы, чтобы хотя бы один из них остался в живых и рассказал мне, кто их послал.

- Я смогу сказать тебе это сама. Они были посланы Темным человеком.

- Да, я тоже так думаю, но предпочел бы знать наверняка.

Наш разговор был прерван появлением одного из стражей порядка с обнаженной саблей в руке.

- Я слышал крик...

Он остановился на половине фразы, заметив тела двух неизвестных, распростертых на земле. Я опасался, что он не удержится от соблазна тут же на месте отомстить за убийство двух своих соплеменников, и уже приготовился к новой схватке, но он только недоуменно уставился на меня.

- Ты один убил их обоих?

Я меланхолично кивнул головой.

- Один? Без оружия? - недоверчиво спросил он.

- Да, - огрызнулся я. - А теперь, будьте добры, уберите отсюда ассасинов.

- Подожди, - вмешалась Агла, придерживая одной рукой одеяло, то и дело норовившее соскользнуть с ее плеч. - Ты, кажется, хотел узнать, кто их послал?

Прежде чем я успел что-то ответить, она опустилась на колени, выставив на всеобщее обозрение пышные ягодицы, и подняла опущенные веки мертвых воинов. Несколько минут она молча вглядывалась в глаза мертвецов, затем вздрогнула и поспешно закрыла их снова. Пока она проделывала эту операцию, я наконец сообразил, что продолжаю стоять в чем мать родила. Утро было довольно прохладным, а возбуждение битвы уже успело покинуть меня. Так

или иначе, я задрожал то ли от холода, то ли от естественного чувства стыда, присущего цивилизованному человеку, оказавшемуся обнаженным в присутствии постороннего. Агла поднялась на ноги, едва не потеряв при этом непокорное одеяло.

- Их действительно послал Темный человек. Я прочла это в их глазах.

- Что можно прочитать по глазам мертвецов? - недоверчиво спросил я.

- Все, что угодно, если знаешь, как это делается, - отвечала она. - У каждого из нас свой дар.

При всем моем доверии к Агле я с сомнением отнесся к ее словам. Вероятнее всего, она прочла то, что ей хотелось увидеть. С равной долей вероятности, что это мог быть Ариман, Хулагу или сам Великий хан. Но на стража порядка ее слова произвели ошеломляющее впечатление. Одинаково потрясенный и моей физической силой, и ее сверхъестественными способностями, он послушно вытащил трупы на площадь и поспешно удалился, предупредив нас, чтобы мы не покидали хижину, пока его начальник не придет допросить нас.

Какими бы дикарями ни были монголы, они жили по строгим законам и имели свою полицию, не менее эффективную, чем у более цивилизованных народов. Во всяком случае, гораздо более оперативную. Мы едва успели одеться, занавеска нашей хижины снова распахнулась и на пороге возник вооруженный монгол, явившийся, чтобы получить наши объяснения по поводу злополучного происшествия. Полностью игнорируя Аглу, он адресовал все свои вопросы ко мне. Я рассказал ему, что произошло, опустив только описание специфического исследования глаз мертвецов, произведенного моей подружкой.

- Кто мог послать к вам убийц? - прямо спросил чиновник. По его виду нетрудно было заметить, что он серьезно относится к порученному ему делу. Надо полагать, подобные происшествия не часто случались в монгольской столице. Со своей стороны я предпочел не развивать скользкую тему.

- Откуда мне знать? - возразил я, постаравшись, чтобы мой ответ прозвучал достаточно искренне. - Мы приехали только вчера.

- У вас есть враги? - настаивал он.

Я отрицательно покачал головой.

- Я чужестранец в ваших краях. И еще не успел обзавестись врагами. Может быть, эти люди приняли меня за кого-то другого.

Вряд ли мои слова убедили его.

- Может быть, - произнес он с сомнением. - Что же, постарайтесь без крайней нужды не выходить из дома. Мои люди будут охранять вас.

Иными словами, это означало, что мы должны оставаться под домашним арестом до выяснения подоплеки неприятного инцидента. Монголы не хотели лишних неприятностей в своей столице и, если таковые все-таки происходили, старались докопаться до истинных причин случившегося. Двое воинов остались дежурить у нашей двери. Слуги принесли нам еду и чистую одежду. Как я и ожидал, во всей монгольской столице не нашлось сапог, подходящих мне по размеру, так что по-прежнему пришлось щеголять в старых сандалиях. Они все еще могли служить мне, хотя им порядочно досталось во время наших переходов через вершины Тянь-Шаня.

- Это все происки Темного человека, - заметила Агла, едва мы остались одни. - Он по-прежнему жаждет твоей смерти.

Опасаясь за мою жизнь, она добровольно взяла на себя роль дегустатора и пробовала всю пищу, что слуги приносили нам. Более того, в своей подозрительности она зашла настолько далеко, что пожелала лично проверить даже мою одежду из боязни, что и она может быть отравлена.

- Человека можно отравить, используя различные предметы одежды, - пояснила она, предвосхищая тем самым приемы Борджиа и Медичи. - Я сама знаю яд, который способен убить сильного воина, едва попав на его незащищенную кожу.

Кто слышал о нервно-паралитических ядах в тринадцатом столетии? Впрочем, я не собирался спорить. Ее знания об окружающем нас мире определенно намного превышали мои собственные. Мое внимание концентрировалось на другой проблеме. Я, как и Агла, думал, что никому, кроме Аримана, нет необходимости добиваться моей смерти. И все же сомнения не оставляли меня. Почему мы оба оказались в этом чуждом для нас мире? Я знал, что мое предназначение - убить Аримана. Несомненно, и он добивался того же. По всей видимости, наше общее предназначение - следовать друг за другом сквозь пространство и время, пока наконец один из нас не падет в этой затянувшейся борьбе ради развлечения Ормузда или каких-либо других богов. Стыдно было осознавать, что я не более чем пешка в чьей-то тщательно продуманной игре. Возможно, Ариман и намеревался убить меня, но вряд ли он стал бы это делать из чисто спортивного интереса. Владыке Тьмы поневоле следовало быть прагматиком. Его цель - ни больше ни меньше как уничтожение всего человечества ради нарушения существующего пространственно-временного континуума, а как следствие, и самой вселенной. Моей же задачей было помешать ему реализовать его дьявольский план, что я мог осуществить лишь путем физического устранения самого Аримана. Я не был профессиональным убийцей, а всего лишь солдатом, сражающимся за само существование человечества. После всего того, что произошло между нами, я не испытывал, да и не мог испытывать особых симпатий к своему противнику, но роль послушного орудия в чужих руках была также неприемлема для меня.

Я испытывал тревогу. Слова Ормузда о том, что конечной целью моей миссии на Земле является уничтожение Аримана, не убеждали меня. Сколько раз нам еще предстояло сойтись в смертельной схватке? Если я уже умирал, а тем не менее продолжаю жить, что вообще означает понятие смерти? Ариман убил Арету в двадцатом столетии, но сейчас она оказалась рядом со мной живая и невредимая, пусть и под другим именем. Я погиб в пламени термоядерного реактора семь столетий спустя, но никогда раньше не чувствовал себя более живым, чем сегодня.

Под бременем тягостных размышлений я без сил опустился на свою подстилку, отдавая себе полный отчет в том, что мой слабый мозг не в состоянии справиться с этой безумной проблемой.

Агла как могла попыталась утешить меня.

Наши развлечения прервал стук в дверной косяк, вежливый и одновременно решительный. Неохотно я подошел к занавеске, не понимая, кому мы могли понадобиться в столь поздний час. Наступила ночь, и открытое пространство вокруг дворца Великого хана освещалось лишь пламенем двух гигантских костров.

Передо мной стоял пожилой худощавый китаец в традиционном шелковом халате, расшитом

серебряными драконами. Его голову украшал высокий колпак, из-за которого незнакомец казался почти одного роста со мной. Рассмотреть черты его лица не представлялось возможным.

- Мое имя Елю Чуцай, [12] - объяснил он мелодичным голосом. - Я советник Великого хана. Могу ли я войти в ваш дом?

14

При всей затруднительности для европейца определить точный возраст азиата нетрудно было заметить, что наш посетитель очень стар.

«Мандарин», как я тут же окрестил его, продолжал стоять у порога, вежливо ожидая моего разрешения войти в комнату. Стражи порядка почтительно держались в нескольких ярдах позади него, преданно пожирая глазами высокое начальство.

- Разумеется, - произнес я, почтительно наклонив голову. - Будьте добры, почувствуйте себя как дома.

С грацией, поразительной для человека его возраста, Елю Чуцай сделал несколько шагов вперед. Агла уважительно приветствовала его и, как и подобает добропорядочной монгольской женщине, опустила на колени, чтобы раздуть едва тлевшие угли маленького очага. Кажется, я уже упомянул, что вечер был на редкость холодным. Наш гость выглядел настоящим патриархом. Длинные усы и жидкая бороденка были совершенно белы. Тонкая косичка такого же цвета опускалась на его плечи. Он стоял, чуть сгорбившись, посреди нашей небольшой комнаты, спрятав руки в широкие рукава шелкового халата.

- Пожалуйста, садитесь, мой господин, - предложил я, указывая в сторону единственного стула в комнате.

Он молча, с достоинством принял мое предложение. Растроганная Агла пыталась сделать его пребывание у нас чуть более комфортабельным, предложив ему две имевшиеся в нашем распоряжении подушки, но он легким жестом отклонил ее предложение, после чего мы сами уселись на них у ног нашего высокого гостя.

- Для начала мне следует подробно объяснить вам, зачем я пришел, - начал он так тихо, что я едва смог расслышать его голос за треском разгоревшихся поленьев. - Но прежде разрешите мне поблагодарить вас за внимание. В моем возрасте приятно чувствовать тепло очага за спиной.

- Вам нет нужды ничего объяснять, - остановила его Агла. - Всем известно, что вы правая рука Великого хана.

Он слегка наклонил голову в знак признательности.

- Я служу монголам еще с того времени, как их первый Великий хан носил имя Темучин. Я был еще зеленым юношей, когда войска Потрясателя Вселенной перевалили через Великую Китайскую стену и захватили город Янкин, где я родился. Я был оставлен в живых благодаря моему умению читать и писать, хотя и стал рабом. Монголы, конечно, дикари, но их вождь уже тогда умел смотреть на много лет вперед.

- Вы говорите о Чингисхане? - осторожно осведомился я.

- Естественно, но сейчас среди монголов не принято упоминать ни одного из его двух имен. Его называют Великим ханом, Потрясателем Вселенной, Величайшим из Величайших и еще несколькими другими именами, хотя все это не имеет прямого отношения к предмету нашего разговора. Он был отцом Угэдэя, нынешнего Великого хана, человеком, завоевавшим для монголов Китай, Сибирь и твердыни Хорезма. Воистину он был величайшим человеком в истории человечества.

Естественно, я и не собирался оспаривать его высказывания. Седой мандарин явно не был льстецом, не имел оснований произносить передо мной хвалебные речи в адрес кого угодно. Он искренне верил в то, что говорил, и многие его утверждения на самом деле соответствовали истине.

- Сегодня империя монголов простирается от Китайского моря до Персии. Хулагу готовится покорить Багдад. Субудай уже отправился в поход против русских и поляков. Кубилай замыслил захватить Японию.

- Ему лучше отказаться от этого плана, - неосторожно пробормотал я, вспомнив из курса истории, что флот Кубилая был уничтожен штормом, который японцы с тех пор величают «Священным черным ветром» или «Камикадзе».

Елю Чуцай подозрительно уставился на меня.

- Что вы хотите этим сказать? - требовательно спросил он. - Вы обладаете даром пророчества?

Агла бросила на меня предостерегающий взгляд.

- Ничего похожего, - возразил я, вспомнив ее слова о том, что монголы не жалуют предсказателей, и делая все возможное, чтобы мой голос звучал по возможности более искренне. - Просто, на мой взгляд, монголы прекрасные воины, но никак не моряки. Их стихия степь, а не море.

Китаец несколько минут изучал мое лицо.

- Вы правы, - произнес он наконец. - Монголы лучшие воины в мире, но они не моряки. Впрочем, они также не администраторы, не писцы и не мастера. Но для выполнения всех этих обязанностей у них есть пленники. Они найдут сколько угодно хороших моряков среди китайцев.

В знак согласия я вежливо склонил голову.

вернуться

12

реально существовавший советник Чингисхана

- Пределы империи должны постоянно расширяться, - продолжал он, - это завет самого Чингисхана. Он со всей очевидностью понимал, что его варварские полчища должны постоянно находиться в движении, покорять новые народы и страны, или империя рухнет. Монголы - дети войны, они созданы для нее. Если у них не останется внешних врагов, они начнут резать друг друга. Темучин нашел единственно верный путь, направив энергию древних

кочевников Гоби в нужном для него русле, и создал таким образом сильнейшую армию в мире.

- Может быть, вы и правы, - согласился я, пожимая плечами.

- Империя должна постоянно расширять свои пределы, или она рухнет, - повторил он. - Иного пути нет. Во всяком случае пока.

- Но это означает гибель для десятков и сотен тысяч людей. Сотни сожженных и разрушенных городов.

Он равнодушно кивнул.

- И вы помогаете им в этом? Но почему? Вы же цивилизованный человек. Почему вы помогаете монголам, захватившим и превратившим в руины вашу собственную страну?

На секунду Елю Чуцай закрыл глаза. В мерцающем свете пламени очага его морщинистое лицо мгновенно превратилось в высохшую мертвую маску.

- В мире существует только одна цивилизация, - медленно произнес он, открывая снова глаза. - Это цивилизация Катая, или Китая, как вы зовете ее на свой западный манер. И я служу Великому хану, чтобы принести эту цивилизацию на копытах монгольских коней до самых пределов Обитаемого мира.

Теперь я уже окончательно перестал что-либо понимать.

- Но монголы покорили Китай. Кубилай правит в Янкине.

Старик снисходительно улыбнулся.

- Да, Кубилай родился в войлочной юрте, недалеко от того места, где мы сейчас находимся. Но он уже скорее китаец, нежели монгол. Он носит шелковый китайский халат, рисует изысканные пейзажи и управляет своей империей не менее разумно, нежели представители свергнутой династии.

Наконец-то до меня дошел смысл его слов.

- Вы хотите сказать, что монголы только исполнители ваших замыслов, а настоящие победители - вы, китайцы.

- Совершенно верно, - согласился Елю Чуцай. - Монголы всего лишь вооруженные руки империи, а древняя цивилизация Китая - ее мозг.

- Выходит, монголы всего лишь служат вам, - подала голос Агла.

- О нет, клянусь священной памятью моих предков, - поспешно возразил китаец, искренне расстроенный тем обстоятельством, что у кого-то в голове могла зародиться столь опасная идея. - Мы все служим Великому хану Угэдэю. Я не более чем раб, хотя мое влияние на его политику на самом деле велико.

- Но только потому, что Великий хан расчистил путь вам, китайцам, - настаивала Агла.

Елю Чуцай нахмурился и замолчал. Нетрудно было понять, что он пытался привести в порядок свои мысли, чтобы по возможности доходчиво изложить нам свои аргументы.

- Темучин, - произнес он еле слышно, словно опасаясь, что кто-то может услышать, как он произнес вслух имя Великого хана, - пришел к мысли о необходимости завоевания мира, чтобы помешать различным племенам Гоби уничтожить друг друга. Это было озарение гения. Таким образом, империя должна постоянно расширять свои пределы.

- Да, вы уже говорили об этом, - согласилась Агла.

- Какой цели, по-вашему, должно служить это бесконечное кровопролитие? - в свою очередь спросил китаец. - Неужели только для того, чтобы не дать диким кочевникам перерезать друг друга?

Ни Агла, ни я не смогли ответить на этот вопрос.

- С другой стороны, существует цивилизация Китая, - продолжал Елю Чуцай, - величайшая цивилизация, которая когда-либо существовала в мире. Культура Китая построена на мирных началах, поэтому у нас нет другого пути принести ее достижения другим народам.

- Вы хотите сказать, что монголы захватили Китай, - вставил я, - но рано или поздно это обстоятельство неизбежно приобщит к цивилизации диких кочевников?

- Решение такой задачи потребует усилий одного или двух поколений, - подтвердил Елю Чуцай, - может быть, даже больше.

- Следовательно, вы должны помогать монголам расширять границы их империи, чтобы не дать ей развалиться, ровно столько времени, сколько необходимо китайской цивилизации для распространения по всему миру.

Он кивнул.

- Возникнет одно колоссальное государство, распростершееся от океана до океана. Подумайте, к чему это может привести. Конец всем войнам, процветание еще недавно диких народов. Наступит вечный мир, на Земле будет править закон, а не насилие. Вот цель всей моей жизни.

Единая огромная империя, созданная монгольскими саблями, управляемая китайскими мандаринами и живущая по общим законам. В ней Елю Чуцай видел наивысшую цивилизацию, которая способна принести мир всем народам, а я - тиранию, при которой и речи не могло идти о свободе личности.

- Я поделился с вами своими мыслями, - продолжал советник Великого хана, - потому что хотел, чтобы вы поняли, какую проблему создали для меня.

- Проблему? - не понял я.

Он вздохнул.

- Угэдэй не похож на своего великого отца. Он слишком ленив, чтобы быть хорошим правителем. Он слишком привык к роскоши, чтобы думать о покорении мира.

- Но вы сказали...

Он остановил меня повелительным жестом узкой руки с длинными, ухоженными ногтями.

- К счастью, - продолжал он, - империя развивается по-прежнему достаточно динамично. Ее мощь продолжает расти. Хулагу, Субудай, Кубилай и другие орхоны и ханы, имеющие свои

улусы на границах империи, все еще думают о новых завоеваниях. Сам Угэдэй предпочитает сидеть в Каракоруме, позволяя другим завоевывать для него мир, и наслаждаться плодами их побед. Это опасная позиция.

- Какое это имеет отношение к нам? - спросила Агла.

- Угэдэй суеверный человек, - вздохнул Елю Чуцай. - Недавно он получил предупреждение об угрозе, исходящей для него от человека, который прибудет с запада, чтобы попытаться убить Великого хана.

- Я и сам пришел предупредить его об угрозе, - напомнил я.

- Вы пришли с запада, - повторил Елю Чуцай. - Впрочем, существует еще один человек, который пришел оттуда. Некто по имени Ариман.

- Он здесь? - воскликнул я.

- Вы знаете его?

- Да! Именно об угрозе, исходящей от него, я и пришел предупредить Великого хана.

Китаец слабо улыбнулся.

- Но Ариман уже успел настроить Угэдэя против вас. Против светлокожего могучего воина из страны, лежащей далеко на западе, за Великим океаном.

Я принялся торопливо размышлять, пытаюсь найти выход из положения, в котором неожиданно оказался.

«Мое слово против слова Аримана? Как я мог доказать свою правоту?»

- Есть и еще кое-что, - добавил Елю Чуцай. - Нечто, что делает проблему особенно острой.

- О чем вы говорите? - не понял я.

- Угроза самому существованию империи.

- Угроза? - повторил я.

- Что может угрожать империи, покорившей половину мира? - спросила Агла.

- Не далее как сегодня в разговоре со стражами порядка вы употребили слово «ассасин».

- Да, после того, как двое мужчин попытались убить меня.

- «Ассасин» - новое слово в языке монголов. Оно пришло к нам из Персии, где и возник этот культ. К сожалению, я знаю о нем не слишком много. Это секта убийц, члены которой и зовутся ассасинами. Мне говорили, что оно происходит от названия наркотика - гашиша.

- Но я все-таки не понимаю, какое отношение это имеет ко мне, - возразил я.

- Во главе секты стоит человек, который вербует молодых людей, обещая им райское блаженство при безоговорочном исполнении его приказов. Он дает своим последователям гашиш, и под воздействием этого средства им являются видения рая, куда они отправятся

после смерти. Неудивительно, что молодые люди готовы на все ради исполнения воли своего владыки.

- Я знаю о действии лекарственных средств, подобных гашишу, - согласилась Агла. - Оно настолько сильно, что, раз попробовав, человек готов на все, чтобы получить его вновь.

Елю Чуцай склонил голову в знак согласия.

- Предположим, члены секты получают приказ убить кого-то. Они без колебаний пойдут на верную смерть в полной уверенности, что после исполнения возложенного на них поручения проснутся в раю.

Я промолчал, хотя на личном опыте знал, что смерть не обязательно означает конец земного существования.

- Множество купцов, аристократов, имамов и даже принцесс в Персии уже стали их жертвами. Страх перед представителями секты настолько велик, что, получив предупреждение о смерти, люди готовы отдать все, что имеют, лишь бы не попасть в руки ассасинов. Орден необычайно богат и могуществен.

- Персия, - пробормотал я, - и есть страна Аримана, Ормузда и их пророка Зороастра.

- Влияние секты распространяется далеко за пределами Персии, - возразил Елю Чуцай. - Перед ней трепещет весь мир ислама. Я опасаясь, что ассасины уже успели добраться до Каракорума и собираются совершить покушение на Великого хана.

- Ариман пришел из Персии, - напомнил я.

- А он и не отрицает этого факта. Но, по его словам, вы явились оттуда же, хотя сами это отрицаете.

- Ассасины едва не убили меня сегодня.

Китаец слегка пожал плечами.

- Возможно, вы всего лишь изобрели хитрый трюк, чтобы сбить нас с толку. Убитые вами люди не были монголами, несмотря на то что несомненно хотели выдать себя за таковых. Они могли быть персами. А вы могли убить их, чтобы отвести от себя подозрение.

- Зачем мне убивать своих сообщников и для чего им убивать меня?

Судя по всему, Елю Чуцай тревожился не на шутку.

- Мне хотелось бы поверить вам, Орион, но я должен быть готов к любым неожиданностям. Я убежден, что либо вы, либо Ариман принадлежите к этой секте, а может быть, даже и являетесь ее главой, человеком, известным под прозвищем Горный старец.

- Как мне убедить вас?

- В подобных случаях монголы не утруждают себя особыми размышлениями. Они просто убьют и вас, и Аримана, а возможно, и вас, моя дорогая госпожа, и тут же забудут об этом. Но я цивилизованный человек. Мне надо сначала решить, кто из вас ассасин, а кто нет.

- Тогда мне нечего опасаться, - заметил я, хотя далеко не был убежден в справедливости

своего утверждения.

- Вам нечего опасаться меня, - подчеркнул он. - Во всяком случае в настоящий момент. - Помолчав немного, он с сомнением добавил: - Но Угэдэй не слишком терпеливый человек. Он может приказать убить вас, чтобы одним махом покончить с неприятной проблемой.

15

Нельзя сказать, что Агла и я оказались в роли узников в полном смысле этого слова, но куда бы мы ни шли в Каракоруме, двое монгольских воинов неизменно следовали за нами по пятам. По словам Елю Чуцай, они находились рядом для нашей же защиты, но их постоянное присутствие тем не менее действовало мне на нервы. Днем и ночью они находились рядом с нами, не удаляясь больше чем на несколько шагов. Дисциплина в монгольской армии и в самом деле была на высоте. Я не сомневался, что эти люди будут следовать за нами до тех пор, пока они не получат приказ оставить свой пост. Если бы нам удалось ускользнуть от них, оба они были бы безжалостно казнены. В случае если бы одного из них убили при исполнении служебных обязанностей, то, по обычаю, его сын занял место своего отца. При отсутствии сына в возрасте воина его ближайший родственник мужского пола должен исполнять обязанности погибшего вплоть до совершеннолетия его наследника.

Если не считать этого досадного обстоятельства, мы имели полную свободу передвижения по городу, могли бродить где угодно, за исключением одного места, куда я и стремился попасть больше всего, - огромного шелкового шатра Великого хана, по иронии судьбы расположенного прямо напротив нашего скромного жилища. Елю Чуцай строго запретил мне пересекать площадь или предпринимать какие бы то ни было иные попытки встретиться с Угэдэем. Старый китаец все еще не отказался от мысли, что я могу оказаться одним из ассасинов или даже самым главой зловещей секты. Иезуитские обычаи китайского двора уже успели прочно укорениться среди монгольской знати, и я не мог сделать даже шага без ведома главного советника Великого хана.

Но пока еще никто не запрещал мне заниматься поисками Аримана, и целыми днями Агла и я бродили по улочкам монгольской столицы в поисках Владыки Тьмы. Каракорум был столицей огромной империи, но для самих монголов он, по сути дела, оставался всего лишь очередным лагерем, просто несколько большим, чем предыдущий. Примитивные кочевники не могли понять разницы между временной стоянкой на несколько десятков семей и большим городом, где постоянно проживали десятки, а может быть, и сотни тысяч жителей.

Санитарии как таковой вообще не существовало. Человеческие экскременты, навоз и отходы домашнего хозяйства просто выбрасывались на улицу, хорошо еще, если позади юрты. Воду доставляли на спинах рабов из реки, протекавшей поблизости, в которую во время дождя устремлялись сточные воды со всего города. О личной гигиене здесь тем более никто не имел понятия. Рано или поздно эпидемия тифа или какой-нибудь другой заразной болезни должна была опустошить столицу монголов. Оставалось только удивляться, что этого до сих пор не произошло.

Шум повсюду стоял ужасный. Похоже, здесь просто никто не умел разговаривать нормальным тоном, а обязательно старался перекричать своего собеседника. Тяжело нагруженные повозки, которые обычно тащили несколько быков, едва могли разминуться на узких, кривых улочках. Проносившиеся то и дело всадники поднимали облака пыли. В случае дождя улицы превращались в бурные потоки, обычно смывавшие непрочные глинобитные хижинки. Удивительно, но юрты кочевников и роскошные шатры местной знати лучше противостояли такого рода природным катаклизмам, нежели так называемые постоянные сооружения. После

дождей в воздух поднимались огромные тучи mosкитов, которых в сухое время года сменяло не меньшее количество мух.

Как ни странно, но никто из местных жителей, с которыми мне приходилось разговаривать, по-видимому, ничего не слышали об Аримане. Елю Чуцай при встрече со мной признал, что виделся с Владыкой Тьмы, после чего тот даже имел беседу с Угэдэем. Но и он ни единым словом не обмолвился о том, где мой враг находится в настоящий момент. Так что день за днем Агла и я в сопровождении двух неизменных спутников безрезультатно блуждали по улицам монгольской столицы, с трудом пробираясь сквозь густую толпу ее обитателей. Я заглядывал в каждую церковь, встречавшуюся на нашем пути, будь то маленькая хижина христианского проповедника или величественный буддийский храм.

После примерно недели безуспешных поисков я наконец нашел то, что так долго искал, – небольшое приземистое строение с глухими стенами, построенное из серого камня и расположенное на самой окраине города.

Лицо Аглы скривилось в пренебрежительной гримасе.

- Давай поскорее уйдем отсюда, – предложила она. – Здесь нет ничего, кроме смрада и грязи.
- И Аримана, – добавил я, указывая на маленькое здание.
- Здесь?
- Я уверен. Кому принадлежит этот храм? – спросил я, поворачиваясь к воинам.

Они переглянулись и пожали плечами, давая тем самым понять, что не в состоянии ответить на мой вопрос. Возможно, им было приказано так или иначе помешать моей встрече с Ариманом, хотя не исключено, что они просто боялись вступить во владения Владыки Тьмы. Для меня последнее не имело особого значения. Не задавая больше бесполезных вопросов, я направился к низкой, широкой двери, которая вела внутрь здания.

- Лучше сюда не ходить, – нерешительно заметил один из монголов.
- Вы можете подождать меня снаружи, – огрызнулся я, не поворачивая головы.
- Пойдите, – крикнул он, загораживая мне дорогу.
- Я так или иначе войду туда. Не пытайтесь остановить меня.

Ему явно не понравилось мое намерение, но и в открытую бросить мне вызов он так и не решился. Слух о том, как я расправился с двумя напавшими на меня убийцами, давно распространился по монгольской столице. Для очистки совести он отправил своего напарника выяснить, существует ли у здания второй выход. Как и можно было ожидать, такового не оказалось. Удовлетворенный тем, что бежать нам не удастся, стражник отступил в сторону.

- Если вам будет угрожать опасность, позовите меня! – крикнул он на прощание.
- Обязательно, – ответила за меня Агла.

Воин презрительно пропустил ее слова мимо ушей.

Нам пришлось нагнуться, чтобы войти в низкую дверь. Внутри помещения было темно, как в могиле. Испуганная Агла жалась ко мне.

- Я ничего не вижу, - прошептала она.

Зато я видел все. Мои глаза моментально привыкли к темноте, и, хотя помещение по-прежнему было погружено в крошечную тьму, я разглядел каменный алтарь на слегка возвышавшейся над полом платформе и странные символы, выбитые на стене над ним.

- Я давно поджидаю тебя, - донесся до меня зловеющий шепот Аримана.

Я мгновенно повернулся в сторону источника звука и увидел огромную, массивную фигуру в дальнем углу комнаты.

- Подойди ко мне, - приказал он. - Девушка может оставаться там, где стоит. Я не причиню ей вреда.

Агла, казалось, превратилась в мраморную статую. Она неподвижно стояла рядом со мной, все еще продолжая цепляться за мою руку, и напряженно вглядывалась в непроницаемую темноту.

- Она не увидит и не услышит ничего, - предупредил меня Ариман. - Оставь ее и иди ко мне.

Я осторожно освободил свою руку. Девушка была еще теплой и живой, хотя я не мог уловить ни ее дыхания, ни биения сердца.

- Я просто ускорил ход времени для нас обоих, - объяснил Ариман. - Теперь мы сможем побеседовать совершенно свободно. Никто не подслушает нашего разговора и не помешает нам.

Я сделал несколько шагов в его сторону. Каменные плиты под моими ногами казались по-прежнему массивными и реальными. Ариман выглядел таким же, каким я запомнил его. Темное, мощное тело и красные, полыхающие ненавистью глаза.

- Когда ты вернешься к своей спутнице, она даже не заметит, что ты отсутствовал, - продолжал Ариман. - Сейчас для нее не существует времени.

- Похоже, игра со временем ваше любимое занятие, - иронично заметил я.

Владыка Тьмы стоял широко расставив ноги, уперевшись массивными кулаками в бедра. На нем была широкая, отороченная мехом мантия и высокие кожаные сапоги. Я не заметил у него никакого оружия, да и зачем оно ему при его силе?

- Ты и сам неплохо порхаешь по времени, - заметил Ариман. - Как прошло твое путешествие из лагеря Хулагу до Каракорума?

- Вам самому, надо полагать, не было нужды тащиться сюда с караваном верблюдов?

На его широком мрачном лице появилось подобие улыбки.

- Нет, я предпочитаю другие способы передвижения. К слову, я нахожусь в Каракоруме уже около трех месяцев. Здесь я играю роль священника новой религии, специально предназначенной для воинов.

- Это вы подослали ко мне двух ассасинов?

- Да, - не раздумывая, подтвердил он. - Я не надеялся, впрочем, что им удастся добиться успеха, но мне хотелось знать, обладаешь ли ты по-прежнему той силой, которую имел во

время нашей последней встречи.

- Когда ты попытался взорвать термоядерный реактор?

Его густые черные брови удивленно поползли вверх.

- Ядерный... ЧТО?

Однако его замешательство продолжалось всего одно мгновение.

- Ах да, конечно, - произнес он, переведя дыхание. - Ты двигаешься против потока времени, назад к Войне. Я следую его течению и поэтому до сих пор не достиг той точки вектора времени.

Я тоже помнил о том, что мы путешествуем во времени в различных направлениях. Мы встречались и раньше, и нам предстояло встретиться снова.

- Тебе удалось... убить меня тогда? - Голос Аримана зазвучал почти тревожно.

- Нет, - ответил я честно. - Вы убили меня.

Ариман не мог скрыть своего удовлетворения.

- Тогда я еще успею выполнить свою миссию.

- Уничтожить человечество?

Он презрительно отмахнулся от меня.

- Подумаешь, люди. Посмотри, чего достигли монголы. Обрати внимание, как они без зазрения совести убивают сотни тысяч себе подобных, а их помощники, считающие себя цивилизованными людьми, аплодируют им и пытаются извлечь выгоду из кровавой бойни. Кого интересуют люди?

- Вам больше нравится ваш собственный план? Убивать нас миллиардами?

- Я собираюсь исправить ошибку, совершенную пятьдесят тысяч лет назад, - рявкнул Ариман. - Погибнет одна форма жизни, останется другая. Мой народ будет жить, твой исчезнет. Умрет и ваш создатель, тот, кто называет себя Ормуздом.

- Война произошла пятьдесят тысяч лет назад?

- Всеу свое время, - пообещал он насмешливо. - Там мы и встретимся. Иначе чего ради Ормузд создал тебя так, чтобы ты двигался от Конца к Войне? Да, только для того, чтобы оставить тебя в неведении.

Я закрыл глаза, стараясь помешать новой лжи проникнуть в мое сознание. Сравнение Ормузда и Аримана было явно не в пользу последнего. Владыка Тьмы и бог Света - носитель Жизни и Истины. Ариман назвал его моим создателем и угрожал убить нас обоих.

- Моя миссия - убить вас, - сказал я, открывая глаза.

- Знаю. Но только убью тебя я. Убью с удовольствием, и так же легка, как ты раздавил бы каблуком надоедливое насекомое.

- Так же просто, как вы убили ее?

- Девчонку?

- У нее было имя. Арета... так ее звали в двадцатом столетии.

- Там я еще не успел побывать.

- Побываете. И убьете ее. Даже если бы у меня не было других причин ненавидеть вас, одной вполне хватило бы.

Он пренебрежительно передернул массивными плечами.

- Ты можешь ненавидеть, можешь любить. Ормузд довольно удачно запрограммировал тебя.

Я был совсем рядом с ним, и мне ничего не стоило бы схватить его за горло. Но мне уже довелось испытать на себе всю колоссальную мощь не по-человечески сильных рук его, и повторять опыт мне не хотелось. Я прекрасно понимал, что какой бы силой я сам ни обладал, он способен отбросить меня от себя так же легко, как обгоревшую спичку.

- Монголы создали у себя неподходящие условия для поединков, - заметил Ариман, словно прочитав мои мысли. - У них существуют свои законы, и они умеют заставлять чужаков уважать их.

- Я добьюсь аудиенции у Угэдэя и предупрежу его о ваших планах. Вам не удастся добиться успеха.

Его безгубый рот искривился в пренебрежительной ухмылке.

- Болван! Я уже добился полного успеха. И, кстати, помог мне в этом ты.

- Что вы хотите этим сказать?

Он снисходительно взглянул на меня красными глазами.

- Интересно узнать, против каких моих намерений ты собираешься предостеречь Угэдэя? Ты полагаешь, что я явился сюда, чтобы убить его?

- Разве вы не глава секты ассасинов?

Его улыбка преобразилась в глумливую гримасу.

- О нет, мой вечный противник. Я не Горный старец. Только люди убивают себе подобных ради денег. Владыка ассасинов такой же человек, как и ты. Он был когда-то другом Омара Хайяма, ставшего затем знаменитым астрономом. Ты, должно быть, слышал его имя?

- Я знаю его как поэта, - резко ответил я.

- Да, он любил побаловаться виршами, но дело сейчас не в этом. Не беспокойся, Хулагу раздавит осиное гнездо ассасинов после того, как возьмет Багдад, и уничтожит самый пышный цветок культуры ислама.

- Вы упомянули, что уже успешно завершили свою миссию в Каракоруме и что я помог вам, - напомнил я.

- Да, - подтвердил Ариман, и его лицо снова стало серьезным. - Иди сюда, я кое-что покажу тебе.

Он повернулся ко мне спиной и подошел к массивной каменной стене. Еще полный свежих воспоминаний о своих подвигах в двадцатом столетии, я без колебаний последовал за ним.

Я свободно прошел через стену, почувствовав еще раз, как холод пространства на мгновение пронизал мое тело. Мы оказались в дремучем лесу, в окружении могучих деревьев, чьи кроны слегка колыхались под порывами ночного ветра. Не говоря ни слова, Ариман пошел по тропинке, петлявшей среди молодого подлеска. Высоко над головой я мог видеть серп луны, плывущей среди кучевых облаков. Из темноты доносилось уханье совы и непрекращающаяся трескотня ночных насекомых.

Мы вышли на опушку леса, к склону холма, круто спускавшегося к широкой, поросшей травой равнине. На всем обозримом пространстве перед нами были видны шатры, подле которых паслись стреноженные лошади. Погруженный в сон лагерь нисколько не напоминал походные биваки монголов.

- Цвет европейского рыцарства, - прошептал Ариман, - собрался здесь под знаменем Белы, [13] короля Венгрии.

- Где мы находимся?

- На равнинах Венгрии, недалеко от Токая, известного винодельческого района. Там остановились на ночь монголы Субудая... Или, вернее, так думает король Бела...

В тусклом свете луны мне удалось разглядеть часовых, стоявших на страже вокруг огромного лагеря, пересеченного небольшой рекой.

Время близилось к утру, когда Ариман неожиданно схватил меня за плечи, прижимая к земле. Я начал было протестовать, но он тут же заставил меня замолчать, без лишних церемоний зажав мне ладонью рот. Я прислушался. Слева от меня послышалось тихое ржание лошади. Повернув голову, я заметил пару монгольских воинов, которые осторожно пробирались сквозь кусты, ведя на поводу низкорослых лошадей. За их спинами маячили многочисленные фигуры их товарищей. Оказавшись у кромки леса, они остановились и натянули луки в ожидании сигнала к атаке.

Спустя несколько минут тысячи огненных стрел прочертили серое небо и обрушились на венгерский лагерь. Заполыхали шатры, испуганно заржали лошади. Боевой крик монголов прорезал утренний воздух, и лавина всадников с трех сторон обрушилась на охваченных паникой рыцарей короля Белы. Исход сражения был практически предreshен. Разумеется, застигнутые врасплох полусонные и безоружные европейские рыцари не сумели оказать серьезного сопротивления яростно атаковавшим монголам и не смогли ничего противопоставить воинскому искусству их знаменитого полководца. Очень скоро сражение перешло в настоящую резню. Кровавое пролитие продолжалось в течение всего утра. Надо отдать должное рыцарям - они сражались с упорством обреченных, у которых не оставалось надежды на спасение или милосердие. Воинам, чьи шатры находились по другую сторону реки, повезло несколько больше, но скоро и они один за другим пали под ударами кривых сабель монголов.

При свете дня картина поля недавнего боя представляла собой ужасающее зрелище.

- Здесь ты можешь оценить всю прелесть человеческой природы, Орион, - злорадно произнес Ариман. - Что ты скажешь о том, с какой энергией и страстью они уничтожают себе подобных?

Я ничего не ответил, да и что я мог ответить?! Вид пропитанной кровью земли, сплошь усеянной изуродованными трупами, говорил сам за себя.

- Итак, я уже выиграл, - продолжал Ариман. - Благодаря тем сведениям, которые ты сообщил Субудая, монголам удалось сокрушить европейскую цивилизацию. Дорога на Рейн открыта. Теперь они продолжают свой победный марш на запад, разрушая и грабя города и вырезая целые народы. Разумеется, остаются еще французы. В свое время под предводительством Карла Мартелла [14] им удалось остановить нашествие мавров. Но Субудай разобьет и их, как сегодня разбил войска Белы и его союзников. Вся Европа и Азия от Тихого до Атлантического океана окажется под властью монголов.

- Это и есть ваша цель? - угрюмо спросил я, стараясь не смотреть на несчастных, пострадавших в кровавой бойне. К сожалению, я не мог заткнуть себе и уши, чтобы не слышать криков и стонов умирающих людей.

Могучая рука Аримана схватила меня за локоть.

- Да, это моя цель, Орион. И теперь ничто и никто не может помешать мне. Ни тебе, ни самому Ормузду не остановить меня.

Я на секунду прикрыл глаза, чтобы не видеть его торжествующего лица. Неожиданно его хватка ослабла, а крики и стоны умирающих растаяли где-то вдаль. Когда я снова открыл глаза, то увидел Аглу, стоявшую рядом со мной. Мы были снова в помещении храма, в Каракоруме. Ариман в последний раз насмешливо улыбнулся мне и исчез в глубине темной стены.

- Я ничего не вижу здесь, - пожаловалась Агла, снова обретая дыхание и продолжая цепляться за мою руку.

- Зато я видел более чем достаточно. Куда больше, чем мне бы хотелось, - отозвался я, направляя ее к двери. - Через несколько недель, может быть даже раньше, в Каракорум придет весть о решающей победе Субудая. В городе начнутся пышные торжества, но сам полководец не будет отозван в столицу для поздравления и вручения ему награды. По словам Аримана, армия продолжит победное шествие на запад, чтобы уничтожить европейскую цивилизацию, подобно тому, как незадолго до того войска Хулагу растоптали сердце мусульманского мира.

До монгольского нашествия Персия и земли, лежавшие между Тигром и Евфратом, были, пожалуй, наиболее населенными и цветущими на всей территории планеты. Ирригационные каналы, построенные еще во времена Гильгамеша, сделали Вавилон, а позднее Багдад центрами мировой цивилизации, что бы ни думали о себе высокомерные китайцы. Там, где проходили монголы, оставались только руины городов, пересохшие каналы и вытопанные поля, на которых трудились жалкие остатки некогда могучих народов. Потребовались столетия, чтобы вернуть этим землям хотя бы часть их бывшего великолепия.

Сейчас перед войсками Субудая лежала практически не защищенная Европа. Участь государств Ближнего Востока еще ожидала Польшу, Германию, Балканские страны. Может быть, Италии, защищенной Альпами, удастся избежать этой страшной судьбы, но я сомневался и в этом. Воинов, сумевших преодолеть Крышу Мира, скорее всего не остановят вершины, не сумевшие оградить Древний Рим от солдат Ганнибала. Италия и Греция, и другие цветы средиземноморской цивилизации также будут безжалостно растоптаны копытами монгольских коней.

И в том, что произойдет эта трагедия, была прежде всего моя вина. Ариман имел право

торжествовать.

16

Я попытался рассказать Агле о страшной опасности, нависшей над миром, но она просто не могла оценить всю сложность создавшейся ситуации. Несколько часов подряд мы просидели в нашей маленькой хижине, пока я рассказывал ей об Аримане и Ормузде, о других жизнях, в которых нам довелось встречаться, о титанической борьбе между силами Света и Тьмы, которая продолжалась уже много тысячелетий.

- Ариман собирается уничтожить сам пространственно-временной континуум, - заключил я громко, словно разговор на повышенных тонах мог помочь ей лучше оценить всю важность моих слов.

Агла терпеливо выслушала меня до конца, но боюсь, что это было единственным достижением, которым я мог похвастаться. Она добросовестно старалась понять меня. И хотя Агла сама жила в двадцатом столетии, возможно, и в других временах, она восприняла очень немного из моих объяснений. В данной инкарнации она была не более чем простодушной дочерью тринадцатого столетия.

- Ариман - черный колдун, - высказала она свою точку зрения, - и в его власти показать тебе прошлое и будущее.

- Но он показал мне, что произошло только сегодня, - запротестовал я, - и не просто показал. Мы действительно были там, в тысячах миль отсюда.

- Ты ни на секунду не покидал меня, - возразила она со слабой улыбкой.

- Говорю тебе, все это произошло на самом деле. Просто время текло для нас с разной скоростью. Для тебя прошло одно мгновение, а я прожил почти двадцать часов на равнинах Венгрии.

- Тебе это только показалось. Он великий волшебник, и в его власти заставить тебя поверить во все, что угодно.

Мне не оставалось ничего другого, как согласиться с ней и прекратить бесполезный разговор.

Этой ночью мы особенно увлеченно занимались любовью, так как оба опасались, что больше нам никогда не представится такой возможности. Я уснул только под утро.

Мне приснился Ормузд, облаченный в золотые доспехи, верхом на золотом коне. Он ехал по тропинке по весеннему лесу. Ярко сияло солнце, и на голубом небе не было видно ни облачка. Но постепенно лес становился все гуще, а небо заволокли тяжелые тучи, закрывавшие солнце. Я уже знал, что должно произойти, и хотел крикнуть, чтобы предупредить Ормузда, но не мог издать ни звука. Мое тело и язык были парализованы, и я мог только наблюдать, как маленькие злобные рептилии выползли на тропинку перед конем Ормузда и, мгновенно преобразившись в монгольских воинов, набросились на него. Стащив бога Света и Истины с коня, они начали рубить его кривыми саблями.

вернуться

13

король Венгрии, правивший страной в середине XIII в.; потерпев несколько поражений в сражениях с войсками Бату-хана, лишился короны

вернуться

14

майордом, а фактически некоронованный король Франции, в 732 г. в битве при Пуатье наголову разбил арабов (мавров) и заставил их отступить за Пиренеи

- Орион, помоги мне, - прозвучал в моих ушах далекий голос истекавшего кровью Ормузда. - Где ты, Орион? Спаси меня!

Внезапно свет померк и могильный холод охватил мое тело. Я очутился в безжизненной и пугающей пустоте. И хотя я не мог этого видеть, я понимал, что в то же самое мгновение Земля и вместе с нею человечество прекратили свое существование.

Я проснулся в холодном поту и присел на своей подстилке. Агла мирно спала рядом, безразличная ко всем катаклизмам мироздания.

«Думай, Орион, думай, - приказал я себе. - Как ты можешь победить Аримана, если даже не понимаешь его замыслов?»

Я закрыл глаза и попытался проанализировать известные мне факты.

Ариман намеревался уничтожить связь времени и пространства, нарушить его континуум и тем самым потрясти основы вселенной. По его словам, некогда люди уничтожили его народ, и теперь он был готов сокрушить человечество, а тем самым победить и Ормузда, которого называл нашим создателем. Многого я не знал, а еще больше не понимал. Я раздраженно потряс головой, пытаюсь сообразить, каким образом я могу добраться до Ормузда и попросить его сообщить мне дополнительную информацию. Впрочем, я подсознательно понимал, что любая подобная попытка заранее обречена на провал. Очевидно, Ормузд полагал, что я уже знаю достаточно для успешного осуществления своей миссии. Он направил меня в эту точку времени и пространства, не только воссоздав все мои прежние способности, но и позаботившись о том, чтобы я узнал монгольский язык. Более того, он послал со мной Аглу в образе простосердечной туземной девушки, очевидно, для того, чтобы она служила мне проводником в чуждом мне мире, посредником между мною и людьми тринадцатого столетия. Это и было ее истинным предназначением, точно так же, как назначение Ареты было пробудить мои воспоминания и направить меня на поиски Аримана.

Очевидно также, что Угэдэй был ключом к разрешению всей проблемы. Когда монгольские воины схватили меня, я по какому-то наитию объявил им, что являюсь послом к Великому хану. Кто, кроме Ормузда, мог вложить мне в голову эту мысль? Так или иначе, но я был совершенно убежден, что теперь все зависело от моей личной встречи с Великим ханом.

Когда лучи солнца пробились сквозь узкое оконце и осветили наше скромное жилище, я уже принял твердое решение немедленно встретиться с Елю Чуцаем и испросить для меня аудиенции у Великого хана. Агла отправилась вместе со мной. Одета в традиционную одежду монгольской женщины, чувствительная к малейшим нюансам поведения своих соплеменников, она должна была послужить мне своеобразным компасом в этом мире, который без ее помощи я вряд ли мог бы понять. Но помимо этого, она была еще женщиной, которую я любил и не

желал оставлять одну, чтобы в случае необходимости оградить ее от козней Аримана и других возможных опасностей.

Нам потребовалась большая часть утра, чтобы убедить суровых стражей и приторно сладкоречивого китайского чиновника в необходимости моей срочной встречи с Главным советником Великого хана. В конце концов мы были допущены в маленький шатер, стоявший рядом с роскошным жилищем Угэдэя. Обстановка внутри шатра оказалась куда более роскошной, чем можно было предположить, глядя на него снаружи. Пол был сплошь покрыт великолепным персидским ковром, а вдоль стен стояли предметы традиционной китайской мебели, богато инкрустированные золотом и слоновой костью. Елю Чуцай появился из-за ширмы черного дерева, двигаясь, по обыкновению, грациозно и беззвучно, и уселся на мягкий стул у длинного стола, заваленного рукописями и картами. Улыбнувшись, он предложил нам присесть на два небольших стула, стоявших поблизости от его собственного. После обмена несколькими вежливыми, но ничего не значащими фразами он поинтересовался целью моего визита.

- Чтобы просить вас помочь мне получить аудиенцию у Великого хана, - отвечал я. - Уверю вас, это крайне важно.

Несколько мгновений он молча играл волосами своей белой жидкой бородки. Опасаясь получить отказ, я решился на отчаянный шаг. Мобилизовав все свои гипнотические способности, я попытался внушить старому мандарину мысль о необходимости подобной встречи. Кажется, мои усилия увенчались успехом. Его тело слегка напряглось, и, подняв голову, он посмотрел мне прямо в глаза. На лице китайца мелькнуло легкое замешательство, которое постепенно сменилось пониманием моих намерений.

- Я пытался защитить вас от ненужной опасности, - произнес он извиняющимся тоном. - Если вы встретитесь с Угэдэем и не сумеете убедить его в своей правоте, это будет означать для вас неминуемую смерть.

- Опасность слишком велика, чтобы думать о сохранении собственной жизни, - возразил я. - Мне нужно увидеть его немедленно.

Он послушно поднялся со своего места и снова исчез за ширмой.

Я повернулся к Агле и улыбнулся.

- Ты заставил его исполнить свою волю, - произнесла она с неодобрением.

- Я убедил его в необходимости этой встречи, - возразил я.

Агла подняла руку, чтобы убрать прядь волос, упавшую ей на лоб, и в то же мгновение электрическая искра проскочила у нее между пальцами.

- Ты тоже волшебник, - прошептала она с благоговейным страхом. - Почему же ты сразу не сказал мне об этом?

- Я уже говорил тебе, что это не так.

- Это неправда. Ты такой же, как Ариман, и обладаешь огромной силой. Мне следовало догадаться об этом раньше, когда я увидела, как быстро зарубцевались твои раны.

- Моя сила велика, но я использую ее только ради добра, - возразил я. - И она не имеет ничего

общего с колдовством.

- Ты даже не понимаешь, насколько велика твоя сила, - вздохнула она. - Страшно подумать, что ты сделал с господином Чуцаем. Не надо больше меня обманывать... это бесполезно... теперь я знаю всю меру твоей власти над людьми.

Я попытался отвлечь ее внимание от моей уловки с гипнозом, но Аглу было невозможно обмануть.

- Ты не должен позволить Угэдэю или его советникам догадаться о своем могуществе. Все они суеверные люди и из страха убьют тебя.

- Но они не стали убивать Аримана, - запротестовал я.

- Только потому, что он предсказал им победу. Я слышала, что женщины в Каракоруме говорят об Аримане. Все боятся его темной силы, но еще больше боятся вызвать его недовольство. Монголы опасаются, что в таком случае он может предсказать поражение их армии. Эти глупцы искренне верят, что пророчества Аримана могут привести их к победе или поражению.

- Разве подобная убежденность не грозила ему еще большей опасностью? Не лучше ли монголам просто перерезать ему горло и навсегда избавиться от него?

Она отрицательно покачала головой, в результате чего прядь волос снова упала ей на лоб. Агла вернула ее на прежнее место, но на этот раз без всяких дополнительных эффектов.

- Ариман очень умен, - пояснила она. - Я слышала, он появился в Каракоруме как проповедник новой религии. Религии воинов. Монголы не убивают священников. Они с одинаковой терпимостью относятся ко всем верованиям. Поэтому, хотя все они и боялись Аримана, Великий хан приказал не причинять ему вреда, пока сбываются его пророчества о победах монголов.

«Да, он умен, - подумал я, - куда умнее меня, и прекрасно разбирается в психологии монголов».

- Кроме того, - продолжала Агла уже более спокойно, - монголы не проливают кровь важных людей.

- Что? Как тогда понять...

- Ясса запрещает проливать кровь, хотя и не отрицает необходимости убийства.

Я сидел на жестком деревянном стуле, пытаюсь переварить то, что рассказала мне Агла. Против моей воли передо мной встало улыбающееся лицо Аримана.

Лично я не возлагал особых надежд на справедливость Яссы, да и не питал особых иллюзий относительно важности моей персоны.

Мои размышления прервало возвращение Елю Чуцаю.

- Все устроено, - произнес он устало. - Великий хан примет вас сегодня вечером, сразу после ужина, но вам придется прийти одному.

Я бросил вопросительный взгляд на Аглу.

- Великий хан, - объяснил Елю Чуцай, - не станет уважать мужчину, если тот появится перед ним в сопровождении женщины. Таковы обычаи монголов, и в этом нет ничего оскорбительного ни для кого из вас.

- Я нисколько не оскорблена, - возразила Агла, - просто я опасаюсь, что Орион может оказаться в затруднительном положении, плохо зная традиции и образ мысли монголов.

- Я буду рядом с ним, чтобы направлять его, - пообещал Елю Чуцай. - Ваш друг и без того находится в сложном положении. Так что не стоит вызывать неудовольствие Великого хана, появившись перед ним рядом с женщиной, имеющей репутацию лекарки и, более того, колдуньи...

Он замолчал, давая мне возможность обдумать его слова.

- Я понимаю, - сказал я, - но тут же, вспомнив судьбу Ареты, поспешил добавить: - Я прошу вас приставить к ней охрану на время моего отсутствия. Ариман или кто-то другой может попытаться заставить меня отказаться от моих планов, угрожая причинить вред Агле.

Елю Чуцай слегка наклонил голову в знак согласия.

- Это будет сделано. Вы оба находитесь под моей защитой, пока не замыслите ничего дурного. Кроме того, что касается вас, Орион, Великому хану известно о письме Субудая, рекомендовавшего вас.

- Я высоко ценю великодушие Субудая, - сказал я, улыбаясь, - но еще более я благодарен вам, мой господин Чуцай.

Мои слова польстили ему.

- Запомните, любой щит хорош ровно настолько, насколько сильна рука, держащая его, - предостерег он. - У вас есть могущественный враг здесь, в Каракоруме. Так что будьте осторожны.

- Благодарю вас, мой господин. Я запомню ваши слова.

Во второй половине того же дня, когда Агла нервно металась по нашей хижине, а я пытался сконцентрировать свои мысли на том, что сказать Угэдэю, слуга принес мне новую одежду, в которой я должен был появиться перед лицом Великого хана. Подарок от Елю Чуцай.

Агла была восхищена.

- Ты выглядишь в ней как хан. Прекрасный, могучий хан.

Я улыбнулся ей, хотя движение лицевых мускулов и причинило ощутимую боль моему свежевывритому лицу. Бритье при помощи каменного ножа и без горячей воды серьезное испытание для кого угодно.

От удовольствия Агла раскраснелась, как маленькая девочка, но все-таки не могла скрыть от меня все усиливавшегося беспокойства. Мы оба хорошо знали, что посетители шатра Великого хана иногда возвращались домой, отягощенные золотом, рабами и даже лошадьми, но не менее часто их уносили оттуда мертвыми, после того как расплавленное серебро заливалось им в уши.

- Ты должен быть очень осторожным, - в который раз предупреждала меня Агла, глядя на меня грустными, испуганными глазами.

- Обещаю, что в точности выполню все твои наставления.

- Прислушивайся к словам Елю Чуцай. И ни в коем случае не показывай им свою силу, иначе ты просто испугаешь их.

- Как ты думаешь, Ариман тоже будет присутствовать?

Ее огромные серые глаза еще больше расширились от страха.

- Не знаю. Может быть.

Раздался повелительный стук в дверь.

- В независимости от того, будет он там или нет, мне пора идти, - сказал я, - пришли охранники, чтобы отвести меня в шатер Великого хана.

- Как бы я хотела пойти с тобой, - прошептала Агла, обнимая меня.

- Все будет хорошо, - пообещал я.

Поцеловав ее на прощание, я открыл дверь. Четверо воинов из личной охраны Великого хана стояли на пороге.

Еще раз улыбнувшись Агле, я последовал за стражниками. Когда я в последний раз оглянулся назад, она еще стояла на пороге, наблюдая, как мы медленно пересекали площадь.

Я прошел между двумя кострами и терпеливо постоял перед входом в шатер, пока воины обыскивали меня. Надо сказать, свое дело они знали. От их взгляда, наверное, не ускользнула бы и булавка, окажись таковая при мне. Наконец мне было разрешено войти в шатер. Четверо воинов, двое впереди, двое сзади, сопровождали меня. Так встречали либо почетных гостей, либо особо опасных пленников. Очевидно, Угэдэй и его советники так окончательно и не решили, к какому сорту людей меня следует отнести.

Шатер был огромен. Такого мне еще не приходилось видеть. Персидские и китайские ковры устлали пол. Гобелены и шелковые ткани закрывали войлочные стены. Сбоку от входа находился длинный серебряный стол, заставленный сосудами с кобыльим молоком, блюдами с фруктами, мясом и солью - символ гостеприимства у кочевников. По всему периметру шатра, на расстоянии примерно шага один от другого, стояли личные телохранители Великого хана. В глубине на невысоком помосте под балдахинном сидел сам Угэдэй, Великий хан монголов. Слева от него разместились шесть молодых, блиставших красотой любимых жен Кагана, а справа человек двенадцать высших военачальников и чиновников империи, среди которых находился и Елю Чуцай. Одетый в роскошный голубой халат, расшитый золотом, он стоял рядом с тронном Угэдэя, чуть позади него. Аримана среди них не было. Это показалось мне хорошим знаком.

Все сидели тесным полукругом на коврах и шелковых подушках. Один Угэдэй сидел выше других на золотом троне, вывезенном еще его отцом из дворца китайского императора. Это был плотный, коренастый человек лет пятидесяти, с открытым круглым лицом. В правой руке он держал золотой кубок, инкрустированный драгоценными камнями. За его спиной стоял мальчик-китаец с золотым кувшином, полным вина.

Воины остановились, не доходя трех шагов до помоста. Следуя избранной мной роли посла, я не собирался падать ниц перед Угэдэем и ограничился лишь низким поклоном.

- Великий хан, - произнес Елю Чуцай, - этот человек и есть Орион, посол из страны, лежащей далеко на западе, от которой нас отделяют горы, равнины и Великое море.

Угэдэй махнул рукой, и мальчик с кувшином торопливо наполнил его кубок. Великий хан сделал большой глоток, облизал губы и бросил на меня любопытный взгляд. Осмотрев меня с ног до головы, он неожиданно оглушительно рассмеялся.

- Вы только посмотрите, - воскликнул он, указывая на меня пальцем, - да на нем нет сапог.

17

Немедленно все монголы, находившиеся в шатре, присоединились к смеху своего повелителя. Не смеялся один Елю Чуцай, чье обычно невозмутимое лицо выглядело на этот раз смущенным и расстроенным.

На мне все еще оставались мои старые, изношенные сандалии, выглядевшие в глазах монголов совершенно нелепыми в сочетании с роскошной экипировкой, которую прислал мне старый мандарин. Разумеется, его подарок включал и кожаные сапоги, но они, по обыкновению, оказались слишком малы для меня. Правда, и вся остальная одежда была мне маловата, но путем различных ухищрений мне удалось кое-как натянуть ее на себя. С сапогами этот номер не прошел.

Угэдэй едва не зашелся от смеха. Остальные придворные, в меру своих способностей, старались не отстать от своего властелина. У меня закралась крамольная мысль, что Великий хан был уже достаточно пьян еще до того, как я появился на пороге шатра, этот факт и послужил единственной причиной столь неудержимого приступа веселья. Со своей стороны я не видел ничего смешного в том, что произошло.

- Никогда мне еще не приходилось видеть колдуна в столь странной обуви, - все еще давясь от смеха, смог наконец произнести Угэдэй.

Это замечание Великого хана вызвало новый взрыв общего смеха, который затянулся на несколько минут.

Несмотря на смущение, я почувствовал и известное облегчение. По-видимому, Великий хан был не склонен серьезно воспринимать возводимые против меня обвинения. Люди редко смеются до упаду, глядя на возможного убийцу или злого демона. Наконец Угэдэй более или менее успокоился, и в шатре вновь воцарился относительный порядок. Телохранители, веселившиеся вместе с придворными, снова замерли. Елю Чуцай продолжал бесстрастно смотреть в пространство мимо меня.

- Бейбарс, - крикнул Угэдэй после того, как в очередной раз приложился к кубку с вином.

Молодой человек поднялся с ковра и почтительно поклонился Великому хану.

- Бейбарс, найди хорошего сапожника и распорядись, чтобы он сделал приличные сапоги для нашего гостя.

- Слушаюсь, дядя.

- Ну а теперь, человек с запада, подойди поближе и раздели со мной кубок доброго вина. Твой народ пьет вино, не так ли?

Мгновенно несколько рабов выскочили из-за спинки трона. Меня усадили справа от Великого хана, и в моей руке оказался драгоценный кубок, наполненный густым красным вином.

- Ширазское вино, - пояснил Угэдэй. - Привозится из страны, лежащей неподалеку от того места, где ты встретил моего племянника Хулагу.

- Редкий букет, - заметил я, поднимая кубок за здоровье Великого хана. - Даже в моей далекой стране вино Шира ценится очень высоко.

Я счел излишним уточнять, что был знаком с этим благородным напитком исключительно по книге стихов «Рубай» Омара Хайяма.

- Меня предупреждали, что я должен опасаться тебя, - лениво, почти безразлично произнес Угэдэй. - Мне говорили, что ты могучий волшебник и к тому же еще и ассасин.

- Я всего лишь человек, мой повелитель. Посол из отдаленной страны. Не волшебник и не ассасин. Я не ношу оружия...

- Такому, как ты, оно и ни к чему, - прервал меня Угэдэй. - Ты убиваешь вооруженных воинов голыми руками и ловишь стрелы зубами. - Он неожиданно улыбнулся. - Во всяком случае, так мне рассказывали.

- Я защищаюсь, как умею, великий повелитель. Но поверь мне, если воин выпустит в меня стрелу, шансов остаться в живых у меня ничуть не больше, чем у любого другого человека.

- Мне говорили иное...

Я перевел дыхание, мысленно прикидывая, насколько мне можно доверять чувству юмора Угэдэя.

- Мой повелитель, - произнес я, тщательно взвешивая слова. - За свою жизнь вы наверняка слышали больше необычайных историй, чем все остальные, здесь присутствующие, вместе взятые. Кому, как не вам, знать, как мало остается от истины, когда она пересказывается много раз.

Я угадал. Он рассмеялся.

- Еще бы! Моя собственная доблесть в битвах растет день ото дня с тех пор, как я сижу на этом троне. Армии, которые я разбил, возрастают в численности столь же быстро, не говоря уже о врагах, которых якобы я поразил собственной рукой. Им уже вообще нет числа.

- Мой повелитель, - сказал один из монголов, сидевший через несколько человек от меня, - не следует полагаться лишь на слова чужеземца. Позволь нам испытать его.

У говорившего был недоверчивый взгляд, характерный для людей определенной профессии. Не знаю, существовала ли у Угэдэя собственная служба безопасности, но, если она существовала, этот человек вполне мог быть ее шефом.

- Что ты предлагаешь, Кассар? - лениво поинтересовался Угэдэй.

- Пусть чужеземец станет там, - монгол взмахом руки указал на открытое место посредине

шатра, – а твои телохранители выпустят в него несколько стрел. Только тогда мы доподлинно узнаем, что к чему.

Прежде чем ответить, Угэдэй пару минут задумчиво изучал пальцы собственных рук.

– Но если все эти истории сплошной вздор, мы убьем посла, Кассар.

– Мертвый посол лучше, чем живой колдун, – проворчал монгол.

– Дадим ему саблю, и пусть он сразится с Чамукой, – предложил другой монгол. – Это будет и справедливо, и интересно.

– Пусть поборется с кем-нибудь, – подал голос третий придворный.

Угэдэй выслушал все три предложения, продолжая медленно прихлебывать вино.

Елю Чуцай, серьезный и безучастный ко всему, не сказал ни слова.

Я понимал, что, если будут выбраны первые два испытания, мне придется защищаться. Тогда монголы поймут, что в историях, ходивших обо мне, было не так уж много преувеличений. В этом отношении третье предложение представлялось мне более предпочтительным, хотя я узнал, что даже товарищеские поединки монголов нередко заканчивались смертью. Я заметил, что, поднеся кубок к губам, Угэдэй бросил на меня внимательный взгляд. Вероятно, тогда я впервые задумался над тем, что его показное пьянство являлось своеобразным приемом, которым он пользовался, чтобы оценить ситуацию и выиграть время для принятия правильного решения.

Опустив кубок на ковер, Угэдэй поднял правую руку. В шатре мгновенно наступила тишина.

– Ясса учит нас быть гостеприимными с чужестранцами, которые приходят к нам в лагерь, – произнес Угэдэй голосом, вдруг ставшим необыкновенно звучным и твердым. – Этот человек – посол из далекой страны. Он не может быть подвергнут испытанию, словно жеребенок-однолеток или только что выкованная сабля.

– Но Ариман предупреждал нас... – начал было Кассар, даже не пытаясь скрыть недовольство.

– Я сказал свое слово, – произнес Угэдэй голосом, не допускавшим возражений.

Его слова положили конец дискуссии. Великий хан откинулся на спинку трона. Он бросил взгляд на кубок, стоявший на ковре, но не прикоснулся к нему. Легким кивком головы указав в сторону женщин, сидевших слева от него, он снова обратился ко мне:

– Я слышал, с тобой живет женщина, лекарка. Доволен ли ты ею? Может быть, хочешь иметь другую? Достаточно ли у тебя слуг, чтобы удовлетворить твои нужды?

– Я вполне доволен своим положением, о мой великодушный повелитель, – поспешно ответил я.

Он на секунду прикрыл глаза, словно волна боли внезапно прокатилась по его телу.

– Ты посол из западных земель, – продолжал он, вновь открывая глаза. – В послании Субудая говорится, что ты многое знаешь о странах, лежащих позади черноземных равнин. Какова цель твоего прибытия ко мне?

Неплохой вопрос, особенно если знать, как на него ответить.

Я понимал, что с моей стороны было бы весьма неосторожно попытаться настроить Угэдэя против Аримана, не имея весомых доказательств своей правоты. Елю Чуцай не зря предупреждал меня, что в тех случаях, когда монголы не могли или не хотели докопаться до истины, они обычно выбирали простейший способ решения проблемы – казнили обоих спорщиков.

Пришла моя очередь изучать глаза Угэдэя. Я нашел в них боль, понимание и, наконец, то, что меньше всего ожидал увидеть, – доброжелательность. Этот человек без колебаний мог приказывать сжечь города целой страны и поголовно вырезать их население, интуитивно или из чувства противоречия, не желая прислушиваться к мнению своих советников, решил, что я не представляю для него угрозы. Опять же, по той или иной причине, он доверял или, по крайней мере, хотел доверять мне. Но даже если я ошибался в своих оценках, он, во всяком случае, не был тем пьяным глупцом, каким обрисовал мне его Елю Чуцай.

- Мой повелитель, Великий хан, – произнес я, понижая голос. – Не могли бы мы поговорить так, чтобы другие нас не услышали? То, что я хочу вам сказать, не предназначено для посторонних ушей.

Несколько секунд он обдумывал мои слова, затем кивнул в знак согласия.

- Позднее. Я пошлю за тобой.

Затем, повысив голос, чтобы все присутствующие могли его слышать, он задал мне следующий вопрос:

- Как тебе удалось пересечь Тянь-Шань в этих сандалиях?

Этот вопрос вызвал новый взрыв веселья у монголов, за которым последовало еще несколько, по мере того как я в деталях описывал мои злоключения на пути от Персии до Каракорума. Наступила уже ночь, но они продолжали задавать мне вопросы о моей стране и о море, которое отделяло ее от Европы. Я описал им Атлантический океан как бурное, опасное для плавания море, бездну, непреодолимую для монгольской конницы, что, кстати, вполне соответствовало действительности.

- Тогда как ты сам пересек его? С помощью колдовства?

Наступила абсолютная тишина. Даже во взгляде Великого хана я заметил неожиданную настороженность. Я позволил им завлечь себя в ловушку.

- Конечно нет, – возразил я, лихорадочно пытаюсь найти удовлетворительный ответ. – Вы видели китайский флот, не так ли? – спросил я.

Некоторые из присутствующих утвердительно кивнули. Как я успел заметить, Кассар не входил в их число.

- Подобные суда могут пересечь океан, если им повезет и они не попадут в полосу штормов.

Про себя я подумал о викингах, сумевших достичь Исландии, Гренландии и даже Лабрадора в открытых драккарах, но предпочел не развивать эту тему.

- Тогда почему мы не можем пересечь океан? – крикнул Кассар.

- Небольшое количество воинов, вероятно, сможет, – согласился я. – Но чтобы переправить

целую армию, потребуются сотни судов. Многие из них погибнут, другие будут поглощены водоворотами или чудовищами, поднимающимися из морских глубин.

Про себя я вознес молитву Господу, чтобы эти мои слова случайно не достигли Испании и не помешали Колумбу совершить его историческое открытие.

- В результате армия потеряет столько людей, что окажется совершенно небоеспособной при первом же столкновении с противником.

- Мой племянник Кубилай мечтает направить армию для покорения Японии, - сказал Угэдэй, нахмурившись. - Можешь ли ты предсказать, чем закончится его затея?

Я заколебался, не желая попасть в новую ловушку.

- Я не предсказываю будущее, Великий хан. Я посол, а не пророк.

Угэдэй недоволен нахмурился. Вероятно, ему хотелось бы получить более определенный ответ, но у меня не было желания оказаться замешанным в дворцовые интриги.

Наша беседа затянулась почти до рассвета. Лишь тогда, когда даже не принимавший в ней участия Елю Чуцай начал выказывать признаки утомления, Угэдэй хлопнул в ладоши и объявил, что отправляется спать. Придворные вместе со мной поднялись со своих мест и, поклонившись Великому хану, двинулись в выходу. Я заметил, что трое из присутствовавших женщин последовали за Угэдэем в его личные апартаменты.

Так или иначе, но мне не удалось пройти и половины пути между шатром Угэдэя и нашей хижиной, когда посланный мне вдогонку воин объявил, что Великий хан требует меня к себе. Я и сопровождавшие меня стражники сделали поворот кругом и последовали за посланником в личные покои Угэдэя.

Он сидел на лежанке настолько высокой, что его ноги не доставали до пола. Шатер освещался всего несколькими свечами. Никаких женщин не было и в помине. Посыльный остановился при входе и низко поклонился. Я последовал его примеру.

- Человек с запада, - сказал Угэдэй, - я хочу, чтобы ты знал, что шесть вооруженных воинов моей личной гвардии находятся в шатре. Все они мои личные телохранители и готовы без колебаний отдать за меня свою жизнь. Кроме того, они глухи и немые, так что никто не узнает о нашей встрече. Но при первых признаках угрозы они убьют тебя, не раздумывая ни секунды.

- Великий хан, ваша мудрость столь же высока, как и ваше положение среди людей.

- Ты говоришь, как настоящий посол, - усмехнулся Угэдэй.

Отпустив гонца, он указал мне на стул, стоявший рядом с его ложем.

- Садись, посол, - предложил он. - Теперь расскажи мне о послании, которое ты принес лично для меня, человек с запада.

- Мой повелитель, истина в том, что я послан сюда, чтобы убить человека, известного тебе под именем Ариман.

- Значит, ты не посол.

- Я все-таки посол, Великий хан. Я принес послание из далекой страны, послание, которое

объяснит вам мою цель. Оно содержит ключ к будущему великой империи, созданной Великим Потрясателем Вселенной и вами.

- Были еще и мои братья, - проворчал он. - Они тоже неплохо потрудились. Куда лучше, чем я, если говорить правду.

- Великий хан, - продолжал я, - я не только пришел из страны, лежащей невообразимо далеко отсюда. Мне пришлось преодолеть семь столетий, чтобы увидеть вас. Я человек из будущего. Должен сказать, что и семь столетий спустя имя твоего священного отца будет пользоваться огромным уважением среди людей. Монгольская империя так и останется самым большим государством, когда-либо существовавшим на Земле.

Он даже не моргнул глазом, услышав мои слова о возможности путешествия во времени.

- А будет ли еще существовать наша империя в те далекие времена?

- В определенном смысле да. Благодаря вашей империи возникнут новые нации. Китай станет могучим государством, поскольку именно усилия монголов помогли объединить ранее раздробленные домены севера и юга. На западе возникнет великая Российская империя, в состав которой войдут земли русских княжеств, Сибири и даже Хорезма. [15]

- А сами монголы? - спросил Угэдэй с беспокойством. - Что станет с самими монголами?

Вопрос поставил меня в тупик. Не мог же я ему ответить, что страна его потомков станет бесправным придатком Советского Союза.

- Монголы вернутся в родные степи, где, сохранив традиционный уклад предков, будут жить в мире и покое. У них больше не останется врагов.

Его голова внезапно дернулась, и он издал едва различимый звук, похожий на стон. Мне трудно было понять, чем была вызвана такая реакция - моими словами или неожиданным приступом боли.

- Монголы будут жить в мире, - прошептал он, как бы разговаривая сам с собой. - Наконец-то!

Уже не сомневаясь в том, что хотелось услышать Великому хану, я продолжал более уверенно:

- Не будет больше войн между отдельными племенами Гоби и кровавых распрей между родами. Монголы будут продолжать жить по законам Священного Правителя. Его Яссы.

Угэдэй счастливо улыбнулся.

- Отлично! Я доволен.

Оставалось решить, что мне еще следует рассказать, прежде чем вернуться к вопросу об Аримане.

- Тебя удивляет, почему я так обрадовался твоим словам о будущем мире? - спросил Угэдэй. - Ты недоумеваешь, почему неожиданно Великий хан народа-воина не мечтает о новых завоеваниях?

- Но ваши братья и сыновья...

- Да, они еще продолжают свои походы. Пока впереди лежит земля, на которой растет трава,

дающая пищу для монгольского коня, они будут сражаться, чтобы покорить ее.

Угэдэй тяжело вздохнул.

- Всю мою жизнь я провел в войнах. Почему, ты думаешь, я не захотел проводить испытание твоей силы минувшим вечером?

- Возможно, потому, что на мне не было сапог, - ответил я, улыбаясь.

- Нет, Орион, - усмехнулся он. - Просто я слишком часто в моей жизни слышал пение стрел, участвовал в слишком многих сражениях, а о поединках борцов, которые мне приходилось наблюдать, и говорить не приходится. Я мечтаю о мире, Орион. На земле и без войн более чем достаточно страданий и боли.

- Мудрые люди предпочитают мир войне, - вставил я.

- В таком случае они еще более редки в этом мире, чем деревья в пустыне Гоби.

- Все мое время, Великий хан.

- Много лет пройдет, после того как я отойду к моим предкам, прежде чем сбудется твое пророчество, Орион.

В его словах не было горечи - просто констатация очевидного факта.

- Мой повелитель... - начал было я.

- Ты хочешь поговорить со мной о твоём враге Аримане? Какая тень пролегла между вами? Кровная месть? Ссора между вашими родами?

- Можно сказать и так. У него дурные мысли, Великий хан. Он враг не только мне, но и вам.

- Он хорошо послужил мне за время своего пребывания в Каракоруме. Воины боятся его, но им нравятся его пророчества о новых победах.

- Великий хан, но это совсем нетрудно - предсказать новую победу для монголов. До сих пор они не знали поражений.

Усталое лицо Угэдэя на мгновение озарилось улыбкой.

- Ты прав, Орион. Но тем не менее даже мои полководцы не прочь послушать пророчества о грядущих победах. Это вселяет в них уверенность в своих силах. Ариман помогал и мне, только в другом смысле. Кстати, он уже на пути сюда и должен прибыть с минуты на минуту.

- Сюда? К вам в шатер?

- Я призываю его к себе почти каждую ночь. У него есть снадобье, которое помогает мне заснуть лучше, чем вино Шираза.

Я не знал, что и подумать, пытаюсь переварить новую для меня информацию.

- Будет лучше, если ты не встретишься с ним. При первом угрожающем движении мои телохранители убьют вас обоих.

Этими словами Угэдэй вежливо давал понять, что мне следует немедленно удалиться.

Поклонившись Великому хану, я направился к выходу.

18

Я так и не смог заснуть в эту ночь, хотя говорить о ночи как таковой, собственно, и не приходилось. Небо на востоке уже начало светлеть, когда я добрался до дверей нашей хижины.

Агла не спала, поджидая меня. Я успел в деталях пересказать ей большинство событий минувшей ночи, пока наконец, сломленная усталостью, она не задремала, положив голову мне на плечо. Я продолжал лежать с широко открытыми глазами, размышляя о том, каким должен быть мой следующий шаг.

вернуться

15

в оригинале: Московия, земли казаков, черноземные степи и Хорезм

Итак, мое появление здесь, в эпоху монгольского нашествия, в самом центре событий, было вполне оправданным и закономерным. Судьба мира решалась сейчас в Каракоруме. И Ариман был здесь, готовый привести в действие свой план уничтожения человечества. Он каждую ночь посещал Угэдэя, чтобы дать ему некий напиток, помогавший Великому хану спокойно спать. Что это могло быть? Лекарство? Вино? Медленно действующий яд?

Почему Угэдэй не мог заснуть без снотворного? Может быть, его терзали угрызения совести? Он признался мне, что устал от войн и бесконечного кровопролития, но, по иронии судьбы, вынужден продолжать непрерывные захватнические войны, чтобы предотвратить междоусобицу между самими монголами. По крайней мере, именно так выглядела политика Великого хана в интерпретации Елю Чуцая.

Я раздраженно потряс головой. Парадоксальность ситуации угнетала меня. Угэдэй, уже имея в своем распоряжении все богатства Азии, жаждал мира, а его братья и племянники продолжали сеять смерть и разрушения на равнинах Европы, Китая и Ближнего Востока. Как эти знакомые мне из истории события могли сказаться на пространственно-временном континууме? Что замыслил Ариман? Как я мог помешать ему, если не имел ни малейшего представления о его подлинных замыслах?

Конечно, у меня в запасе оставался самый простой способ разрешения проблемы. Надо убить Аримана. Подстеречь моего противника в его каменном храме и перерезать ему горло. Убить его, как он убил Арету, безжалостно и без колебаний. Но может быть, этого как раз и добивался Ариман? Он не скрывал от меня своего местопребывания. До сих пор, если не считать неудачной попытки покушения на мою жизнь, он не стремился причинить вреда ни Агле, ни мне. Он выжидал, не делая секрета из своих регулярных визитов к Угэдэю. Не исключено, что именно его насильственная смерть могла дать толчок к роковой последовательности событий, которые в конечном счете и должны были привести к реализации его зловещих планов.

Я чувствовал себя пешкой в великой игре двух могучих противоборствующих сил, суть которой я не понимал. Не оставалось ничего другого, как последовать примеру Аримана и выжидать,

пока мне не удастся узнать чуть больше о замыслах моего грозного соперника.

Мои размышления были прерваны настойчивым стуком.

- Кто это может быть? - спросила Агла, приподнимаясь на постели.

Набросив одежду, я подошел к порогу. Испуганная Агла снова забилась под одеяло.

Отогнув кожаную занавеску, я увидел старого монгола в грязной, поношенной одежде.

- Крепко же вы спите, - сварливо проворчал он.

- Так или иначе, сейчас я уже не сплю, - резонно возразил я.

- Пир, наверное, затянулся до утра, - продолжал брюзжать старик, - а в результате простым людям приходится вставать ни свет ни заря, хотя у них и своих забот хватает.

- Кто вы такой, черт побери? - не выдержал я.

- Сапожник, кто же еще. А вы кого ждали - самого Великого хана? - Он протиснулся мимо меня в хижину, не спрашивая разрешения. - Посыльный Бейбарса приказал мне немедленно явиться к вам, чтобы сшить пару сапог. Как вам это нравится? Как будто у меня нет других дел. Но кого это волнует? Повеление самого Великого хана! Кому охота рисковать своей головой? Приходится подчиняться, нравится вам это или нет. Так что придется потерпеть и вам. Сапоги должны быть готовы уже сегодня к вечеру.

Он уселся на пол хижины и, все еще продолжая бурчать себе под нос, начал раскладывать перед собой инструменты и куски кожи. Несмотря на несносный характер, он оказался настоящим мастером своего дела. В результате к концу дня у меня появилась великолепная пара сапог, но, право, за все время моего пребывания среди монголов я не встречал худшего тирана, чем этот сапожник.

С этого дня я почти ежедневно бывал в шатре Великого хана. Угэдэю нравилось мое общество, и наши встречи становились все более частыми. Однажды он пригласил меня совершить с ним поездку верхом по окрестностям Каракорума.

- Вот это и есть настоящий дом монголов, - сказал он, когда мы оказались посреди бескрайней степи, на которой паслись бесчисленные табуны лошадей и стада баранов.

Глядя на его счастливое лицо, я не мог усомниться в искренности его слов.

- Монгол без лошади - уже не монгол, - продолжал Угэдэй, выпрямляясь в седле и с наслаждением вдыхая чистый, сухой воздух.

Наши совместные поездки скоро стали регулярными. Первое время Угэдэй еще брал с собой нескольких телохранителей, но уже после двух-трех вылазок за город он отказался и от этой меры предосторожности. С каждым днем он все больше доверял мне, и я отвечал ему полной взаимностью. Он любил слушать мои рассказы о народах и государствах Европы, об истории великих империй прошлого и их правителях. Особенно его занимал Древний Рим, и он был искренне огорчен, когда узнал, что коррупция, падение нравов в итоге погубили Римскую империю.

- У нас не могут появиться свои Тиберии или Калигулы, - заметил он. - Наши орхоны не чета

римским патрициям. Раболепие не в характере монголов.

Со своей стороны Агла умоляла меня не слишком доверять дружбе Великого хана.

- Ты играешь с огнем, - предупреждала она меня. - Ничем хорошим это не кончится. Рано или поздно Ариман натравит его на тебя, либо он сам напьется и забудет все ваши доверительные беседы.

- Это не в его характере, - пытался защищаться я.

- Он Великий хан, - настаивала она, поднимая на меня свои бездонные серые глаза, - от одного слова которого зависит жизнь и смерть миллионов людей. Что для него значит жизнь отдельного человека, твоя или моя?

Я хотел объяснить ей, что она ошибается, но, заглянув в ее обеспокоенные глаза, полные любви ко мне, запнулся на полуслове и смог только невнятно пробормотать:

- Думаю, что ты все-таки ошибаешься.

Каждый из нас остался при своем мнении.

Время шло, а я все еще находился в неведении относительно замыслов Аримана. В середине лета пришла весть о победе Субудая над армиями короля Белы, а несколько недель спустя в Каракорум начали прибывать караваны верблюдов, груженные оружием и драгоценностями, военной добычей из Венгрии и Польши.

За все это время я ни разу не видел Аримана. Можно было подумать, что мы и существуем с ним в двух параллельных измерениях. Оба мы жили в Каракоруме, регулярно появлялись при дворе Великого хана, но наши пути никогда не пересекались.

Наступила осень, а с ней и сезон дождей. В прежние дни монголы в ожидании зимних холодов откочевывали к южным границам Гоби, но сейчас, когда Каракорум стал столицей, об этом не могло быть и речи.

Помимо всего прочего, осень - традиционный сезон охоты у монголов, и однажды Елю Чуцай пригласил меня в свой шатер и объявил, что Великий хан пригласил меня принять участие в этой потехе.

Шатер Елю Чуцай был небольшим уголком Китая, перенесенным в монгольский лагерь. Изящная антикварная мебель из дорогих пород дерева, инкрустированная золотом, перламутром и слоновой костью, шелка, драгоценный фарфор. Бесчисленные рукописи и карты. Жилище малоудобное для обитания, но вполне способное удовлетворить запросы старого философа.

- Великий хан, очевидно, испытывает симпатию к вам, - заметил Елю Чуцай, усаживая меня рядом с собой и угощая чашкой свежеприготовленного чая.

- Весьма неординарная личность, - заметил я. - Я бы назвал его необычайно деликатным человеком для властелина огромной империи, если к монголу вообще применимо подобное слово.

Елю Чуцай сделал небольшой глоток чая, прежде чем ответить на мою реплику.

- Он мудрый правитель, - согласился он. - Угэдэй позволяет своим полководцам расширять границы империи, пока сам утверждает законы Яссы внутри ее пределов.

- С вашей помощью, - любезно добавил я.

- За спиной великого правителя всегда стоял умный чиновник, - отвечал, улыбаясь, Елю Чуцай. - Собственно, мудрость владыки заключается в его способности правильно выбрать себе помощников. И все же, несмотря на близость, существующую между вами, - продолжал китаец, - Ариман по-прежнему пользуется большим влиянием при дворе Великого хана.

- У Великого хана много друзей, - отвечал я уклончиво.

Старый мандарин аккуратно опустил фарфоровую чашечку на драгоценный лаковый поднос рядом с чайником.

- Я бы не стал называть Аримана другом Великого хана. Скорее его врачом, - заметил он.

Это известие повергло меня в легкий шок.

- Врач? Значит, Великий хан болен?

- Болезнь, применительно к данному случаю, не совсем подходящее слово. Великий хан предпочитает жить в роскоши и бездействии, вместо того чтобы лично вести свои войска на завоевание новых земель.

- Он не может сделать этого, - возразил я, припомнив слова Угэдэя о том, что он устал от вида крови.

- Я готов согласиться с вами. Он не может. Хулагу, Субудай, Кубилай, те всегда находятся во главе своих армий. Миссия Угэдэя - оставаться в Каракоруме и играть роль Великого хана. Если он начнет собирать армии, это может вызвать недоумение среди орхонов. Все земли вокруг давно брошены к ногам Великого хана.

Кажется, я начинал понимать суть проблемы, к которой осторожно подводил меня старый мандарин. Угэдэю нечего было покорять. Китай, Европа, Ближний Восток уже покорились монголам. Любой его шаг мог привести только в возобновлению древней вражды между самими монголами.

Я сразу же подумал об Индии.

- А почему бы ему не направить свои армии в страну, лежащую к югу от Крыши Мира?

- Надо полагать, вы говорите об Индустане? - уточнил Елю Чуцай. - Стране болезней, нищих крестьян и баснословно богатых магараджей. Вряд ли Угэдэю понравится эта идея. Монголы никогда не пойдут туда.

Елю Чуцай ошибался. Насколько мне было известно из истории, монголы в свое время покорили Индию или, по крайней мере, какую-то ее часть. Само название Великий Могол стало официальным титулом императора Индии, синонимом мощи и богатства. Однако в мои планы не входило спорить со старым мандарином.

- К счастью, - продолжал Елю Чуцай, - приближающийся сезон охоты может помочь изгнать тоску из сердца Великого хана. Если это произойдет, нам не придется больше прибегать к

услугам Аримана.

19

Монгольская охота по тщательности подготовки и своим масштабам лишь немногим уступала небольшой военной кампании. В обиходе кочевников не существовало таких понятий, как спорт или тем более экология. Цель была проста и прагматична – убить как можно больше животных, чтобы обеспечить род мясом на всю холодную, долгую зиму. Приготовления к большой осенней охоте начинались заблаговременно и занимали порой от двух до трех недель. Задолго до начала ее десятки, а то и сотни молодых людей высылались по всем направлениям для определения мест максимального скопления животных, после чего наиболее уважаемые старейшины выбирали район, обещавший, по их мнению, наилучшую добычу. Когда место охоты было определено, все взрослое население садилось в седла и рассыпалось по степи, образуя огромный круг в несколько десятков, а то и сотен миль диаметром. Все живое внутри этого круга следовало убивать. Без исключения, без колебания.

Охота, в которой я принимал участие, длилась больше недели. Вооруженные всадники гнали животных к центру круга, постепенно сжимая кольцо. Между всадниками шагали пешие воины, производя невероятный шум при помощи деревянных колотушек и прочих нехитрых приспособлений. По ночам по всему периметру огромного круга полыхали костры, дабы помешать обреченным животным вырваться за его пределы. Массовое избиение могло начаться лишь по сигналу самого Великого хана.

В первые два дня мне не удавалось увидеть ни одного живого существа, помимо самих загонщиков. На третий день в поле моего зрения оказалось несколько небольших антилоп, волков и кроликов. Животные, не обращая внимания друг на друга, в панике стремились к центру круга, донельзя испуганные людьми и производимым ими шумом.

Я ехал рядом с Великим ханом вместе с двумя его племянниками. Елю Чуцай не принимал участия в этой забаве из-за почтенного возраста и отвращения к любым кровавым играм. Напротив, лицо Угэдэя пылало от возбуждения, хотя я не мог не заметить, что нагрузки многодневного перехода для него уже тяжелы. На рассвете он вместе со всеми селся в седло, но уже к середине дня его организм требовал небольшого отдыха. По вечерам он пораньше удалялся в свой шатер, воздерживаясь от традиционных пиров, столь любимых им в Каракоруме. Но хотя его тело страдало от усталости и боли, настроение у него было превосходным. Сейчас он оказался далеко от искушений и забот императорского двора, в родной для себя стихии.

Как ни странно, но его настроение постепенно передалось и мне. Я даже не вспоминал об Аримане. Если я вообще думал о ком-то, то разве об Агле, особенно по ночам, лежа на голой земле под шкурой, пропахшей конским потом. В глубине души я понимал, что это не более чем отсрочка, но тем не менее вовсе не торопился вернуться в Каракорум. Проблемы никогда сами по себе не исчезают. Иногда их решение можно ненадолго отложить, но не более того. Так или иначе, я старался извлечь максимум удовольствия из незапланированных каникул.

Кстати, персидское слово «парадиз» (рай) буквально и означало охотничью забаву.

Первые несколько дней испуганные животные просто неслись впереди нас, но по мере того как кольцо сжималось, они раз за разом предпринимали отчаянные попытки прорваться сквозь линию загонщиков. В подобных случаях, хотя официально охота еще не началась, в ход шли копыта и стрелы. По понятиям монголов, позволить добыче уйти из кольца означало бесчестье для охотников.

Накануне решающего дня я ехал рядом с Кассаром, когда одинокий волк сделал безнадежную попытку проскочить между нами. Племянник Великого хана пронзил его молодецким ударом копья. Я предпочел остаться в стороне, не желая вмешиваться в кровавую игру. Агонизирующее животное попыталось добраться до своего убийцы, но подбежавшие на шум пешие воины добились его ударами дубинок.

Кассар довольно рассмеялся и победно взмахнул над головой окровавленным копьем. Я поймал себя на мысли, что, будучи готовым в случае необходимости без колебаний убить человека, я не решался первым поднять руку на дикое животное. Впрочем, последнее время мне в голову то и дело приходили парадоксальные мысли.

В середине того же дня я оказался наедине с Угэдэем. Его племянник отстал, чтобы перекусить, поев вяленого мяса, и сменить усталую лошадь. Полуденное солнце приятно согрело мое тело, несмотря на частые порывы холодного северного ветра.

- Тебе нравится охота, человек с запада? - поинтересовался Великий хан.

- Признаюсь, до сего времени мне не приходилось видеть ничего подобного. Это напоминает мне военный поход.

- Верно. - Он слегка кивнул головой. - Хорошая возможность для молодых людей показать свои способности и умение прислушиваться к приказаниям старших. Многие из моих полководцев начинали загонщиками во время осенней охоты.

Я невольно улыбнулся, услышав о монгольском варианте воспитания будущих военачальников. Рядом с нами скакал слуга Угэдэя, к седлу которого была приторочена сума с вяленным мясом, фруктами и флягами с вином. Мы позавтракали, не слезая с коней. Угэдэй как раз допивал последние капли вина из серебряной фляжки, когда огромный кабан выскочил из кустарника в нескольких десятках шагов от нас и ринулся в нашу сторону. Занятый фляжкой Угэдэй не мог видеть приближавшегося вепря, но его лошадь сразу почуяла зверя.

Дико заржав, она взвилась на дыбы. Всякий, кроме разве что монгола, тут же оказался бы на земле. Угэдэй выронил поводья, которые он беспечно держал в левой руке. Фляжка, описав в воздухе широкую дугу, упала на землю. Но сам хан, ухватив лошадь за гриву, сумел удержаться в седле.

То, что произошло, я увидел краем глаза, хотя все мое внимание было сконцентрировано на вепре. Я видел его красные, налитые ненавистью глаза и даже клочья пены, падавшие с кинжалоподобных клыков. Бестия неслась прямо на Угэдэя, стремясь расправиться с ним в отместку за все пережитые страхи и унижение. Моя собственная лошадь, испуганная не меньше, чем конь хана, попыталась выбросить меня из седла, поэтому мне не удалось остановить кабана ударом копья.

Не колеблясь ни секунды, я соскочил на землю, отбросив бесполезное теперь копье, и выхватил из-за пояса дамаский кинжал. В прыжке, достойном футболиста-профессионала, я ударил животное сбоку, чуть позади правого уха. Мы оба покатались по земле. Сжимая горло бестии левой рукой, я продолжал наносить удар за ударом. За спиной я слышал стук копыт и храп испуганных лошадей, но у меня не было времени обращать внимание на подобные мелочи.

Наконец вепрь вытянулся и затих, придавив меня к земле всем весом своей колоссальной туши. Я с трудом встал на затрясшиеся от внезапно нахлынувшей слабости ноги. Около дюжины монгольских всадников окружили меня, держа пики наперевес, готовые добить

животное, если бы оно проявило признаки жизни. Еще несколько воинов с натянутыми луками ждали чуть поодаль. Среди них был и Угэдэй. Некоторое время все молчали. Я выплюнул грязь и траву, набившиеся мне в рот, и отряхнулся. Побаливало правое плечо, но все кости были, по-видимому, целы.

- Человек с запада, - услышал я голос Угэдэя, - так вот как твой народ охотится на кабанов у себя на родине?

Напряжение разом спало. Послышался смех. Я тоже рассмеялся, хотя и не понимал причины всеобщего веселья. Если бы я был лучшим наездником, вероятно, мне не пришлось бы прибегать к столь крутым мерам и рисковать без нужды собственной жизнью. Мальчик-монгол подвел моего коня, и я вспрыгнул в седло. Довольный Кассар оскалил зубы, что, по-видимому, должно было означать у него приветливую улыбку. Убитый им ранее волк лежал сейчас поперек седла. Я придержал своего жеребца, давая Кассару возможность занять привычное место, по правую руку от его царственного дяди.

- Нет, - остановил меня Угэдэй, - оставайся рядом со мной на тот случай, если нам встретятся другие кабаны.

Я поклонился в знак признательности и улыбнулся Кассару, который воспринял этот жест Великого хана с очевидным неудовольствием.

Подобно дружбе, скрепленной на поле брани, узы, связывавшие меня и Угэдэя, еще более окрепли в этот день. Мы оставались рядом до конца охоты, закончившейся, как и предполагалось, поголовным уничтожением всех оказавшихся внутри круга животных.

На следующий день мы вернулись в Каракорум. Позади нас на добрую милю растянулся обоз из повозок, на которых были навалены туши убитых животных - зайцев, белок, антилоп, кабанов и волков.

Угэдэй становился все более мрачным, по мере того как мы приближались к его столице. Не берусь судить, что было тому причиной, но от его недавнего беззаботного настроения не осталось и следа. Когда мы достигли окраин Каракорума, он выглядел усталым и подавленным. Я, со своей стороны, не мог не задуматься о неминуемой встрече с Ариманом, в результате чего к концу пути выглядел не менее озабоченным, чем сам Угэдэй.

- Мой повелитель, Великий хан, - обратился я к нему, когда мы достигли окраин Каракорума, - настало время поговорить об Аримане.

- Ты собираешься убить его?

- Да, если ничего другого мне не останется.

Угэдэй отрицательно покачал головой.

- Нет, я не допущу нового кровопролития, мой друг с запада. И прошу тебя не вынуждать меня прибегать к крайним мерам.

- Он так нужен вам, Великий хан?

Если Угэдэй и был удивлен моей осведомленностью, то, во всяком случае, не показал этого.

- Этот человек дает мне лекарство, помогающее уснуть, всего-навсего, - объяснил он, невесело

усмехаясь.

- А вы не подумали, Великий хан, что в его намерения может войти заставить вас уснуть навеки?

- Ты говоришь о яде? - Угэдэй повернулся в седле, не в силах на сей раз скрыть своего изумления.

Он не ответил на вопрос, только посмеялся над моими словами, словно счел их необычайно удачной шуткой.

Я сам был, пожалуй, не менее удивлен его реакцией и попытался вернуться к интересующей меня теме, но Угэдэй был не склонен продолжать разговор. Очевидно, хан уже принял решение и не собирался отступать от него.

Было уже за полночь, когда мы остановили наших лошадей перед шатром Великого хана. Многочисленные слуги кинулись освобождать от поклажи тяжело нагруженные повозки.

Появился Елю Чуцай с докладом о важнейших событиях, случившихся во время отсутствия Великого хана. Дела огромного государства не могли ждать.

Я окинул взглядом собравшуюся толпу в надежде увидеть лицо Аглы, но ее нигде не было видно.

«Вероятно, она решила подождать меня дома», - решил я.

Огромного кабана, убитого мной, преподнесли мне в качестве подарка Великого Хана, и сейчас несколько слуг торопливо свеживали его. Учитывая размеры животного, нам с Аглой должно было хватить его мяса на много недель.

Аримана я также нигде не увидел, но я и не рассчитывал найти его среди толпы праздных зевак. По моим расчетам, он скорее всего должен попытаться увидеть Угэдэя поздно ночью, когда простые смертные предпочитают отдыхать после трудного дня.

Наконец Великий хан разрешил своей свите удалиться. Я одним из первых покинул его и, добравшись до своего жилища, откинул кожаную занавеску, ожидая найти Аглу, встречавшую меня на пороге.

Я ошибся. Тщетно обыскав две наши маленькие комнаты, я понял: произошло то, чего я все время опасался. Агла исчезла.

20

Я не колебался ни секунды. События минувших суток отчетливо встали перед моими глазами, словно я сам был их свидетелем. Выскочив из дома, я бросился бежать по кривым улочкам Каракорума в направлении логова Аримана.

Начиналась гроза. Толпа, собравшаяся, чтобы приветствовать вернувшегося Великого хана, торопливо расходилась по домам, стремясь укрыться до начала дождя. Я бежал, не оглядываясь, не думая ни о чем, кроме того, что на сей раз я должен обязательно успеть вовремя. Я не мог допустить того, чтобы Агла разделила страшную судьбу Ареты. Моя правая рука судорожно сжимала рукоятку кинжала.

Даже в темноте я без труда нашел храм Аримана, словно невидимый проводник направлял меня. Сырой ночной воздух был насыщен электричеством. Дождь обрушился на город в тот самый момент, когда я переступил порог зловещего здания.

Он стоял перед каменным алтарем, спиной ко мне, воздев руки в безмолвной молитве. Не раздумывая, я бросился на него. Он мгновенно обернулся и отшвырнул меня в сторону с такой же легкостью, как человек отмахивается от досаждающего ему комара. Я отлетел к стене и упал. Ударившись спиной о каменный пол, я выронил кинжал из рук.

- Что тебе еще надо, болван? - прошипел Ариман, прожигая меня огненными глазами.

- Где она? Что вы сделали с ней?

Он перевел дыхание и бросил на меня насмешливый взгляд.

- Откуда мне знать? Должно быть, рыщет по степи, разыскивая своего милого. Кто-то, наверное, сказал ей, что ты не вернулся вместе с Угэдэем и его свитой.

- Ложь!

- Тем не менее она поверила. Сейчас она скорее всего разыскивает тебя, точно так же, как и ты ее.

- Я не верю вам.

Он презрительно пожал могучими плечами.

- Могу добавить, что она ищет тебя в одиночку. Бесстрашные монгольские воины, испугавшись грозы, разбежались по домам. Монголы суеверный народ, как тебе должно быть известно. Впрочем, их тоже можно понять. В чистом поле каждый из них представляет собой естественный громоотвод.

Мне самому доводилось слышать жуткие истории о вооруженных воинах, застигнутых грозой в степи, и я не стал оспаривать последнего утверждения Аримана.

- Я не причинял ей вреда, Орион, - повторил Ариман, - хотя бы потому, что в этом нет никакой необходимости.

Я медленно поднялся на ноги.

- Нет, конечно. Вы просто послали ее на верную смерть.

- Если ты так опасаясь за ее жизнь, почему бы тебе не оседлать своего коня и не отправиться на ее поиски? Она только обрадуется, увидев своего спасителя.

- Так вот чего вы добиваетесь? Удалить меня из города, чтобы отправиться к Угэдэю и без помех завершить свое грязное дело?

На этот раз он не ответил.

- Вы давно сознательно отравляете Великого хана, - обвинил я его. - Я мешаю вам, вот вам и пришла мысль подобным способом удалить меня из города.

Несколько секунд он никак не реагировал на мои слова. Затем он поднял голову и рассмеялся

жутким оскорбительным смехом.

- Подумать только, – фыркнул он, – оказывается, ты еще больший идиот, чем я предполагал. Убить Угэдэя! Надо же придумать такое! – Он снова рассмеялся мерзким, скрежещущим смехом. – Отправляйся на поиски своей бабы, – произнес он, указывая на дверь. – Можешь быть спокоен, лично я не сделал ей ничего дурного. Ну а если с ней что и произойдет в степи, это уже не моя забота.

У меня не было выбора. Я не мог сражаться с ним, он был слишком силен для меня. И хотя я не слишком доверял его словам, мысль об Агле, застигнутой бурей посреди дикой степи, заставляла меня последовать его совету и направиться в сторону ближайшего загона для лошадей на окраине столицы.

Когда я добрался до места, дождь лил как из ведра. Я приказал старому конюху поймать мне коня. К этому времени меня уже достаточно знали в Каракоруме, и старик без возражений отправился выполнять мое распоряжение. Впрочем, я и так не получил бы отказа. Воровство как таковое вообще было неизвестно среди монголов. Если кто-то не возвращал коня в срок, за ним посылались воины, которые без труда улаживали инцидент. Как ни удивительно, но при порядках, существовавших в Монгольской империи, спрятаться в бескрайней степи, да еще чужестранцу, не удалось бы ни при каких обстоятельствах, и рано или поздно похититель неизбежно предстал бы перед лицом правосудия.

- Но сейчас очень плохое время для поездки, – пытался отговорить меня старик, пока я седлал коня. – Такая буря способна убить самого сильного мужчину...

Я пропустил его слова мимо ушей и вскочил в седло. Дождь все усиливался, и на мне уже не оставалось ни одной сухой нитки. Раскаты грома сотрясали степь.

- Вы погубите лошадь, – прокричал старик мне вслед. Как истинный монгол, он приберег самый сильный, с его точки зрения, аргумент напоследок.

Но я не слушал. Пришпорив коня, я направил его прямо в ночь. Разумеется, это была чистейшая авантюра. Искать Аглу в бескрайней степи, ночью, да еще в такую погоду было еще более безнадежной затеей, чем пытаться отыскать иголку в стогу сена. Тем не менее я не собирался отступить. Я не мог допустить, чтобы Ариман вторично убил ее на моих глазах. О своей жизни я уже не думал.

Раскаты грома не слишком беспокоили моего коня, но когда зигзаг молнии прочертил небо и ударил в землю где-то впереди меня, он взвился на дыбы и едва не выбросил меня из седла. Дождь превратился в сплошную стену воды, и я не видел ничего дальше гривы моего коня. Продолжать поиски в этих условиях было чистым безумием, и все же я с упорством, достойным лучшего применения, углублялся в дикую степь.

Но мой мозг непрерывно работал. Снова и снова я анализировал имевшуюся в моем распоряжении информацию, взвешивая и сопоставляя известные мне факты. Несомненно одно, я направлен сюда, чтобы помешать Ариману добиться своей цели. Но как я мог осуществить свою миссию, если не знал самого главного – его истинных намерений? По-видимому, Ариман искренне удивился, когда я обвинил его в попытке убить Великого хана. Насколько я знал, он почти каждую ночь приносил Угэдэю некое снадобье. Но если это не медленно действующий яд, то что?

Скоро моя лошадь выбилась из сил и перешла с галопа на медленный шаг. Я знал, что даже самые сильные монгольские воины не отважились бы углубиться ночью в степь при таких

условиях. Знал, но не прекращал своих поисков.

Итак, чего же добивался Ариман? Если он намеревался убить меня, то он мог легко это сделать в своем храме, несколько часов назад. Никто бы и не узнал. Вместо того он направил меня в степь, прямо в эпицентр ужасной грозы. Неужели только для того, чтобы меня убил разряд молнии? Это казалось крайне маловероятным. Тогда, может быть, чтобы на время удалить меня из города? Да, пожалуй, в этом был определенный смысл. Изолировать меня от Угэдэя. Но чего ради, если Ариман не стремился убить Великого хана? Должна же быть какая-то причина!

Я закрыл глаза, не столько для того, чтобы защитить их от проливного дождя, сколько затем, чтобы активизировать свою память и лучше припомнить все прочитанное мной в двадцатом столетии о нашествии монголов. Мои уникальные способности оказались сейчас как нельзя кстати. Я свободно воскрешал в памяти целые книги, страница за страницей, словно держал их сейчас в своих руках. Но, при всем желании, я не мог восстановить в памяти того, чего никогда не знал. Как глубоко я изучал историю в своих предыдущих инкарнациях? Я твердо знал, что монголы так никогда и не покорили Европу. Субудай действительно разбил армии Белы и разорил Восточную Европу, но не пошел дальше на запад.

«Почему?»

Ответ на этот вопрос вспыхнул в моем мозгу так же внезапно, как молния, что в тот же момент рассекла небосклон перед моими глазами. Я вспомнил цитату из книги, которую читал когда-то в двадцатом столетии.

«Ничто, казалось, уже не могло спасти Европу от нашествия монголов. Армии государств Восточной Европы под командованием короля Венгрии Белы были уже разбиты, а войска Людовика Святого Французского [16] слишком малочисленны, чтобы остановить победное шествие монголов. Но Субудая так и не удалось воспользоваться плодами своих многочисленных побед. Неожиданное известие о смерти Великого хана заставило его повернуть свои армии и спешно возвратиться в степи Монголии».

«Смерть Угэдэя!»

В случае смерти Кагана все орхоны и полководцы должны немедленно собраться в Каракоруме для выборов нового Великого хана. Смерть Чингисхана приостановила монгольскую экспансию более чем на год. Смерть Угэдэя положила конец монгольским завоеваниям.

Ариман явился в Каракорум не для того, чтобы убить Угэдэя, напротив, он старался продлить ему жизнь и, таким образом, дать Субудая время полностью покорить Западную Европу. Вслед за Субудаем туда должны были направиться чиновники Елю Чуцая для наведения мира и порядка и утверждения законов Яссы, призванных раз и навсегда поработить население Европы. Их правление неминуемо привело бы к последующему застою в Европе, подобному тому, который поразил Китай, а затем и саму империю монголов. В итоге Европу объединили бы власть китайских мандаринов и сабли монгольских завоевателей. Многочисленные государства были бы навсегда стерты с карты Европы. Вместо них царил бы железная тирания восточных деспотов. Крупные города оказались бы разрушены или захирели сами по себе. Не было бы ни Возрождения, ни расцвета науки, ни высоких технологий. Западные демократии никогда бы не возникли. Америку открыли бы китайские мореплаватели, если вообще бы открыли.

Теперь я в точности представлял себе план Аримана. Дав возможность монголам завоевать

Западную Европу, он мог быть уверен в дальнейшем застое и неизбежном вырождении людей под железной пятой монгольской тирании. То, что Елю Чуцай называл победой величайшей цивилизации в истории Земли, являлось на самом деле тупиковым путем развития, ловушкой, попав в которую человечество погибло бы.

Если Ариману удастся осуществить свой план, пространственно-временной континуум будет нарушен, Ормузд свергнут со своего трона, а человечество уступит место порождениям Тьмы.

Спаси жизнь Угэдэю! Вот чего добивался Ариман. Следовательно, я должен помешать ему. Мое путешествие во времени осуществлялось не ради смерти Аримана.

«Я должен был убить Угэдэя».

Проклиная на чем свет стоит темень и непогоду, я развернул коня и поехал в сторону Каракорума.

Где-то позади меня в бескрайней степи осталась Агла.

Я спешил в Каракорум, чтобы убить человека, считавшего меня своим другом.

21

Я привязал свою лошадь под навесом у нашего домика. Дождь не прекращался ни на минуту. Площадь перед шатром Угэдэя была совершенно пуста. Огромные костры, день и ночь полыхавшие перед входом в жилище Великого хана, погасли. Да и сам шатер, казалось, вот-вот унесет неистовый ветер, который все продолжал усиливаться.

вернуться

16

Людовик IX Святой (1226–1270), король Франции

Все мои мысли и чувства остались в дикой степи, рядом с затерявшейся в ней Аглой. Она отправилась туда, чтобы спасти мою жизнь, а я предательски покинул ее там, среди бури, ради убийства другого, близкого мне человека. Но нечто большее, чем чувство, влекло меня в противоположном направлении. Подобно солдату, поднявшемуся в атаку, вопреки страху смерти, я продвигался в сторону шатра Угэдэя, борясь с порывами ураганного ветра. Вероятно, из меня получился бы неплохой убийца. Вместо того чтобы направиться прямо ко входу в шатер, я сделал большой полукруг и обошел его сбоку – этот маневр гарантировал мне в такую ночь почти стопроцентную безопасность. Проскользнув внутрь, я оказался посреди хорошо знакомого мне зала для аудиенций. Сейчас здесь было пусто и темно. Длинный серебряный стол стоял пустым. Убранными оказались и шелковые подушки, на которых отдыхала монгольская знать, входившая в свиту Великого хана.

Пробравшись вдоль стены зала, я оказался в непосредственной близости от входа в личные апартаменты Угэдэя. Перед занавеской, отделявшей их от зала приемов, стояли на страже два вооруженных телохранителя. Я забрался в пространство между свисавшими с потолка гобеленами и внешней стенкой шатра и затаился там, пытаюсь собраться с мыслями.

Вне зависимости от того, спал Угэдэй или нет, при нем неотлучно находятся шесть глухонемых

воинов его личной охраны.

Я мог добиться успеха только в одном случае: ворвавшись в спальню и убив Угэдэя прежде, чем его телохранители успеют сообразить, что происходит. Какая судьба ожидала в этом случае меня самого, не имело для меня особого значения. Я знал, на что иду, и не хранил иллюзий на сей счет.

Но мне не давала покоя судьба Аглы. Подсознательно я мечтал только об одном – отказаться от убийства, разыскать Аглу, бежать вместе с ней из Каракорума и найти для нас уединенное местечко, где бы мы могли жить в любви и покое до окончания наших дней.

Но о каком покое можно мечтать, когда на моей совести останется гибель человечества? Я невольно содрогнулся.

- Агла, – прошептал я так тихо, что сам едва мог разобрать свои слова. – Прости меня, моя любимая. Может быть, мы еще когда-нибудь, где-нибудь встретимся...

Достав кинжал, я аккуратно разрезал стенку шатра, проскользнул в апартаменты Угэдэя и спрятался за шелковой занавеской. Никто не заметил моего появления. Шатер был слабо освещен. Сквозь шелковую ткань я мог различить только тени находившихся внутри шатра мужчин, но ничто не могло помешать мне слышать их голоса. Первый из них принадлежал Ариману. Я прирос к полу, опасаясь малейшим движением выдать свое присутствие.

- Вы скоро уснете, мой повелитель, Великий хан, – произнес Князь Тьмы густым, низким голосом.

- Боль особенно сильна сегодня ночью, – услышал я слабый голос Угэдэя.

- Это все сырость, мой повелитель, – объяснил Ариман, – в дождливую погоду боль всегда становится сильнее.

- Поэтому ты и сделал питье более сильным?

- Это было необходимо, Великий хан, чтобы заставить боль отступить.

- Но она все усиливается, перс. Каждую ночь она становится сильнее. Я продолжаю ощущать ее, несмотря на твоё лекарство.

- Она не оставляла вас и во время охоты?

- Куда там. Без твоего зелья я вообще бы не смог сесть в седло. Но если бы не Орион, я был бы уже мертв этой ночью.

Я услышал, как Ариман издал долгий свистящий звук, похожий на шипение змеи.

- Ты по-прежнему настаиваешь, что он послан сюда, чтобы убить меня?

- Он ассасин, Великий хан. Это его работа.

- Я не верю тебе, перс.

Голос Аримана, казалось, разросся и заполнил все помещение.

- В следующий раз, когда вы увидите его, он попытается убить вас. Помните, я предупреждал

вас.

- Довольно, - приказал Угэдэй. - Если бы он жаждал моей смерти, ему надо было только позволить вепрю довести дело до конца. Он спас мою жизнь, колдун.

- И тем самым завоевал ваше доверие.

Угэдэй не ответил.

Пару минут я не слышал ничего, кроме завывания ветра и скрипа крепезных канатов.

- Мой повелитель, Великий хан, - продолжал Ариман, - всего через месяц Субудай-багатур во главе своей армии пройдет земли немецких князей, пересечет могучую реку Рейн и вступит в страну франков. Франки могучие и отважные воины. Они заставили отступить сарацинов много лет тому назад. Они сегодня сражаются у стен Иерусалима против турок. Но Субудай сокрушит их мощь и разрушит до основания их города. Он достигнет побережья Последнего моря и водрузит ваш штандарт на его берегах. Тогда ваша империя займет все пространство между двумя Великими океанами. Европа и Азия будут принадлежать вам.

- Ты обещал мне это и раньше, колдун, - произнес Угэдэй слабым, полусонным голосом.

- Верно, - согласился Ариман. - Но ничего этого не произойдет, если мой повелитель умрет и все орхоны и военачальники вынуждены будут съехаться в Каракорум на выборы нового Великого хана. Орион знает это. Вот почему он должен нанести свой удар в ближайшие несколько дней, если собирается спасти Европу от армии Субудая.

- Я слышу тебя, колдун, - сказал Угэдэй, с трудом выговаривая слова, - но я не верю тебе.

- Я еще никогда не ошибался в своих пророчествах, Великий хан.

- Оставь меня, колдун. Позволь мне уснуть в мире.

- Но я...

- Я сказал, уходи, - приказал Угэдэй неожиданно окрепшим голосом.

До меня донеслись тяжелые шаги Аримана, он пересек шатер, прежде чем исчезнуть в ночи. Несколько минут я продолжал стоять в своем укрытии. Лампы, освещавшие помещение, за исключением одной, постепенно угасли. Ждать дальше было бессмысленно. Я вышел из своего укрытия.

Угэдэй лежал на своей постели, одетый в грубую домотканую ночную рубашку, обратив к потолку покрытое потом, изможденное лицо. Он еще не спал и увидел меня, едва я выбрался из своего убежища. Телохранители отреагировали мгновенно. Шесть клинков одновременно сверкнули в воздухе. Слабым движением руки Угэдэй остановил их. Они замерли на месте, продолжая сжимать рукоятки обнаженных кинжалов.

- Они видят кинжал у тебя в руке, Орион, и опасаются, что ты пришел убить меня.

Только сейчас я понял, что продолжаю держать в руке оружие. Я разжал пальцы и позволил клинку упасть на ковер. Угэдэй сделал новый знак своим телохранителям, и они, вложив сабли в ножны, один за другим покинули спальню Великого хана.

Мы остались одни.

Похоже, у Угэдэя уже просто не осталось сил. Он с трудом сфокусировал свой взор на моем лице, и я увидел агонию в его глазах.

- Ты пришел исполнить пророчество Аримана и убить меня? - спросил Угэдэй.

- Если это единственный выход.

По его губам пробежала слабая улыбка.

- Монгольский воин не может сам лишиться себя жизни. Но внутри моего тела живет дьявол, Орион. Я горю, как в огне. Он медленно убивает меня, дюйм за дюймом.

«Рак!»

Так вот почему Ариман снабжал Великого хана болеутоляющими препаратами! Но даже искусство Владыки Тьмы не могло помочь Угэдэю на последней стадии его болезни.

- Мой повелитель, Великий хан...

- Орион, друг мой. Мне уже не суждено погибнуть в сражении. Я слишком болен и стар для этого. Я едва пережил последнюю охоту. Но ты можешь помочь мне. Убей меня. Дай мне возможность умереть достойной смертью, вместо того чтобы влечить жалкое существование.

Я с трудом перевел дыхание.

- Как я могу убить человека, назвавшего меня своим другом?

- Смерть всегда побеждает, рано или поздно. Она не пощадила даже моего великого отца. Доберется она и до меня. Весь вопрос в том, когда... и сколько боли мне еще предстоит испытать. Я не трус, Орион, - он на секунду закрыл глаза, и все его тело содрогнулось от нестерпимой боли, - но, поверь мне, то, что я уже испытал, более чем достаточно для одного человека.

Я стоял рядом с постелью хана, не в силах пошевелить даже рукой.

- Ты верный друг, - произнес Угэдэй, - ты колеблешься потому, что знаешь, если ты убьешь меня, пророчество Аримана никогда не сбудется и монголы так и не будут править миром.

Как я мог сказать ему, что именно стремясь предотвратить возникновение мировой империи монголов, я и пришел убить его?

- Твои пророчества нравятся мне куда больше, Орион. Пусть монголы живут в мире и согласии. Предоставим другим народам сражаться между собой за право править миром. До тех пор, пока мы сами будем наслаждаться миром... и покоем...

Его глаза снова закрылись, а тело изогнулось от приступа боли, как у человека, поджариваемого на медленном огне. Когда он открыл глаза, я увидел в них слезы.

- Я плачу, как женщина, - произнес он, улыбаясь с неопишуемой горечью, - даже лекарство Аримана не может помочь мне сегодня.

Моя рука невольно скользнула к пустым ножнам, висевшим у меня на поясе.

- Не годится моим подданным видеть своего властелина столь слабым, - продолжал он, когда

боль несколько отступила. – Великий хан не может показаться на людях со слезами на глазах.

Вспомнив, что Ясса запрещает пролитие крови среди монголов, я повернулся и взял подушку, лежавшую на полу, рядом с ложем Великого хана.

Заметив мое движение, Угэдэй улыбнулся.

– Прощай, мой друг с далекого запада. Прощай.

Я положил подушку на его лицо. Когда я поднял ее, в моих собственных глазах стояли слезы.

Я медленно вышел из шатра, миновав телохранителей, все еще оставшихся на своем посту. Буря утихла, и небо очистилось от облаков. Ночь закончилась, а с нею ушла и буря. Я добрался до своей хижины, отвязал лошадь и вскочил в седло.

Где-то в степи находилась моя Агла. У меня еще оставался шанс добраться до нее прежде, чем монголы узнают о моем преступлении.

В течение двух дней я колесил по степи, теряясь в догадках – пережила ли Агла грозу, начали ли уже монголы охоту на меня и какие новые козни замыслил против меня Ариман.

Утром третьего дня я увидел лошадь без всадника, мирно щипавшую траву. Я направил коня вдоль цепочки следов, отчетливо отпечатавшихся на еще влажной почве. Наконец я увидел маленькую фигурку, распростертую на земле. Пришпорив коня, я во весь опор поскакал к ней.

Но прежде чем я успел добраться до нее, весь мир закружился прямо перед моими глазами. Я почувствовал, что проваливаюсь в пустоту.

– Агла, – только и успел прошептать я, прежде чем все ощущения оставили меня.

Не берусь судить, сколько времени я пребывал в таком состоянии, да и существовало ли само понятие времени там, где оказалась моя бесплотная сущность. Но странное дело, мой мозг продолжал работать. Сначала я решил, что это очередные происки Аримана, решившего отомстить мне. Но затем я увидел далеко впереди свет одинокой звезды и понял, что ошибался. Звезда медленно увеличивалась в размерах, пока не обратилась в золотой шар, в свою очередь преобразовавшийся в знакомую фигуру Золотого бога.

Ормузд!

«Ты хорошо поработал, Орион».

Я не мог слышать его слов в пустоте, но они ясно прозвучали в моем сознании.

Значит, это Ормузд, а не Ариман унес меня от Аглы после того, как я исполнил свое предназначение? Так вот какова его награда, предназначавшаяся мне за успешное выполнение моей миссии!

«Но твоя работа далеко не закончена, – продолжал Ормузд. – Ариман все еще угрожает существованию континуума. Ты только приостановил осуществление его дьявольских замыслов, но не заставил его отказаться от них».

Золотой бог исчез. Я продолжал свое падение в бесконечности, преисполненный гнева, но не против своего врага Аримана, а против Ормузда, моего создателя.

Интерлюдия

Безжизненное тело Ориона медленно дрейфовало в вакууме пространства. Золотой бог, появившийся словно ниоткуда в уже привычном для него человеческом образе, стал придирчиво изучать творение своих рук. Закончив осмотр, он удовлетворенно улыбнулся.

- Ему не пришлось умирать на этот раз? - услышал он обеспокоенный голос.

Золотой бог счел излишним даже поднять свою златокудрую голову.

- Нет, но он до сих пор не желает откликнуться на мой призыв.

- Он начинает ненавидеть тебя.

- Или понимать, что его собственные ничтожные желания ничто по сравнению с моей волей, - возразил он. - В данный момент он более всего ненавидит богоподобное создание, известное ему под именем Ормузда. Но это всего лишь малая часть меня, как тебе известно.

Серебряная небожительница, называвшая себя Аней, в свою очередь приняла человеческий облик и появилась рядом с Ормуздом. Ее платиново-серые глаза с нежностью обратились к лицу Ориона.

- Ему очень хотелось остаться там, где он был счастлив.

- Рядом с тобой?

- Что ж, мы были счастливы вместе.

Золотой бог сделал неопределенный жест, который мог быть истолкован как угодно: от выражения полной покорности судьбе до демонстрации откровенной досады.

- Я посылаю его в путешествие не для того, чтобы обрести счастье, - произнес он холодно. - У него было задание, которое ему надлежало исполнить.

- Ты послал его убить Владыку Тьмы, но не позаботился одарить его силой, достаточной для выполнения вашего поручения.

- В надлежащее время она у него будет. Таково мое намерение.

- Но почему бы тебе не позаботиться об этом уже сейчас, - настаивала Аня.

- Но тут есть и твоя вина, - усмехнулся Ормузд. - Тебе не следовало ослаблять его.

- Мне?

- Ты дала ему возможность понять, насколько он одинок. Ты заставила его искать дружбы, более того, любви.

Аня высокомерно вздернула подбородок:

- А тебе не приходило в голову, что пока ты играл в свои игры с пространством и временем, изменился не только он, но и я?

- Вздор, ты не могла...

- Но я действительно люблю его, - прошептала она. - Там, на Земле, он был просто великолепен. Иногда он напоминал мне тебя, но он никогда не имел твоих недостатков.
 - В самом деле? - высокомерно улыбнулся Ормузд.
 - Да, он ни в чем не уступает нам, - убежденно повторила она. - Кроме того... - Она запнулась.
 - Что же еще?
 - Кое в чем он даже превосходит нас. У него есть качество, которого нет ни у тебя, ни у меня.
 - Что ты имеешь в виду?
 - Способность к самопожертвованию. - Голос Ани внезапно стал еле слышным. - Неужели так трудно понять, что миссия, которую ты возложил на него, ему не по силам. Но он возложил ее на себя, не имея ни малейших шансов на успех.
 - И преуспел, - жестко остановил ее Ормузд. - Он сумел сохранить континуум в неприкосновенности.
 - Но какой ценой!
 - Это не имеет значения, моя дорогая. Важен только результат.
 - Но ты был готов пожертвовать им и всем человечеством ради собственного спасения.
 - И твоего в том числе.
 - Добавьте сюда и Князя Тьмы. Он тоже необходим вам.
 - Нет. Рано или поздно он будет сокрушен.
 - Но ты не можешь уничтожить его, не погубив нас.
 - Заблуждение. Ничто не может продолжаться вечно. Орион все сделает для меня.
- Аня бросила недоверчивый взгляд на неподвижное тело Ориона.
- Ты должен понимать, что он не в состоянии справиться с Ариманом. Орион всего лишь творение твоих рук. Ему не сравниться с могущественным Владыкой Тьмы.
 - И тем не менее он победит.
 - Это невозможно!
 - Говорю тебе, так оно и будет. Орион уже дважды сумел нарушить планы Князя Тьмы. Я буду посылать его на борьбу с Ариманом столько раз, сколько потребуется, пока не добьюсь своей цели.
 - Неужели в своей гордыне ты не в состоянии хоть раз реально оценить ситуацию? - не выдержала она. - Неужели ты настолько самоуверен, что на самом деле веришь в то, что победишь?
 - Я все время выигрываю, - надменно возразил Золотой бог. - Континуум до сих пор сохранен,

вопреки всем усилиям Князя Тьмы.

Аня подняла руку, и внезапно пустота вокруг них приобрела зримые черты космического пространства.

- Взгляни, - потребовала она, указывая рукой на стремительно расширяющуюся вселенную. - Суди сам, что происходит с твоим континуумом. И ты все еще продолжаешь утверждать, что способен победить в этой борьбе? Выиграть в ситуации, в которой победителя просто быть не может?

Золотой бог щелкнул пальцами, и картина вселенной мгновенно исчезла. Они снова находились в абсолютной пустоте.

- Пусть тебя не пугают подобные эффекты, моя милая, - усмехнулся Ормузд. - Главное сражение происходит на Земле. Именно там решается судьба мироздания.

- Ты на самом деле веришь в то, что сейчас говоришь? - не унималась Аня.

- Моя вера и есть истина, - высокомерно изрек Ормузд. - Моя вера суть сам континуум.

- И сколько еще времени ты сможешь контролировать ситуацию? - спросила Аня иронически. - Неужели ты не понимаешь, что еще немного - и тебе придется признать свое поражение, независимо от того, хочешь ты этого или нет. Только слепой может не заметить, что силы Тьмы возрастают день ото дня.

- Все переменится, когда Князь Тьмы будет уничтожен.

- Из этого следует, что ты снова намерен послать его туда, - прошептала Аня, бросив взгляд на своего возлюбленного.

- Таково мое намерение, - холодно произнес Ормузд.

- В таком случае я пойду вместе с ним.

- Это неразумно, - заметил Золотой бог, пожимая плечами.

- Я люблю его! - возразила она.

- Но ты не можешь постоянно оставаться рядом с ним. Ведь он всего лишь игрушка. Прошу тебя, Аня, будь благоразумна.

- Я уже говорила, что он напоминает мне тебя, - горячо возразила она. - Пусть ему недостает твоего могущества и уверенности в себе. Он с лихвой компенсирует эти недостатки терпимостью и отвагой. И самое главное - он тоже любит меня.

Не в силах скрыть раздражения, Ормузд круто повернулся спиной к своей собеседнице и мгновенно исчез.

Бросив последний взгляд на Ориона, Аня неохотно последовала примеру Золотого бога...

Даже у бессмертных бывают свои слабости.

Возможно, поэтому они так охотно спускаются на Землю.

Когда я открыл глаза, надо мной сияло голубое небо, покрытое легкими кучевыми облаками. Воспоминания о Каракоруме, Угэдэе и монголах казались такими же далекими и нереальными, как голубой свод у меня над головой. Только Агла как живая по-прежнему стояла у меня перед глазами. Ее нежный, мелодичный голос все еще звучал у меня в ушах, и аромат нежной, бархатной кожи кружил голову.

„Ормузд! – раздраженно подумал я. – Известно ли тебе, что такое страдание? Осознаешь ли ты, насколько жесток в своей целенаправленности?“

Тем не менее я ни на секунду не сомневался, что мне снова суждено встретиться с Аглой – Аретой, каким бы ни было ее настоящее имя. Мы оказались связаны с ней неразрывными узами, над которыми бессильно само время, не говоря уже об Ормузде или Аримане. Рано или поздно мы снова отыщем друг друга.

Приняв сидячее положение, я огляделся вокруг. Я находился на лужайке, покрытой сочной, шелковистой травой. Чуть в отдалении поблескивали серебром воды небольшой реки, в которых купались ветви стоявших на берегу деревьев. Воздух наполнял аромат цветов. Рай, да и только. Такой, каким он был до той поры, как Господу пришло в голову сотворить первого человека. Из высокой травы выскочил кролик и уставился на меня любопытными глазками. Он ничуть не боялся меня. Просидев так несколько секунд, он не спеша повернулся и исчез в зарослях кустарника.

Опустив глаза, я критически осмотрел свой костюм. Моя одежда на этот раз состояла из короткого килта и жилета. К плетеному поясу был прикреплен небольшой каменный нож. Закрыв на мгновение глаза, я попытался сообразить, где я мог оказаться на этот раз. Если принять во внимание слова Аримана, я продолжал двигаться против потока времени. Приоткрыв глаза, я еще раз более внимательно осмотрел нож, который продолжал держать в руке. Сомнений у меня не осталось. Он был сделан из обсидиана. Итак, я оказался в каменном веке. Ормузд не стеснялся. На сей раз речь шла не о каких-то жалких столетиях. Меня отбросили в прошлое на десять тысяч лет, если не больше.

Из ада термоядерного реактора к варварскому великолепию монгольской столицы и, наконец, сюда. Ормузд поступал последовательно. Чистая, покрытая сочной травой лужайка, погожее солнечное утро. Так вот каким был наш мир на заре своего существования. Эдем, где люди встречались настолько редко, что дикие животные еще не научились бояться их. Девственная, нетронутая Земля. Золотой век! Вавилон и пирамиды Египта будут воздвигнуты много столетий спустя, не говоря уже о чудесах Эллады и Древнего Рима.

Судя по всему, я попал сюда в самый разгар весны. В воздухе стоял непрекращавшийся гул многочисленных насекомых. Пели птицы. Очевидно, я оказался где-то в умеренных широтах, далеко за пределами холодного дыхания отступавшего ледника. Это был прелестный уголок Земли, безмятежный и на первый взгляд совершенно необитаемый. Впрочем, на сей счет я не тешил себя иллюзиями. Раз уж Ормузд послал меня сюда, люди здесь наверняка жили. А следовательно, где-то неподалеку находился и Ариман. Вероятно, именно этой мирной земле предстояло в ближайшее будущее стать ареной новых кровавых событий, новым ключевым звеном в бурной истории человечества. Князь Тьмы все еще не отказался от своих замыслов.

Мне предстояло в очередной раз воспрепятствовать осуществлению его зловещных планов, а если представится такая возможность, то и убить его.

„Как обычно, любой ценой!“

Я начинал уже уставать от бесконечной игры. Что означала смерть для Аримана или для меня? Дополнительные страдания, новые утраты? Но даже эти понятия оставались для нас не более чем условными, превращаясь в своего рода правила игры. Мгновение смерти и начало нового цикла, вечная погоня охотника за своей жертвой.

Выбор у меня был невелик. Убить или быть убитым. Возможно ли положить этому конец? Неужели во всем мироздании нет уголка, где бы я мог жить в мире и спокойствии, как любой другой нормальный человек?

„Но ты – Орион, – твердил голос в моем подсознании. – Орион Охотник! Твое предназначение – вечно преследовать Аримана“. О каком покое может идти речь, если на карту поставлено само существование человечества? Сохранение пространственно-временного континуума!

Возможно, сознание моего высокого предназначения и должно было льстить мне, но, увы, подобная мысль даже не приходила в мою голову. Вместе с тем я отдавал себе полный отчет в том, что у меня нет выбора, я должен слепо повиноваться воле Ормузда. Просить что-нибудь для себя, не важно – любви или покоя, абсолютно бессмысленно. В этом отношении бог Света ничуть не лучше Владыки Тьмы. Мне оставалось только выполнить его новое поручение, как бы я к нему ни относился. Но ощущение своего полного бесправия в извечном соперничестве двух противоборствующих сил вовсе не делало мою роль привлекательной. Я ничем не был обязан Ормузду. Если я и выполнял его задания, то только из чувства долга перед людьми. У меня не оставалось больше любви или даже уважения к богу Света.

Я спустился к реке, стараясь не поранить об острые камни босые ноги. На этот раз на мне не было даже сандалий. Мое и без того безрадостное настроение еще более ухудшилось, когда я припомнил, какой ценой мне удалось выполнить последнее поручение Ормузда.

„Боги всегда предпочитают оставлять грязную работу своим творениям!“

Склонившись к воде, я с удовольствием утолил жажду чистой, прозрачной влагой, после чего более внимательно обозрел лежавшую передо мной местность. Правильная цепочка крупных камней пересекала русло реки. Кажется, это были первые следы пребывания человека, которые мне удалось обнаружить. Я переправился через реку и начал медленно подниматься по склону невысокого холма. Поднявшись на его вершину, я в очередной раз осмотрелся. К югу от меня на значительном удалении сверкали вершины двуглавой горы. Над одной из них клубился слабый дымок.

Вулкан?

Сколько я ни копался в своей памяти, я не мог вспомнить ничего определенного, хотя и был уверен, что не раз видел изображение этих величественных гор. Махнув рукой на красоты природы, я вернулся к реке. Присев на берегу, я собрался немного отдохнуть, но смутное ощущение близкой опасности заставило меня поднять глаза.

Около тридцати человек, растянувшись в линию, пытались взять меня в полукольцо. Если бы не отсутствие лошадей, я принял бы их за монголов, настолько схожую тактику они применяли. Когда незнакомцы подошли поближе, я сумел получше рассмотреть их. Все они были светлокожими, рыжеволосыми людьми, одетыми почти так же, как и я. Их сопровождало несколько грязных, тощих собак, один вид которых вызывал сочувствие. Обнажив свои клыки,

они уставились на меня, сверкая злыми глазами, не пытаясь, впрочем, подойти поближе. Несколько мгновений туземцы молча пялились на меня, разглядывая с выражением недоумения, смешанного со страхом.

Рыжебородый предводитель держал в руках длинный шест, на который была насажена голова дикой козы. За спинами взрослых маячили фигуры женщин и детей. Жалкий вид дикарей вызывал бы лишь сострадание, если бы все они не были вооружены длинными деревянными пиками с заостренными наконечниками. Даже в руках детей мелькали каменные ножи или дубинки. Да и стая сопровождавших их собак не внушала особенного доверия.

Каменный век. Палеолит или скорее неолит. Впрочем, это не имело никакого значения. Сейчас многое зависело исключительно от того, удастся ли мне наладить контакт с примитивными детьми природы.

Молодая девушка вышла из задних рядов и остановилась рядом с рыжебородым вождем. Она была рыжеволосой, как и все ее соплеменники, и выглядела настоящей дикаркой. Но даже на таком расстоянии я безошибочно узнал в ней Арету – Аглу. Ее губы зашевелились, но я не смог разобрать ее слов.

Прикрикнув на собак, вождь отдал распоряжение двум молодым воинам. По его сигналу они начали осторожно приближаться ко мне, держа наготове свои длинные пики. Остальные туземцы сгрудились вокруг своего вождя, готовые в зависимости от развития событий наброситься на меня или обратиться в бегство.

Безбородым рыжеволосым подросткам, которые двигались в моем направлении, было лет по четырнадцать. Чувствовалось, что они до смерти боялись меня, и только страх перед неизбежным наказанием заставлял их исполнять волю своего предводителя.

Когда они подошли на достаточно близкое расстояние, я вытянул руки ладонями вперед, давая им понять, что не питаю враждебных намерений. Даже если они и не поняли моего жеста, то по крайней мере не могли не заметить, что в руках у меня нет оружия. Подростки остановились ярдах в десяти от меня, продолжая держать пики на изготовку.

- Кто ты такой? – спросил один из них ломающимся юношеским голосом.

Меня несколько не удивило, что я понимал их язык. Я уже успел привыкнуть к методам своего создателя.

- Я путешественник, пришедший издалека, – сообщил я.

- Что ты делаешь на нашей земле? – спросил второй, угрожающе подымая пику. Его голос оказался чуть погуще, чем у первого, но тем не менее не позволял усомниться в том, что говорит юноша.

Мне не составило бы большого труда разделаться с обоими дерзкими юнцами. Но противостоять одновременно целой орде оказалось бы сложно даже для меня.

- Я пришел издалека, – повторил я, повышая голос, чтобы меня могли услышать и остальные. – Я никого не знаю в вашей стране и прошу помощи и защиты.

- Ты пришел один? – подозрительно переспросил один из юнцов. – Совсем один?

- Да.

- Ты лжешь, - воскликнул он. - Никто не может путешествовать в одиночку. Духи или дикие животные убили бы тебя. Человек не отправляется в дорогу без поддержки своего племени.

- Я говорю правду, - настаивал я. - Я прошел большое расстояние, прежде чем оказался в вашей стране.

- К какому племени ты принадлежишь? - задал вопрос второй.

Похоже, и здесь шла война. Очевидно, весы истории снова заколебались, и мне предстояло стать песчинкой, способной перетянуть их в нужную сторону. Одновременно мне стало очень грустно. Даже в первозданном раю люди не находили ничего лучшего, чем убивать друг друга. Я посмотрел на нагую девушку, стоящую рядом с вождем. Наши взгляды встретились. Как хорошо я знал эти бездонные серые глаза! Но и в них я не увидел понимания. Она была женщиной каменного века, такой же дикой и свирепой, как и ее соплеменники.

- Я один, - устало повторил я. - У меня нет своего племени. Вот почему я хотел бы присоединиться к вашему племени.

Они вопросительно оглянулись на своего вождя, но тот, по-видимому, и сам пребывал в нерешительности.

- Ты не можешь принадлежать к племени Козы, - неуверенно заметил обладатель более низкого голоса. - Кто твои мать и отец?

Не надо было знать психологию, чтобы разгадать ход их несложных мыслей. Либо ты - их соплеменник, либо чужак, а следовательно, враг. Возможно, иногда человек каменного века и мог взять себе жену из чужого племени, но судя по моим новым знакомым, они предпочитали своих невест. Очевидно, они еще не достигли того уровня, когда женщины стали товаром, предметом обмена и залогом мира.

- Вы правы, я не принадлежу к вашему племени, - согласился я. - Но человек не может жить один. Вот почему я хочу присоединиться к вам.

Юнцы снова оглянулись на своего вождя. Он все еще пребывал в нерешительности, задумчиво теребя свою рыжую бороду. Проблемы подобного рода, очевидно, в каменном веке приходилось решать не часто.

- Я буду полезен вам, - продолжал убеждать я. - Я хороший охотник. Мое имя Орион.

Очевидно, что-то в моих словах поразило их. Они уставились на меня, широко открыв рты. Не только юнцы, говорившие со мной, но и их вождь, и вся его шайка. Даже собаки и те встали в стойку.

- Да, - повторил я. - Орион означает „охотник“. А каковы ваши имена. Что означают они?

Что тут началось! Двое парнишек с копьями наперевес издали воинственный клич, не рискуя, однако, отважиться на атаку. Все остальные люди племени, не дожидаясь знака своего вождя, ринулись вниз по склону, угрожающе размахивая своими копьями. Дальнейшее промедление могло стоить мне жизни. Забыв о гордости, я развернулся и побежал в противоположном направлении. У меня не было ни малейшего желания сражаться. Тем более я не находил повода кого-то убивать. Они попытались остановить меня своими копьями, но делали это на редкость неумело. Воины из них были никудышные. При желании я мог бы без особых проблем свернуть шею парочке-другой наиболее настойчивых преследователей, но мне не хотелось без

крайней нужды осложнять свою жизнь бессмысленным кровопролитием. Поэтому я бежал. Они попытались продолжить свое преследование. Но у них не было ни малейшего шанса догнать меня. В жизни я не встречал более неуклюжих людей. Я легко опередил их и, добежав до реки, бросился в воду.

Переправившись на противоположный берег, я отряхнулся и бросил взгляд на своих преследователей. Они стояли у кромки воды, размахивая копьями и выкрикивая проклятия, но не решаясь войти в воду. После короткого совещания они круто развернулись и двинулись вверх по склону холма, а я растянулся на траве, подставив свое тело горячим лучам утреннего солнца.

23

К исходу дня я, кажется, нашел причину столь странного поведения туземцев.

Мое имя!

Надо полагать, люди каменного века придавали именам особое значение. Да и что говорить о них, если даже монголы, стоявшие на куда более высокой стадии развития, не решались произносить вслух имени Чингисхана. Для дикаря сообщить свое имя первому встречному было столь же нелепо, сколь для современного гаитянина добровольно вручить обрезки своих ногтей или прядь волос жрецу вуду. Я по незнанию нарушил это простое правило, чем, вероятно, до смерти перепугал их.

Когда солнце опустилось за горизонт, окрасив небеса в багряные и пурпурные тона, я вскарабкался на высокое дерево и с грехом пополам устроился на развилке двух толстых веток. Отдаленное рычание льва делало такую меру предосторожности далеко не лишней.

Я уснул с мыслями об Агле. Но не она, а Ормузд явился ко мне во сне. Собственно, это даже трудно было назвать сном, настолько отчетливым и реальным было мое видение. Бог Света выглядел недовольным и обеспокоенным.

- Ты должен найти это племя, Орион, - объявил он, переходя сразу к делу.
- Я уже нашел его, - отозвался я, - но, очевидно, мое поведение испугало дикарей.
- Тебе придется завоевать их доверие. Это необходимо.
- Чего ради? Что у меня общего с ордой грязных туземцев?

Ормузд старался сохранить невозмутимость, но было очевидно, что мои вопросы раздражали его.

- Владыка Тьмы собирается уничтожить этих... грязных туземцев, как ты изволил выразиться, Орион. Твоя обязанность помешать ему.

Я собирался резко отказаться, заявить, что не пошевелю и пальцем, пока он не вернет мне женщину, которую я люблю, но вместо этого только неуверенно прошептал:

- Какая нужда Ариману истреблять маленькое племя, живущее в каменном веке. Каким образом судьба горстки жалких дикарей может повлиять на историю человечества?
- Какая тебе разница? - возразил Ормузд, бросая на меня недовольный взгляд. - Твое

предназначение убить Аримана. Ты уже дважды потерпел неудачу, хотя и сумел расстроить его планы. Сейчас он собирается погубить этих людей, следовательно, твоя прямая обязанность помешать Ариману и сокрушить его. Неужели не ясно?

- Но почему вы выбрали меня? - настаивал я. - По какому праву вы втянули меня в эту игру? Вам прекрасно известно, что мне не хватит сил убить Аримана. Почему бы вам самому не заняться охотой на своего врага? Почему я должен умереть, когда даже не понимаю...

- Тебе не обязательно что-либо понимать. - Голос Ормузда прогремел словно раскат грома. - Ты избран для спасения человечества. Не задавай бессмысленных вопросов и делай, что тебе говорят.

- Я имею право знать, кто я такой и почему был создан для осуществления этой цели, - настаивал я, прикрывая глаза рукой, чтобы защититься от невыносимого сияния, испускаемого лицом разгневанного бога.

Глаза Ормузда сверкнули ярче, чем лучи лазеров, которым было суждено убить меня в далеком будущем.

- Ты осмеливаешься сомневаться в моих словах?

- Я доверяю вам. Но понимание - это совсем другое дело. Я имею право на жизнь. И если я должен умереть...

- Ты умрешь и возродишься столько раз, сколько потребуется.

- Нет!

- Да! Ты должен умереть, чтобы возродиться вновь. Для смертных нет иного пути, чтобы путешествовать во времени.

- Но эта женщина, Агла... Арета. Что произойдет с ней?

Несколько мгновений Ормузд молчал.

- Владыка Тьмы угрожает и ей, - произнес он более мягким голосом. - Собирается уничтожить ее, меня, континуум. Если ты хочешь спасти ее, тебе не остается ничего другого, как убить Аримана.

- Это правда, что вы и вам подобные, - спросил я нерешительно, - некогда уничтожили весь народ Аримана, кроме его самого?

- Он так сказал?

- Да.

- Тогда он еще и Князь Лжи.

Разумеется, заявление Ормузда могло быть пустой отговоркой. Но я понимал, что другого ответа не получу.

- Когда произошла та Война? - задал я новый вопрос. - Кто воевал и с кем? Чем она закончилась?

- А это тебе предстоит выяснить самому, - заметил Ормузд. Его изображение померкло, словно растворилось в ночном воздухе. - Выяснить и рассказать мне, - добавил он неожиданно.

- Подождите, - вскричал я. - Вы хотите сказать, что сами не знаете, что случилось? Не знаете, чем закончилась Война? Что произошло между вами и народом Аримана?

- Почему ты так уверен, что мы принадлежим к разным народам, Орион? Тебе никогда не приходило в голову, что я могу быть твоим отцом?

Ормузд исчез. Я обнаружил, что сижу на своем насесте, напряженно всматриваясь в черное ночное небо. Тысячи звезд изливали на меня свой свет из глубин космоса.

Я попытался отыскать среди них созвездие, имя которого носил, но его не было видно. Так я и просидел до самого утра, тщетно пытаюсь разгадать тайный смысл, скрытый в последних словах Золотого бога.

24

День за днем я следовал по пятам за племенем Козы, не оставляя надежды рано или поздно завоевать доверие дикарей. На мою беду, эти невежественные люди питали патологическую неприязнь ко всем незнакомцам, что существенно затрудняло выполнение моей задачи. Но приказ Ормузда не оставлял мне выбора. Мне предстояло расстроить планы Аримана, какими бы они ни были. Племя представляло собой естественную приманку для Владыки Тьмы, на которую я и собирался поймать его.

Была еще и сероглазая красавица, остававшаяся по-прежнему желанной для меня, несмотря на грязь, покрывавшую ее тело, и мрак невежества, окутывавший ее душу. Пусть она и не узнавала меня, но я не сомневался, что именно ее я знал в далеком будущем как Арету и Аглу. Почему, воссоздавая ее рядом со мной, Ормузд неизменно стирал в ее сознании все воспоминания о наших предыдущих встречах? Впрочем, кое-какие соображения на этот счет у меня все же были. Как и в случае с Аглой, ей предстояло сыграть роль моей путеводной звезды в чужом для меня мире. Любовь Аглы открывала мне доступ к сердцам ее диких сородичей. Стоит ли говорить, с каким нетерпением ждал я новой встречи с прекрасной дикаркой? Но до поры до времени мне следовало соблюдать осторожность. Страх перед всем неизвестным мог побудить дикарей на отчаянные действия, поэтому я предпочитал держаться в стороне, ожидая подходящего случая.

Большую часть времени люди племени проводили в поисках пищи. Молодые девушки и женщины ежедневно обшаривали заросли, не пренебрегая ничем, что попадалось им под руку. Взрослые мужчины проводили все время на охоте, которая редко оказывалась удачной. Старики оставались в лагере для присмотра за детьми. С наступлением сумерек все племя собиралось у костра ради скудной вечерней трапезы.

Экологи двадцатого века любят ставить в пример своим пресытившимся современникам примитивные племена, жившие, по их словам, в полной гармонии с природой. Понаблюдав за дикарями каменного века, могу с полной ответственностью заявить, что ничего похожего не было и в помине. Люди племени Козы влачили жалкое существование, постоянно балансируя на грани голода. Брошенные ими стоянки напоминали грязные помойки. Если какое-то равновесие и существовало, то только потому, что дикарей было слишком мало. Дым их жалких костров не мог загрязнить воздуха, а кучи мусора - девственной почвы, вырубка леса еще не оказывала губительного влияния на колебания уровня грунтовых вод, а массовое истребление диких животных - на общую численность их популяций. Но то, что сходило с рук кучке

первобытных людей, обернулось серьезной проблемой для человечества, когда его численность перешагнула за несколько миллиардов. Впрочем, я никогда не принимал всерьез нелепые потуги „зеленых“ идеализировать жизнь первобытных людей.

После нескольких дней скрытого наблюдения я разработал план, который, по моему мнению, должен был привести меня к достижению желанной цели. Как вы, возможно, помните при моей первой и пока единственной встрече с людьми племени Козы я заявил о своем искусстве охотника. Если строго придерживаться фактов, заявление мое было чистой воды бахвальством. Если не считать массового истребления животных в монгольской степи, в котором я принимал чисто номинальное участие, мой опыт в этой области практически равнялся нулю. Но моя реакция и физическое развитие давали мне заметное преимущество перед людьми каменного века.

Наблюдая за их методами охоты, я пришел к выводу, что сумею добиться успеха там, где они постоянно терпели неудачи. Счастье сопутствовало мне, и отныне я почти каждую ночь пробирался в их стойбище и оставлял у костра убитых мною животных. Туземцы спали на открытом воздухе, нисколько не думая об охране. Огонь надежно защищал их от ночных хищников, а их соседи кочевали слишком далеко от места их постоянного обитания, чтобы представлять собой сколько-нибудь серьезную опасность. После нескольких неудачных попыток мне удалось изготовить примитивный лук, что позволило окончательно решить продовольственную проблему. С этого дня я мог охотиться не только на кроликов, но и на более крупных животных, что позволило мне окончательно уверовать в успех моего плана.

Реакция самих дикарей на таинственное появление моих подарков оказалась вполне характерной для людей с их уровнем умственного развития. Но хотя вначале они откровенно испугались, никому и в голову не пришло отказаться от лишней порции мяса. Правда, теперь по ночам они стали выставлять охрану. Хотя и эта мера предосторожности была чисто условной; обмануть бдительность полусонных часовых не составляло для меня особого труда.

Несколько раз в дневное время я позволял им увидеть меня с добычей на плечах, которую ближайшей же ночью доставлял в лагерь, но сам никогда не пытался подойти поближе. Очень скоро я превратился в живую легенду. Из разговоров, подслушанных мною у костра на стоянке, я узнал о себе множество интересных подробностей. По словам очевидцев, головой я достигал вершины деревьев, перепрыгивал реки и взглядом убивал диких животных. Сила моя была настолько велика, что я мог свободно унести на плечах целого мастодонта.

Эти разговоры о мастодонтах особенно заинтересовали меня. Очевидно, подобные животные еще водились в здешних краях, а возможно даже, и становились объектом охоты, когда несколько племен собирались вместе.

Постепенно я узнал имена некоторых из дикарей. Рыжебородого вождя звали Дал, а подростка с ломающимся голосом – Крало. Наконец, девушка, которая интересовала меня больше всего, носила имя Ава и была женщиной Дала. Это известие настолько расстроило меня, что в течение нескольких дней я не появлялся в местах обитания племени.

„Что же еще ты мог ожидать? – уговаривал я себя. – Для этих дикарей было чрезмерной роскошью позволить взрослой девушке оставаться незамужней. Неужели ты серьезно рассчитывал, что она стала бы ждать твоего прибытия? Она даже не подозревала о твоем существовании всего несколько недель тому назад. Даже сейчас она принимала тебя за бога или демона, а вовсе не за мужчину, любящего и желающего ее“.

Тем не менее я чувствовал себя обманутым и испытывал острую неприязнь к Ормузду, не

пожелавшему считаться с моими чувствами.

По истечении трех дней я, однако, пришел к выводу, что такое поведение никому не принесет пользы, и уж во всяком случае не делает мне особой чести. Я решил вернуться к исполнению своего плана. Собственно, ничего другого мне и не оставалось. Я был всего лишь пешкой в игре Ормузда, а кого интересуют чувства какой-то пешки? Тем же вечером я снова пробрался в стойбище людей Козы. Разговоры велись в основном обо мне. Туземцы недоумевали, почему могучий Орион внезапно покинул их. Чем они вызвали гнев великого охотника? Мне потребовалось все мое самообладание, чтобы удержаться от смеха. Как быстро люди привыкают к чудесному и начинают принимать его как нечто само собой разумеющееся. Мои подношения, в свое время столь испугавшие их, рассматривались теперь как вполне заурядное явление. Напротив, именно отсутствие этих даров теперь более всего беспокоило дикарей. Я решил вознаградить их за пережитые по моей вине временные трудности. Люди Козы были кочевниками и редко оставались на одном месте более одного-двух дней. Прикинув их вероятный маршрут, я определил для себя предполагаемое место следующей стоянки. Мой расчет оказался верным. Прибыв на место, я обнаружил следы старого стойбища – пепел кострищ, груды обглоданных костей и сломанных каменных инструментов. Конец этого и большую часть следующего дня я провел на охоте. Удача сопутствовала мне. С помощью лука я настрелял целую грудку дичи – кроликов, куропаток, пару оленей и даже небольшого кабана. Я перенес свою добычу на место старого лагеря, приняв все меры, чтобы уберечь ее от обитателей леса.

Больше всего меня беспокоили дикие собаки, весьма немногим отличавшиеся от волков. Они охотились стаями и были достаточно отважны и сообразительны, чтобы добраться до моих запасов. Мне пришлось подстрелить несколько этих тварей, прежде чем их сородичи оставили меня в покое. Тем не менее я охранял свой склад ночь и большую часть следующего дня, пока уже ближе к вечеру не увидел авангард приближающегося племени. Это были двое подростков, которых предусмотрительный Дал выслал вперед для устройства стоянки. Я оставил свой пост и спрятался в кустах на другой стороне поляны.

Подростки сразу же заметили мой склад и, издав восторженный вопль, кинулись навстречу своим соплеменникам, дабы известить тех о новых подарках Ориона. Экстаз орды невозможно было описать. Никогда до этого им не приходилось одновременно видеть столько свежего мяса. Из своего укрытия я мог слышать благодарственные слова Дала.

- Только Орион мог сделать нам столь щедрый подарок.

- Неужели это все для нас? – спросила Ава, все еще не смея верить такому счастью.

- Мы его люди, – напомнил серьезно Дал. – Это место было нашим лагерем еще во времена старого Макара. Орион принес дар своему народу. Он больше не гневается и вновь берет нас под свое покровительство.

Дав им возможность соорудить огромный костер и начать приготовление к ночному празднику, я неслышно покинул свое убежище и направился к реке. У небольшой заводи я заметил огромного оленя, явившегося на вечерний водопой. Сняв с плеча свой лук, я стал осторожно подкрадываться к нему. Он заметил меня, но, по-видимому, не придавал особого значения моему появлению. Я свалил его с первого выстрела и довершил дело, перерезав ему горло каменным ножом. Против воли я испытывал легкие угрызения совести, лишив жизни столь великолепное творение природы, но в каменном веке не было места для подобных сантиментов. Исполнение моего плана вступало в решающую фазу. Взвалив тушу на плечи, я медленно зашагал в сторону лагеря. Праздник был в самом разгаре. Не колеблясь, я вышел на середину

освещенного пространства и сбросил тушу оленя к ногам краснобородого вождя.

Разом наступила мертвая тишина. В течение пары минут никто не издал ни звука. Было так тихо, что я слышал, как шипели капли жира, падавшие в пламя костра.

- Это я, Орион, - произнес я наконец. - Я принес вам новый подарок.

Дикари оказались жертвами собственных фантазий. Они так часто рассказывали друг другу истории о моей силе и подвигах, что мое неожиданное появление повергло их в ужас. Страх буквально парализовал их. Вероятно, они опасались, что я могу испепелить их ударом молнии или совершить какой-нибудь другой, не менее драматический поступок.

Первой пришла в себя Ава. Медленно поднявшись на ноги, она благоговейно протянула ко мне руки.

- Мы благодарим тебя, могучий Орион. Что мы должны сделать, чтобы доказать тебе нашу признательность?

Выглядела она ужасно: лицо и руки в крови, на бедрах грязная, отвратительно пахнущая шкура. Справедливости ради следует сказать, что и мой внешний вид оставлял желать лучшего. Но когда я увидел холодные серые глаза, которые так хорошо знал и любил, мне понадобилось все мое самообладание, чтобы тут же на месте не заключить ее в объятия. С трудом переведя дыхание, я торжественно заговорил глухим голосом, подобающим могучему герою.

- Мне надоело одиночество. Я хочу некоторое время пожить среди вас.

Мои слова помогли им немного прийти в себя. Дал поднялся на ноги и, подойдя поближе, остановился чуть позади Авы.

- Я научу вас охотиться, - продолжал я. - У вас будет столько мяса, сколько вы сможете съесть. Вам уже никогда не придется голодать.

Сидевшие на земле люди встревоженно зашептались. По выражению их лиц можно было догадаться о борьбе, происходившей в их примитивном сознании. Они по-прежнему боялись меня, но отказаться от столь заманчивого предложения было явно выше их сил. Что могло победить в этой борьбе: страх или зов их желудков?

Ава сделала шаг вперед и вопросительно заглянула мне в глаза.

- Ты дух или человек? - спросила она.

Она была все такой же прекрасной, какой я запомнил ее во время наших предыдущих встреч. Стройная, высокая, намного выше большинства своих соплеменников. Даже грязные шкуры не могли скрыть красоты ее сильного, гибкого тела, а грязь и многочисленные царапины - прекрасной формы ее обнаженных рук. Растрепанные волосы отливали медью. Это была все та же Арета - Агла, прекрасная, умная и отважная женщина, которую я любил. Я заставил себя улыбнуться.

- Всего лишь человек, - сказал я. - Обыкновенный человек.

Дал последовал примеру Авы и тоже подошел поближе. Он не взял оружия, но относительно его намерений сомневаться не приходилось. Он готов был броситься защищать свою жену при

первом угрожающем движении с моей стороны.

- Ты похож на человека, - согласился он. - И все же...
- Я и есть человек, - повторил я.
- Но ты умеешь делать вещи, недоступные обыкновенному человеку.
- Я научу вас всему, что умею сам.
- Где находится твое племя, Орион? - спросила Ава.
- Очень далеко отсюда, - объяснил я.
- И все мужчины твоего племени умеют охотиться так же, как и ты?
- Есть и лучшие охотники, чем я.

В первый раз на ее губах промелькнула слабая улыбка.

- Тогда они должны быть очень толстыми, твои соплеменники.
- Есть среди них и такие, - согласился я.
- Почему ты пришел один? - подозрительно спросил Дал. - Что тебе надо от нас?
- Мои сородичи мудрые и благородные люди, - ответил я осторожно, - они послали меня показать вам, как надо охотиться и защищаться от врагов. Я не видел их очень давно, больше дней, чем вы сможете сосчитать. Я устал от одиночества и хочу немного пожить среди вас.

Неожиданно я понял, сколько правды заключалось в моих словах. Я был одинок почти всю мою жизнь, за исключением нескольких счастливых месяцев, проведенных вместе с Аглой.

- Мужчина не должен оставаться один, - произнесла Ава с неожиданной теплотой. - Даже величайший охотник нуждается в сородичах и семье.

Подобно большинству людей, поставленных перед сложной проблемой, люди племени Козы в конце концов нашли компромисс. Дал переговорил с двумя старейшинами, а затем со всеми без исключения взрослыми мужчинами и женщинами. В итоге они согласились принять меня в свое общество и дать мне возможность научить их приемам охоты. Однако они поставили условие, чтобы я спал отдельно от них, в стороне от костра. Часть из них все еще продолжала считать меня сверхъестественным существом, от которого лучше держаться подальше. Я, не раздумывая, согласился. Никому из присутствовавших не пришло в голову задать вопрос, как следует поступить со мной после завершения периода обучения. Эти бедные люди не часто думали о будущем, подобно диким животным, они жили лишь настоящим.

И все же я имел право гордиться собой. Я выполнил приказание Ормузда. Кроме того, теперь я мог находиться рядом с Авой.

25

Дал и Ава оставались со мной все время, пока племя продолжало свой неторопливый поход через зеленую, цветущую равнину. Рыжебородый был прирожденным лидером и серьезно относился к своим обязанностям. Почти такой же высокий, как я, он уступал мне в ширине

плеч, но имел хорошо развитую мускулатуру. В течение всего похода он непрерывно наблюдал за мной живыми, внимательными глазами. В отличие от большинства своих соплеменников, он не считал меня сверхъестественным существом, способным принести несчастье его сородичам. Его опасения носили чисто практический характер. Я мог оказаться шпионом враждебного племени, вынашивавшим коварный план завести его соплеменников в засаду.

Первые дни я даже не догадывался об этом. Но постоянно чувствуя на себе его пристальный, подозрительный взгляд, я постепенно начал понимать, что к чему. В вечернее время, когда все племя собиралось у костра и старейшины принимались рассказывать свои бесконечные истории, мне довелось услышать немало песен о кровавых битвах и, к сожалению, открыть для себя, что даже в этом райском уголке, где население столь малочисленно, соседние племена редко вступали в непосредственный контакт. Война и убийство были самым заурядным событием. Если миграционные пути отдельных племен пересекались между собой, нередко возникали стычки за право обладания наиболее богатыми охотничьими угодьями. Хотя дичи было много, чтобы обеспечить нужды даже самого небольшого племени, требовалась территория площадью во много квадратных миль. Поэтому подобные конфликты практически никогда не угасали. Благосостояние кочевников зависело от охоты, и она, как я уже говорил, редко бывала удачной.

Как я понял со слов Дала и его сородичей, несколько племен, связанных между собой родственными узами, проводили летний период в уединенной долине, лежавшей среди холмов на склоне большого вулкана. В данный момент мы как раз и направлялись туда, где собирались оставаться в течение всего лета. Летние месяцы были для кочевников временем совместной охоты и веселых праздников и, наконец, заключения новых браков. Ближе к осени они снова расходились в разные стороны и различными маршрутами двигались на юг, чтобы провести там зиму.

У Авы тоже имелись свои подозрения на мой счет, так же как у ее мужа, связанные с родом ее занятий. Ава была шаманом своего племени, выполняя одновременно обязанности врача, жрицы и главного советника своего мужа. Это открытие немного позабавило меня, поскольку я никогда не предполагал, что совмещение подобных профессий восходило к самым истокам человеческой истории.

Ава обычно шагала неподалеку от меня, но, к сожалению, ее интерес ко мне имел чисто профессиональный характер. Она задавала мне бесчисленные вопросы о моем племени и стране, откуда я родом. Я не имел ничего против, мне нравилось находиться рядом с ней, хотя я знал, что каждую ночь, когда я ухожу от костра, она делит свое ложе с Далом.

До встречи с Авой я полагал, что шаманками или колдуньями становятся исключительно старые женщины, которые либо пережили своего мужа, либо вообще никогда не имели такового. Поэтому я был искренне удивлен, что такая молодая и красивая женщина, как Ава, занимается подобным ремеслом, оставаясь к тому же женой вождя племени. Мне понадобилось время, чтобы обратить внимание на то обстоятельство, что в племени Козы вообще не имелось старых женщин. Самой старшей из них было никак не более тридцати лет. Двоим старейшинам-мужчинам едва перевалило за сорок, хотя их бороды успели подернуться сединой. Из восьми детей только трое были девочками, из которых одна настолько маленькой, что почти не покидала спины своей матери.

Я обратился за разъяснениями к Аве.

- Они умирают, - сказала она хладнокровно.

- Умирают? - удивился я.

Она нетерпеливо передернула плечами.

- Многие умирают при рождении ребенка или сразу после родов. Другие становятся слишком больными или слабыми, чтобы выдержать ежедневные переходы.

- И вы оставляете их умирать?

На этот раз она гневно передернула плечами и сверкнула глазами.

- Конечно нет! Мы выпускаем им кровь, чтобы их души всегда оставались с нами. Мы не можем допустить, чтобы дух хотя бы одной из наших соплеменниц скитался по миру в одиночестве.

- Понятно, - пробормотал я, уже жалея, что затеял этот разговор.

Мне не было нужды расспрашивать ее об убийстве слабых и больных девочек. Я уже успел сам догадаться о существовании такого обычая, время от времени просто пересчитывая детей. Женщины становились обузой в суровой кочевой жизни. Разумеется, они были нужны для продолжения рода, но слишком много женщин принесли бы слишком большое количество детей, которых пришлось бы кормить. Поэтому лишние дети женского пола, как правило, уничтожались. Соответственно женщина, утратившая способность рожать, становилась бесполезной для своих соплеменников, и они старались побыстрее избавиться от нее. Однако следует добавить, что и мужчины жили не намного дольше. Болезни и несчастные случаи, не говоря уже о войнах, уносили много жертв. Задолго до того, как люди сами научились приручать лошадей, четыре грозных всадника Апокалипсиса уже набросили на них свои арканы.

Своим вмешательством в жизнь племени я невольно нарушил уже сложившийся баланс между численностью людей и природными ресурсами равнины, на которой они обитали. К сожалению, мне потребовалось немало недель, чтобы догадаться об этом. Но по мере того, как я обучал их делать луки и стрелы, ставить ловушки для диких животных, я начал смутно осознавать, что своими действиями поставил под угрозу хрупкий экологический баланс неолита. До моего появления люди жили маленькими, разрозненными группами, которым постоянно грозил голод. Невежество, нехватка необходимых инструментов делали их слабыми и уязвимыми. Получив необходимые познания и орудия, они неизбежно должны были стать полными хозяевами своего мира.

Со временем они построят ядерные бомбы и огромные задымленные города. И тем не менее я не сомневался, что поступил правильно. Они были такими же людьми, как и я. Независимо от возможных последствий, я не вправе был отказать им в помощи. Как и я, они имели право на жизнь, знания и достойное существование.

И все же я не мог отделаться от неприятной мысли, что все эти высокие слова не более чем пустые отговорки с моей стороны. Я вмешался в жизнь чуждого мне мира прежде всего потому, что здесь живет Ава, потому что не мог смириться с мыслью, что когда-нибудь, когда она станет слабой и ненужной, ее сородичи хладнокровно вскроют ей вены и будут равнодушно наблюдать, как жизнь вместе с кровью покидает ее тело...

Надо сказать, мои познания в области истории неолита были весьма смутными и неопределенными. Порой и мне самому приходилось учиться вместе с моими подопечными. Почти неделю я экспериментировал с новой моделью копья, пока не создал образец, который

летел на расстояние вдвое большее, чем прежде. Еще столько же времени мне понадобилось, чтобы обучиться точно поражать им цель. Дал не поверил собственным глазам, когда я показал ему свое изобретение и продемонстрировал его возможности. Все подозрения относительно меня у него разом исчезли. Он так и не сумел до конца преодолеть своего предубеждения против лука и стрел, возможно, потому, что я был никуда не годным учителем. Но копьем-то Дал владел с детства и сумел по достоинству оценить все преимущества нового оружия. В первый день, когда он отправился на охоту с новым копьем, он принес в лагерь крупную антилопу, которой хватило племени на целых два дня. Сразу возник спрос на новое копьё. Я изготовил еще три штуки под пристальным наблюдением местных умельцев, после чего они уже сами взялись за работу. Еще через неделю они уже умели делать копьё намного лучше меня.

Каждую ночь я смотрел на звездное небо, надеясь определить, в какую часть света меня занесла воля Ормузда. Большинство звезд казались достаточно знакомыми. Я нашел созвездия Водолея, Андромеды, Персея и Малой Медведицы. Вне всякого сомнения, я находился в северном полушарии. Очертания Большой Медведицы имели непривычную форму, но это обстоятельство только подтвердило мое предположение, что я оказался в далеком прошлом, за много тысячелетий до Рождества Христова.

Вулкан с двумя вершинами также неизменно привлекал мое внимание. Его очертания казались мне на удивление знакомыми. Но когда я спросил Дала о его названии, он бросил на меня странный взгляд и ничего не ответил. Либо люди его племени вообще не давали горным вершинам названий, либо его запрещено было произносить вслух.

Местность становилась все более гористой, и теперь нам приходилось постоянно карабкаться по поросшим травой склонам, которые с каждым днем становились все круче. Через неделю непрерывного подъема склон перешел в широкое плато, покрытое дремучим лесом. Величественные стволы сосен и елей чередовались с участками, занятыми лиственными деревьями - березами и дубами. Подлесок почти отсутствовал, но там, где лучи солнца пробивались сквозь пышные кроны, его заросли были непроходимыми. Дал продолжал вести своих людей в северном направлении, уверенно ориентируясь в лесной чаще.

Дичи здесь было еще больше, чем на равнине. Каждое утро мужчины и подростки отправлялись на охоту и ни разу не возвращались с пустыми руками. Иногда они брали с собой и женщин. Другая часть племени, включая меня самого, оставалась в лагере, ожидая их возвращения. Я соорудил себе небольшую пращу и тоже не оставался без добычи. Словом, проблем с продовольствием у нас не возникало. Место показалось мне настолько благодатным, что я заинтересовался, почему люди племени Козы не подумают о том, чтобы навсегда остаться в этих краях. Когда я задал этот вопрос Аве, она лишь растерянно посмотрела на меня, словно разговаривала со слабоумным.

- Но мы идем в долину. Мы проводим в ней каждое лето. Там мы встретим наших друзей. Будет много свадеб и праздников.

Я сидел, прислонившись спиной к стволу могучего дуба, пока она, опустившись на колени возле меня, сортировала собранные за утро травы и корешки растений.

- Но почему бы вам не встречаться в лесу, - возразил я. - Мне еще не приходилось видеть места, столь богатого дичью.

Она снисходительно улыбнулась.

- В долине ее будет еще больше. Кроме того, там много плодов и овощей. Здесь же, в лесу... - Она тревожно оглянулась по сторонам и тихо добавила: - ...живут духи Тьмы. Злобные и опасные.

Возразить мне было нечем. Я невольно подумал об Аримане. Могло ли быть, чтобы Владыка Тьмы находился сейчас где-то поблизости, под сводом этого угрюмого, темного леса?

- Кроме того, здесь у нас есть и враги, которые могут напасть на нас, если мы не будем соблюдать осторожность, - вставил Дал, неожиданно появляясь из-за деревьев. - Лес самое удобное место для неожиданного нападения.

Он был явно доволен собой. На его плечах лежала туша молодого вепря.

- Почему вы вернулись так быстро? - спросила Ава, вскакивая на ноги.

При виде ее счастливого лица я почувствовал мгновенный укол ревности.

- Мы нашли новое место водопоя, выше по склону холма, - объяснил Дал, сбрасывая добычу на землю. - В прошлом году его не было. Кто-то перекрыл ручей и соорудил небольшой пруд. Если судить по количеству следов, лучшего места для охоты просто не найти. На заходе солнца мы снова отправимся туда и набьем столько дичи, сколько сможем унести.

На закате все племя, за исключением старейшин и детей, собралось возле пруда. Дал лично расставил охотников. Судя по всему, он не сомневался в успехе. Оставалось дожидаться появления животных. Мы затаились в своих укрытиях, зарывшись в сухие листья и прикрывшись ветками деревьев.

Быстро сгущались сумерки. Передо мной на земле лежали три копыя, которые я готов был пустить в дело по первому сигналу Дала. Время шло. В лесу стало совсем темно. Смолкли даже птицы, укрывшись на ночь в своих гнездах. Я начал уже опасаться, что Дал ошибся в своих расчетах. Наконец я услышал, что приближается долгожданное стадо. Сердце у меня бешено забилось, на ладонях выступил пот. Я был не менее возбужден, чем мои спутники, возможно, даже больше, чем они.

Одно за другим животные осторожно спускались к кромке воды - олени, кабаны, козы и один Бог знает, кто еще. Их были десятки, может быть, сотни.

С диким криком Дал вскочил на ноги и метнул копьё в ближайшее животное. Взрослые охотники последовали примеру вождя. За их спинами подростки зажгли заранее приготовленные факелы. Охота началась. Все словно обезумели. Женщины не отставали от мужчин. Ава носилась среди перепуганных животных, словно в нее вселился бес, поражая всех без разбору. Это едва не привело к трагедии. Огромный кабан, ошалевший от криков охотников, света факелов и запаха крови, бросился на нее. Ава успела воткнуть в него копьё, но сила разъяренного животного была настолько велика, что оружие, словно щепка, вылетело из рук молодой женщины. Я бросился ей на помощь и ударом копыя пригвоздил огромную тушу кабана к земле. В то же мгновение Ава вспрыгнула на спину вепря и одним взмахом ножа перерезала ему горло от уха до уха. Соскочив снова на землю, она вскинула руки вверх и издала дикий победный клич.

Я стоял, против воли завороченный созерцанием жуткой кровавой сцены из первобытной жизни. Избиение животных все еще продолжалось. Воздух был наполнен боевыми криками охотников и хрипом умирающих животных. Кровь ручейками стекала в воду пруда.

- Теперь мы с тобой связаны узами крови, - воскликнула Ава. - Мы убили его вместе. Отныне мы породнены смертью.

Я предпочел бы разделить с ней любовь, а не смерть, но место для этого было явно не подходящее...

Мы с триумфом вернулись в лагерь. За последние месяцы охота стала моей основной профессией, но до сих пор мне не приходилось испытывать ничего подобного. Первый раз мы убили дичи больше, чем могли съесть. Даже наша одежда была насквозь пропитана кровью животных. По дороге в лагерь я несколько раз чувствовал на себе угрюмый взгляд Дала. Он несомненно видел, как Ава обняла меня, и ее порыв вряд ли привел его в восторг.

Старейшины настаивали на том, чтобы немедленно совершить ритуал крови, дабы возблагодарить богов за столь неслыханную удачу. Само предложение ни у кого не вызвало возражений. Но они хотели, чтобы и я принял участие в празднике как представитель богов, чему Дал решительно воспротивился.

- Орион сам сказал нам, что он человек, а не дух, - возразил он.

- Но у нас никогда не бывало столь удачной охоты, до того как он не присоединился к нам, - стояли на своем старейшины. - Что бы он ни говорил из скромности или мудрости, его присутствие принесло нам неслыханную удачу.

Я не вмешивался в спор, понимая, что лучше им самим принять решение.

- Орион помог мне убить кабана, - напомнила Ава. - Я связана с ним кровью. Он должен принять участие в церемонии.

В племени несомненно наличествовали зачатки демократии, и его вождь не обладал абсолютной властью. Но как часто бывает даже в демократическом обществе, меньшинству и на этот раз удалось навязать свою волю большинству. Упрямство Дала подкрепляли ревность и подозрительность. У старейшин и Авы не было столь серьезных оснований отстаивать свое мнение. Дал выиграл.

Я остался один в темноте леса, в стороне от праздничного костра. Настроение у меня было отвратительным. В течение нескольких часов я издали наблюдал за варварским танцем, не уставая повторять про себя, что мне нечего делать на празднике дикарей, что я должен быть счастлив уже от сознания того, что не принадлежу к их обществу и нахожусь сейчас вдалеке от них. Постепенно крики танцоров стихли, пламя костра стало угасать, и я смог опустить голову на грудь сосновых иголок и закрыть глаза. Никогда прежде я не чувствовал себя таким одиноким. Ко всему прочему у меня очень болела голова.

В этот момент я уловил еле слышный звук ее шагов. Я ощущал запах крови и пота, покрывавших ее нагое тело, но не мог видеть ее лица.

- Ты не смог прийти на праздник, - прошептала она голосом, все еще дрожавшим от возбуждения, - поэтому я сама пришла к тебе.

Голова у меня пошла кругом. Мне были омерзительны ее животная похоть и первобытная жажда крови. Сама мысль оказаться сейчас в ее объятиях вызывала у меня непреодолимое отвращение, и, наконец, я знал, что Дал никогда не простит мне близости с его женщиной. Но вопреки всем доводам рассудка, совершенно неожиданно для себя, я преобразился в дикое и ненасытное существо, такое же, каким была она...

По крайней мере какое-то время я больше не чувствовал себя таким одиноким.

26

На следующее утро мы возобновили поход на север, сгибаясь под тяжестью добытых накануне трофеев. Мы шли, окруженные тучами мух, привлеченных запахом гниющего мяса. Впрочем, кроме меня, кажется, никто не возражал против подобного эскорта.

Ава шагала во главе маленькой колонны рядом со своим мужем. Если Дал и догадывался о том, что произошло минувшей ночью, то виду он не подавал. Так же, как и сама Ава. Когда я проснулся рано утром, ее уже не было рядом со мной. Надо полагать, она вернулась на свое привычное место, на ложе Дала. В течение всего утра она даже не взглянула в мою сторону. Праздник кончился, и снова начались будни, в которых не было места для наших чувств.

Через пару дней мы вышли из леса и начали подниматься по склону холма, ярко освещенного солнцем. Картина была и впрямь на редкость привлекательна. Наши ноги утопали в шелковистой траве, усыпанной яркими цветами. Дорогу пересекали чистые, прохладные ручьи, бравшие начало в далеких, покрытых снегом горах. Казалось, даже сами люди внезапно преобразились. Они шагали, обмениваясь веселыми шутками, и уже ничем не напоминали тех жестоких и свирепых дикарей, какими запомнились мне в день кровопролитной охоты.

Уже несколько дней меня не оставляло неприятное ощущение, что все мы находимся под чьим-то неусыпным наблюдением. По этой причине я постоянно находился в арьергарде, чтобы иметь возможность выследить таинственного преследователя. Но все мои усилия оказались тщетными – я так и не обнаружил его. Местность до самого горизонта казалась совершенно безлюдной. Но гнетущее чувство не исчезало.

На третьи сутки непрерывного подъема Ава неожиданно подошла ко мне.

- Скоро мы будем в нашей долине, – сообщила она, счастливо улыбаясь.

- Нашей? – переспросил я.

Она кивнула.

Вид у нее и в самом деле был весьма счастливый, словно у путника, вернувшегося наконец домой после многолетних скитаний.

- Долина и правда замечательное место, – продолжала она с энтузиазмом. – Чистая вода, масса дичи, злаков и плодов. Каждое лето здесь живут несколько племен. И все мы счастливы в нашей долине.

В справедливости ее слов я смог убедиться неделю спустя, когда мы достигли цели своего путешествия.

Это был настоящий рай.

Мы стояли на берегу тихой реки, любуясь пейзажем, открывавшимся перед нашими глазами. Водный поток, низвергавшийся в долину несколькими небольшими водопадами, достигнув ее, замедлял свой бег, петляя от одного края к другому, пока не исчезал среди живописного нагромождения скал в низовьях. Эти утесы, собственно, и образовывали естественное основание большого вулкана, две покрытые снегом вершины которого замыкали долину с севера. Над одной из них подымалась к ослепительно голубому небу легкая струйка дыма.

Нетрудно понять, почему люди чувствовали себя здесь такими счастливыми. Долина была зеленой и солнечной. Ее каньонообразная форма свидетельствовала о том, что своим происхождением она обязана леднику, некогда спустившемуся с древнего вулкана, чьи покрытые снегом вершины сейчас сверкали ослепительным блеском под лучами весеннего солнца. Труднодоступность долины и удачное расположение превращали ее в естественную крепость, способную устоять против натиска неприятеля. Единственный проход в долину находился со стороны ее устья, где склон горы прорезала гигантская трещина, игравшая роль своеобразных ворот, которые вели в благодатный уголок земли. Глубина каньона, по моей оценке, составляла по меньшей мере несколько сот футов при ширине от одной до полутора миль.

Мы были первыми, кто добрался до долины в этом году. Люди, довольные окончанием трудного пути, с энтузиазмом принялись за устройство лагеря. К наступлению ночи они соорудили несколько примитивных хижин, точнее, землянок, но для соплеменников Дала они, надо думать, казались настоящими дворцами. День завершился общей трапезой, на приготовление которой пошли остатки мяса, добытого еще в лесу.

Эту ночь омрачило печальное событие. Умер подросток, поранивший себе ногу во время недавней охоты. Рана была не слишком серьезной, но, очевидно, во время перехода в нее попала какая-то инфекция, и к тому времени, когда племя добралось до долины, мальчик едва мог идти. К вечеру, несмотря на усилия Авы, у него началась сильнейшая лихорадка, а уже под утро душераздирающий крик его матери, просидевшей всю ночь у ложа сына, известил нас о том, что все кончено. Мальчика похоронили около полудня. Ава совершила погребальную церемонию. Прежде чем опустить тело в могилу, туда аккуратно сложили все личные вещи, которые подросток успел накопить к своим четырнадцати годам, – несколько каменных орудий, пригоршня разноцветных камешков, зимняя одежда. Каждый уронил в могилу цветок, после чего ее засыпали землей. Все время церемонии несчастная мать простояла у могилы сына. Она уже не могла плакать и только наблюдала за ритуальным шествием. Позднее Ава сказала мне, что отец ребенка погиб два года тому назад и у бедной женщины, которую звали Мара, не осталось других детей. Ее возраст не позволял ей надеяться найти себе нового мужа, так что скорее всего ей уже не суждено пережить следующую зиму.

На следующее утро, чтобы хоть немного развеяться, я отправился на экскурсию по долине и обошел ее из конца в конец. Помимо следов ледника, я обнаружил многочисленные признаки недавнего землетрясения. Дно долины изобиловало многочисленными трещинами и уступами, из-за которых поток в ряде мест струился в обратном направлении, от низовья к верховью.

По пути назад, среди зарослей кустарника, у подножия круто поднимавшейся скалы я заметил Аву, по обыкновению собиравшую лекарственные травы и корешки растений. Я с грустью подумал, что какими бы познаниями ни обладала Ава, ее искусства явно не хватило, чтобы спасти сына Мары, погибшего скорее всего из-за заражения крови.

- Ава, - окликнул я ее.

- В чем дело? - недовольно спросила она, поднимая голову.

- Ничего особенного, - отвечал я, направляясь к ней сквозь заросли карликовых деревьев. - Просто я возвращался в лагерь и случайно увидел тебя.

Она бросила на меня недоумевающий взгляд. Очевидно, идеи прогулок и дружеской болтовни были совершенно чужды сознанию этих простых людей.

- Я вижу, ты собираешь лекарственные травы, - произнес я, чтобы как-то начать разговор.

- Да. - Ее улыбка сразу увяла. - Я не смогла спасти сына Мары. Бес, вселившийся в него, оказался слишком силен для меня. Мне надо найти более действенное лекарство.

Я не стал говорить, что и двадцать тысяч лет спустя медики разных стран все еще бились над разрешением этой проблемы.

- Ты сделала все возможное, - заметил я, желая хоть как-то утешить ее.

- Почему ты не помог мне?

- Я?

- Ты человек огромной силы, Орион. Почему ты не захотел помочь мальчику?

- Но я охотник, а не врач, - возразил я, смущенный ее вопросом.

Ее бездонные серые глаза, смотревшие в упор на меня, казалось, проникали мне в душу.

- Ты обладаешь гигантскими познаниями. Ты знаешь то, о чем мы не имеем ни малейшего понятия. Я надеялась, что твои знания включают и искусство врачевания.

- Увы, нет, - отвечал я сокрушенно. - Мне очень жаль, но я ничего не понимаю в медицине.

Ава отбросила прядь рыжих волос, упавшую ей на лоб. Судя по всему, она не поверила моим словам.

- Я говорил тебе и раньше, - напомнил я, - я всего лишь человек.

Женщина недоверчиво покачала головой.

- Я не верю тебе. Ты отличаешься от всех мужчин, которых я когда-либо видела.

- Что же во мне такого особенного? - спросил я, шутливо раскинув руки. - По-моему, я мало чем отличаюсь от других мужчин твоего племени.

- Я говорю не о твоём теле или твоём семени, - возразила она.

Я похолодел. Итак, наша ночь любви была всего лишь заранее запланированной проверкой. Ава просто хотела лишний раз убедиться, что я человек, а не демон, и избрала для этого самый простой способ.

- Ты отличаешься от них своим духом, - продолжала Ава, - душой и, конечно, своими знаниями.

- Мне известно немало, - согласился я, - но, поверь мне, того, что я не знаю, гораздо больше.

- Научи меня! - вырвалось у нее. - Научи меня всему, что знаешь сам.

Не скрою, я был удивлен. В Аве проснулась тяга к знанию.

- Я должна научиться множеству вещей, - уговаривала она меня. - Я знаю так мало. Научи меня. Раздели со мной твоё знание.

- Разумеется, я могу научить тебя некоторым вещам, Ава, - согласился я. - Но боюсь, большая часть моих знаний просто не нужна тебе. Они пригодятся твоему племени.

- Но ты станешь учить меня?

- Если ты того хочешь.

- Я хочу. - Ее глаза заблестели от возбуждения.

- Но почему ты хочешь учиться? - поинтересовался я.

Казалось, на мгновение она потеряла дар речи.

- Как - почему? Чтобы знать, чтобы понимать. Что может быть важнее этого? Чем больше я буду знать, тем полезнее я буду для моего племени. Если бы я больше знала о лекарственных травах, то смогла бы спасти сына Мары.

Настала моя очередь потерять дар речи. Если не считать ее грязной кожи и грубой одежды, Ава мало чем отличалась от Марии Кюри и других великих естествоиспытательниц двадцатого века. Ею тоже владела тяга к знаниям. Более того, она сознавала, что знания - ключ к власти, что понимание мира открывает доступ к его ресурсам и дает возможность использовать их для своих нужд.

Неправильно истолковав мое молчание, она смущенно добавила:

- Но я сама ничего не могу дать тебе в обмен на твои знания...

Слава Богу, идея предложить в качестве оплаты себя так и не пришла ей в голову. Я невольно улыбнулся при мысли, что древнейшая профессия еще не успела утвердиться в этом мире.

- Существуют вещи, которые ты знаешь, а я нет, - успокоил я ее. - Мы просто обменяемся нашими знаниями. По-моему, это вполне справедливо.

- Конечно! - Она едва не задохнулась от воодушевления.

- Хорошо, - сказал я. - Начнем с того, что ты скажешь мне названия этих цветов и какими лечебными свойствами они обладают.

В течение большей части дня мы бродили по зарослям, обмениваясь всевозможной информацией. Я рассказал ей о металлах, из которых можно делать более надежные инструменты, чем из обломков кремня или обсидиана, используемых племенем. В свою очередь, Ава прочла мне целую лекцию о лечебных свойствах дикорастущих цветов и трав. Постепенно я перевел разговор на более интересующую меня тему - о других племенах, чье прибытие ожидалось со дня на день, и о племенах, которые были их врагами.

- У других людей цвет волос такой же, как у твоих соплеменников? - спросил я.

- Нет, ничего подобного, - отвечала она. - Некоторые черноволосые, как и ты.

- А цвет кожи? Они все светлокожие?

- Да. Конечно, летом кожа у них темнее, но зимой она снова принимает естественную окраску.

- Тебе когда-нибудь приходилось видеть мужчину, чей цвет кожи напоминал бы пепел костра?

Он почти одного роста со мной, у него красные глаза и невероятно сильные руки.

Она невольно отпрянула от меня.

- Нет, - сказала она испуганно, - и надеюсь, что никогда его не увижу.

- Может быть, ты слышала о таком человеке, - настаивал я. - Иногда его зовут Ариманом, иногда Владыкой Тьмы.

Ава содрогнулась.

- Он похож на демона. Он мужчина, но у него дьявольская сущность.

Ава бросила на меня подозрительный взгляд.

- Мужчина? Ты тоже сказал мне, что ты просто мужчина.

Я предпочел перевести разговор на другую тему. Ава не возражала. Мы заговорили о долине, в которой находились. Случайно я упомянул, что здесь можно было бы обосноваться и на постоянное местожительство, если заблаговременно подготовиться к зиме. Эта мысль заинтересовала ее, и я рассказал ей, как можно сделать теплую зимнюю одежду из шкур и мехов убитых животных.

- Это мне уже известно, - прервала она меня. - Скажи лучше, чем мы будем питаться, когда земля покроется снегом. Все животные перебираются в теплые края. Мы следуем за ними.

- Вместо того чтобы убивать животных, - объяснил я, - вы можете поймать несколько пар и содержать их в специальных загонах. Они принесут приплод, и у вас круглый год не будет недостатка в мясе.

Ава рассмеялась.

- А что же будут есть зимой сами животные? - спросила она. - Травы-то не будет.

- Можно собрать траву и злаки, когда они созреют, сложить в хижину и кормить ими животных в течение зимы.

Смех прекратился. Ава не восприняла мою идею. Она оказалась слишком новой и фантастичной для дикарки, чтобы проглотить ее в один присест. Но она задумалась. Для меня это было важнее всего.

Когда мы подошли к линии утесов, составлявших основание вулкана, я решил, что настало время задать ей другой интересующий меня вопрос.

- У этой горы есть имя?

- Да, - отвечала она, поднимая глаза к заснеженным вершинам. - Но имя священной горы нельзя произносить вслух.

Она с уважением посмотрела на меня.

- Когда дух огненной горы гневается, земля начинает дрожать. Старейшины рассказывают, что много-много лет назад, еще до того как они родились, гора извергла огонь на обитателей долины и заставила их покинуть это место.

- Но они вернулись?

- Только спустя много лет. С тех пор они боялись этой горы и научили своих детей и детей своих детей относиться с почтением к духу горы.

Я бросил взгляд на заснеженные вершины. Кажется, впервые с того времени, как я увидел вулкан, над ним не поднималась струйка дыма.

- Похоже, сегодня дух отдыхает.

Ава улыбнулась:

- Да, иногда это случается. Но когда дух разгневается, он снова может выкинуть пламя.

- Неужели дух горы разгневается, если ты скажешь мне ее имя? - спросил я.

Ава нахмурилась:

- Почему ты хочешь его узнать?

- Как и ты, из любви к знанию, - ответил я, улыбаясь. - Я хочу знать ответы на все вопросы.

Кажется, мое объяснение удовлетворило ее. Подойдя ко мне вплотную, она еле слышно прошептала.

- Арарат.

27

Дал выглядел явно недовольным, когда Ава и я вернулись в лагерь после продолжительной прогулки. Соответственно его недовольство возрастало и в последующие дни, когда мы стали проводить еще больше времени вместе.

Иногда по вечерам я уводил Аву подальше от лагерных костров, чтобы дать очередной урок прикладной астрономии. Я рассказывал ей о звездах, объяснял, как по их положению на небосводе можно предсказывать время разлива рек или начало сезонной миграции животных. Ава была способной ученицей и уже после нескольких таких уроков обратила мое внимание на то, что одна из звезд слегка сдвинулась со своего места.

- Это Марс, - пояснил я. - Собственно, это даже не звезда, а мир, подобный нашему, но находящийся на невообразимо большом расстоянии от нас.

- А почему у него такой странный цвет? - спросила Ава. - Красный, как кровь.

- Все дело в том, - объяснил я, - что почва там красного цвета. Даже небо на этой планете имеет красноватый оттенок, почти такой же, как у твоих волос, из-за большого количества пыли, висящей в воздухе.

- Должно быть, там живут очень воинственные люди, - заметила она, - раз уж весь их мир окрашен в цвет крови.

Мое сердце упало при мысли, что помимо своего желания я помог ей изобрести астрологию. Но я быстро утешил себя соображением, что подобные идеи рождаются, как правило, многократно, в разное время и в разных странах. Идеи астрологии всегда были и будут

популярны среди людей, вне зависимости от того, насколько соответствуют истине.

В эту ночь мы оставались вместе до самого утра, наблюдая величественное зрелище движения звезд. Когда на небосклоне возшла Венера, Ава восторженно схватила меня за руку.

- Как красиво, - прошептала она.

Утренняя звезда и правда казалась необыкновенно прекрасной. Я бросил быстрый взгляд на сидевшую рядом женщину, с трудом удержавшись от искушения немедленно обнять и расцеловать ее. Очевидно, она догадалась о моих мыслях, потому что тут же слегка отодвинулась от меня.

- Я женщина Дала, - прошептала она. - Мне бы хотелось, чтобы было иначе, но это так и уже ничего не поделаешь.

Я собрался было сказать ей, что люблю ее, но с ужасом обнаружил, что в ее языке даже не существовало такого понятия. Галантность еще не вошла в обиход людей каменного века. Ава была женщиной Даля, а в те далекие годы представительницы прекрасного пола еще не меняли своих супругов.

Мы вернулись в лагерь, когда женщины уже принялись за приготовление завтрака. Дал с недовольным лицом сидел на пороге своей хижины. Он выглядел несчастным, сердитым, обеспокоенным и полусонным одновременно. При виде нас он вскочил на ноги, но Ава тут же взяла его за руку и увела внутрь своей хижины, даже не кивнув мне на прощание.

Постояв несколько минут в одиночестве, я повернулся и поплелся в собственную конуру, которую по настоянию Дала его сородичи построили специально для меня, на расстоянии добрых ста ярдов от ближайшей хижины. Едва я нырнул в узкую щель, заменявшую дверь, и оказался внутри моей единственной комнаты, я почувствовал, что кроме меня в ней находится кто-то еще. В землянке не было окон, и тьма там стояла кромешная, но я знал, что не ошибся. Прислушавшись, я уловил тяжелое, глухое дыхание незваного гостя.

- Ариман? - прошептал я.

Сгусток мрака шевельнулся в дальнем углу землянки. Моя рука автоматически легла на рукоятку каменного ножа, висевшего у меня на поясе. Это было предельно глупо, но инстинкт самосохранения, как всегда, оказался сильнее доводов рассудка.

- Ты ожидал найти меня здесь, не так ли? - От его холодного, угрожающего голоса у меня по спине невольно побежали мурашки.

- Это вы следовали за нами в течение многих недель? - спросил я, в свою очередь предусмотрительно отступая в сторону, подальше от слабой полоски света, проникавшей в землянку через щель в стене.

- Да.

- Вы собираетесь погубить этих бедных людей?

Он слегка шевельнулся в темноте.

- Какой вред я могу им принести? Я всего лишь одинокий человек, один против всего твоего народа.

- Не называйте себя человеком, - оборвал я его.

Он презрительно рассмеялся.

- Ты глупец, Орион. Ты же называешь себя человеком. Почему я не могу поступать так же?

- Я, по крайней мере, человеческое существо, - возразил я, - не имеющее ничего общего с вами и вам подобными.

- В этом ты прав. Ты не принадлежишь к моей расе, - согласился Ариман угрюмо. - Твои людишки уничтожили мой народ. Я единственный, оставшийся в живых.

- И теперь вы хотите отомстить?

- Только свершить правосудие, Орион.

- Понятие правосудия не включает в себя уничтожение пространственно-временного континуума.

- Что делать, если это единственный способ его добиться? Необходимо обрушить сами основы, поддерживающие ваш мир. Приблизить конец света. Уничтожить того, кто называет себя Золотым богом.

- Ормузда?

- Да, Ормузда. Врага моего народа. Твоего хозяина, Орион. Твоего творца.

- Вы не осмелитесь бросить ему вызов. У вас недостаточно сил для этого. Поэтому вы и хотите уничтожить бедных невежественных дикарей, - огрызнулся я, чувствуя, как внутри меня закипает ненависть.

- Думай что хочешь, Орион. У каждого из нас свои интересы на этой планете.

- Но здесь наш мир!

- Временно, Орион. Только временно. Он сотворил тебя, чтобы ты покорил этот мир для него, но я позабочусь о том, чтобы уничтожить вас обоих. Раз и навсегда.

- Ничего у вас не выйдет, - возразил я. - Я уже дважды нарушил ваши планы. Я сумею остановить вас и на этот раз.

Он замолчал, обдумывая мои слова.

- Ты сказал - дважды? Мы встречались уже дважды до сегодняшнего дня?

- Да!

- Этого не может быть, - пробормотал он, обращаясь скорее к себе, нежели ко мне.

Я презрительно промолчал.

- Ормузд умен, ничего не скажешь. Он двигает тебя через континуум против течения времени. Следовательно, ты еще не видел войны. Ты не знаешь, что произошло тогда.

- Я знаю, что моя миссия заключается в том, чтобы выследить и убить вас и покончить с этим навсегда.

Он покачал головой:

- Навсегда. Я думаю, что ты даже не понимаешь значения этого слова. Никто из нас, даже Ормузд, не в силах контролировать время.

- Такова моя миссия, - упрямо повторил я.

Он пренебрежительно ухмыльнулся:

- Так почему же тебе не взяться за дело прямо сейчас? Убей меня.

Я колебался.

- Ты просто боишься.

- Нет, - ответил я вполне правдиво. Я действительно не боялся его. Про себя я уже успел прикинуть, сколько у меня шансов прикончить его. Я знал, что физически он намного сильнее меня. Как я мог напасть на него с одним каменным ножом в руке?

- Мне надоело ждать, - заметил Ариман насмешливо.

Без предупреждения он бросился на меня. Я ударился спиной о стену хижины и почувствовал, как его могучие пальцы сомкнулись вокруг моего горла. Непрочная крыша обрушилась, засыпав нас комьями глины и сухими ветками. Я попытался дотянуться до него своим ножом, но он был слишком силен для меня.

Лицо Аримана находилось всего в нескольких дюймах от меня, и я мог отчетливо видеть насмешливую гримасу, исказившую его, звериный оскал его крупных зубов, красный огонь его нечеловеческих глаз. В моих ушах гремел дикий, торжествующий крик, вырвавшийся из его глотки. Я начал слабеть, темная пелена застлала глаза. Я понимал, что долго мне не выдержать.

Неожиданно некий предмет воткнулся в землю рядом со мной. Затем я почувствовал, как нечто тяжелое ударило в тело Аримана, все еще продолжавшего сжимать мне горло. Смертельная хватка разом ослабла, он медленно откатился в сторону. Я перевел дыхание и приподнял голову, стараясь понять, что происходит.

Ариман стоял в нескольких шагах от меня, держась одной рукой за копьё, торчавшее из его бока. Из раны сочилась кровь.

Другое копьё просвистело в воздухе. Ариман поймал его свободной рукой. Повернувшись, я увидел своего спасителя. Дал с ножом в руке готовился нанести решающий удар. Другие люди спешили к нам. Их лица выглядели скорее удивленными, чем испуганными. Они готовы были поддержать своего вождя, хотя и не решались приблизиться к незваному гостю на слишком близкое расстояние.

Следовало срочно вмешаться в эту игру. Изловчившись, я ударил Аримана обеими ногами. Владыка Тьмы как подкошенный рухнул на землю. Осмелевшие воины, издав воинственный клич, бросились к нам.

Я сделал неудачную попытку прижать врага к земле, но определенно переоценил свои силы. Отшвырнув меня в сторону, Ариман вырвал копьё из кровоточившей раны и швырнул его в сторону приближавшихся воинов. Даже брошенное из столь неудобного положения, оно „пробило“ грудь одного из людей Дала и заставило других отступить. Поднявшись и сбив с ног сбросившегося на него Дала, Владыка Тьмы устремился в сторону утесов.

Я с трудом поднялся на ноги. Дал медленно принял сидячее положение. На его подбородке успел проявиться огромный синяк. Остальные охотники топтались на месте, не смея подойти ближе. Ариман уже достиг линии утесов и исчез среди скал.

- Кто это был? - спросил Дал, с трудом двигая разбитой челюстью.

- Враг, - коротко ответил я.

Ава первая пришла в себя. Опустившись на колени рядом с Далом, она осторожно ощупала его лицо. Затем женщина повернулась ко мне.

- Со мной все в порядке, - произнес я хриплым голосом, предвосхищая ее вопрос.

- На твоём горле я вижу отпечатки пальцев твоего врага, - заметила она, подходя поближе. - Никогда не видела такой огромной руки.

- Так кто же это был? - повторил Дал.

- Враг всех людей, - отвечал я. - Порождение Тьмы, чудовище, мечтающее убить всех нас.

Люди мельком видели Аримана, но по просьбе Дала я еще раз описал его, опустив, правда, некоторые существенные подробности. Я не хотел, чтобы они думали о нем как о духе или демоне, с которым невозможно бороться. Попутно я высоко отозвался об их храбрости, не забыв добавить, что они не только спасли мне жизнь, но и сумели ранить Аримана и заставили его обратиться в бегство.

- Мы можем выследить его и найти его логово, - добавила Ава, указывая на пятна крови, оставшиеся на траве.

Ее предложение не вызвало особого энтузиазма. Даже Дал, в чьей храбрости я не сомневался, слегка подался назад.

- Нет, - ответил я за всех. - Сейчас он уже успел спрятаться в пещерах, и нам не удастся найти его. Там темно, и ему будет нетрудно заманить нас в ловушку. Лучше оставаться здесь. Он не вернется назад.

„По крайней мере некоторое время“, - добавил я уже про себя.

На этом обсуждение закончилось. Охотники подняли мертвое тело своего товарища и перенесли его в хижину. Закончив эту неприятную процедуру, они собрались в кружок, чтобы обменяться впечатлениями.

Дал вместе с Авой подошли ко мне.

- Спасибо, Дал, - поблагодарил я его. - Ты спас мне жизнь.

- Ты один из нас, - возразил он. - Я сделал только то, что обязан был сделать.

- Но ты сделал больше, чем другие.

- Я их вождь.

- Кому много дается, с того много и спрашивается, - припомнил я старую поговорку. Дал был настоящий вождь. Возможно, поэтому он выглядел сейчас таким обеспокоенным. - Ариман не дух и не демон, - убеждал я его. - Он такой же человек, как и я.

- Он сумел выдернуть копье из своего тела, словно это какая-то колючка, и убить им охотника, - возразил Дал.

- Он обладает огромной силой, - подтвердил я.

Дал машинально потрогал синяк на своей челюсти.

- Еще бы. Он сумел проткнуть Рэдома, метнув копье, когда лежал на земле.

- Но затем убежал, - напомнил я.

Мне не хотелось, чтобы Дал боялся Аримана больше, чем необходимо.

- Ты не сказал мне, что тебя преследует враг, - заметил Дал.

- Я не знал, что он находится здесь, - возразил я, решив ограничиться полуправдой. - В последний раз я видел его очень далеко отсюда.

- Пошли, Орион, поешь с нами, - вмешалась в разговор Ава, интуитивно почувствовав, что разговор принимает опасный оборот. - Солнце уже высоко. День обещает быть чудесным.

Я понимал, что в голове у Дала уже успели зародиться новые подозрения, не сулившие мне ничего хорошего.

Но человеку, не побоявшемуся бросить вызов Ариману и тем самым спасшему тебе жизнь, можно простить многое, даже если он твой соперник.

28

Следующие несколько недель прошли без особых происшествий. Три племени, общей численностью более ста человек, стали нашими соседями. Примерно две трети из них составляли взрослые люди, одну же - дети в возрасте от одного года до четырнадцати лет. Жизнь во времена неолита была короткой. Двенадцатилетние девочки рожали детей. Сорокалетние мужчины лишались зубов и не могли не только охотиться, но и пережевывать достававшуюся им пищу. Судьба и тех и других была достаточно печальна.

- Мы останемся в этой долине, - объяснила мне Ава, - до тех пор, пока не созреют злаки. Мы соберем их и унесем с собой. Если, конечно, - озабоченно добавила она, - зима не придет слишком рано.

Ее слова подали мне новую идею. Кажется, я начинал понимать суть замыслов Аримана. Приближался очередной критический период в истории человечества. Кочевые племена охотников должны были уступить свое место земледельцам и скотоводам и тем самым заложить первый камень в фундамент человеческой цивилизации. Ариман явился, чтобы помешать этому. Если бы ему удалось осуществить свои планы, судьба человечества была бы predetermined. Остановившись в развитии, оно само обрекало себя на гибель.

Тем не менее я не поддавался унынию. Разве он сам не сказал мне, что мы должны встретиться по меньшей мере еще однажды, во время великой Войны? Но сомнения оставались. Хуже того, их было больше, чем хотелось...

Мои отношения с Далом оставались достаточно сложными, да и его подозрения в мой адрес не являлись тайной для его соплеменников. Я по-прежнему пользовался всеобщим уважением; мои предложения одно за другим претворялись в жизнь, но я был начисто исключен из их общественной жизни. Фактически, несмотря на свой полубожественный статус, я оставался изгоем для всех, за исключением Авы. Мы по-прежнему много часов проводили вместе. Со своей стороны я старался по мере возможности сдерживать данные мною обещания и сообщил ей немало полезных сведений по основам земледелия, животноводства и личной гигиены. Наши отношения несколько не изменились. Каждый вечер Ава возвращалась к себе в хижину, чтобы приготовить ужин для мужа. Нередко она приглашала и меня разделить с ними вечернюю трапезу, но открытое недовольство Дала, не имевшего понятия о законе гостеприимства, очень скоро заставило меня отказаться от подобных посещений. Обычно я сам готовил себе еду и поглощал ее в одиночку у порога своей заново отстроенной хижины. У меня даже не было необходимости самому ходить на охоту. Обитатели долины в изобилии снабжали меня мясом и овощами в обмен на те знания, которые я давал им.

Семена падали на добрую почву. Ученики меня радовали. К середине лета по всей долине они соорудили загоны для скота, а чуть ближе к осени женщины уже пряли пряжу, чтобы обеспечить свое племя теплой одеждой на зимний период.

Жизнь в долине была простой и здоровой. Лето перевалило свой пик, но нам так и не пришлось испытать ни угнетающей жары, ни чрезмерной влажности. Всходы зерновых растений обещали хороший урожай. Ночи становились холодными, но это обстоятельство не мешало проведению наших регулярных занятий с Авой.

Как-то раз Дал выразил желание составить нам компанию. Думаю, что первоначальной причиной такого решения послужила все-таки ревность, но неожиданно для себя он сам заинтересовался астрономией.

- Ты хочешь сказать, что сезонные изменения можно предсказать заранее, еще до того, как они на самом деле начнутся? - спросил он.

- Конечно, - отвечал я. - Звезды подскажут, когда следует начинать сев и собирать урожай.

- А что такое сев? - спросил он нетерпеливо.

Мне пришлось на время забыть об астрономии и всецело посвятить себя вопросам сельского хозяйства. Думаю, что даже учителям ботаники в начальной школе не приходилось сталкиваться с такими трудностями, какие пришлось преодолеть мне.

- Ты хочешь сказать мне, что если мы весной бросим горсть зерен в землю, то получим к осени целое поле колосьев? - спросил недоверчиво Дал.

Даже получив утвердительный ответ, он, по-моему, не поверил мне. Ава, напротив, несколько не усомнилась в моих словах, но и ее пытливому уму требовалось какое-то время, чтобы сопоставить получаемую информацию с собственным жизненным опытом. Но раз задумавшись над каким-либо вопросом, она неизменно находила на него правильный ответ.

Со времени памятной ночи охоты наши отношения обрели совершенно новый характер. И не потому, что я не желал ее. Она была женщиной Дала, и ее интерес ко мне был чисто

практическим. Аве не нужна была моя любовь или даже дружба. Ее интересовали только мои знания.

Однажды, когда Дал вместе с группой охотников отправился к устью долины для отлова новых животных, я застал ее в одиночестве у кромки поля созревшей ржи.

- Ты чем-то озабочена? - спросил я, подходя поближе.

Она заметно вздрогнула, но, узнав меня, заставила себя улыбнуться.

- Что-нибудь не так? - повторил я.

- О нет, - произнесла она, снова обращая свой взор на колыхавшиеся под легким ветром колосья.

- Но тебя что-то беспокоит, - настаивал я. - Может быть, я смогу разрешить твои сомнения?

- Я не сомневаюсь в тебе, Орион, - отвечала она, - но скажи мне, если мы... если мы все-таки решим остаться в этой долине, может ли так случиться, что зерна вдруг не взойдут?

- Почему бы им не взойти? - возразил я. - Насколько я знаю, они с незапамятных времен произрастают в этой долине.

- Да, но они всегда всходили тогда, когда нас здесь не было. Ты уверен, что, если мы останемся здесь навсегда, они будут продолжать давать всходы?

- Конечно, - подтвердил я. - С вашей помощью они будут расти еще лучше.

- Но разве духу зерна не надо какое-то время, чтобы побыть одному? - допытывалась она. - Не умрет ли он, если мы всегда будем рядом?

- Конечно нет, - решительно заявил я. - Дух зерна, напротив, станет еще сильнее, если вы будете помогать ему: рыхлить почву, вырывать сорняки и засеять новые поля в тех частях долины, где рожь еще не растет.

Я видел, что ей очень хотелось поверить мне, но старые предрассудки, опасения вызвать гнев богов, мешали ей отказаться от привычного образа мышления.

- Я собирался совершить небольшую прогулку, - заметил я. - Если хочешь, можешь пойти со мной.

Она равнодушно кивнула, и мы направились в верхнюю часть долины, к месту, где мне давно хотелось побывать. Никто из нас даже не пытался завязать разговор. Каждого занимали свои собственные мысли. Я прекрасно понимал, что, взяв на себя роль „двигателя прогресса“, я тем самым не только ускорил развитие человеческой цивилизации, но и принял всю ответственность за те проблемы, которые неизбежно должны были появиться в будущем. Но Аве не следовало знать о моих сомнениях, у нее хватало своих забот.

Когда мы достигли подножия утесов, я задрал голову кверху и критически осмотрел нависшую над нами каменную стену.

- Давай поднимемся наверх, - предложил я.

- Наверх? - рассмеялась Ава. - Но это невозможно, Орион. Ты смеешься надо мной.

- Ничего подобного. Уверен, что ты сможешь добраться до вершины.

- Взобраться по отвесной стене? Дал как-то попытался забраться наверх, но у него ничего не вышло. Никто не может подняться на эти утесы.

Я пожал плечами.

- Давай попытаемся. Может быть, двое смогут добиться того, что не удалось одному человеку?

Она с любопытством взглянула на меня.

- Но зачем? Почему ты хочешь взобраться туда, где еще не был ни один человек?

- Именно по этой причине, - отвечал я. - Потому, что до сих пор побывать там не удалось никому. Я хочу быть первым. Я хочу посмотреть на мир с того места, откуда его не видел еще никто.

- Это сумасшествие!

- Ну и что с того? Неужели у тебя никогда не возникало желания сделать то, что до тебя не делал еще никто?

- Нет, - сказала она, хотя и не слишком уверенно.

Ава в свою очередь осмотрела стену, словно надеясь отыскать на ней ответ на заданный мною вопрос.

- Мы всегда только повторяем то, что делали уже до нас. По-моему, лучше всего следовать примеру своих отцов и отцов их отцов.

- Но кому-то приходится начинать. У всего было свое начало.

Она бросила на меня сердитый взгляд. Я позволил себе усомниться в разумности традиций ее мира, который она так любила.

- Ты на самом деле думаешь, что мы сможем добраться до вершины? - спросила она, немного поостыв.

- Да, если возьмемся за дело сообща.

Она еще раз с сомнением осмотрела возвышавшуюся перед нами каменную стену. Утесы на самом деле выглядели внушительно, но, на мой взгляд, даже малоопытный альпинист мог при желании добраться до их вершин. Неужели я не смогу сделать того, что по силам какому-то новичку?

Ава перевела взгляд на поле золотистых колосьев. Неожиданно она улыбнулась.

- Что же, - заметила она, - пожалуй, я тоже не прочь увидеть мир сверху...

Нам потребовалось более двух часов, чтобы добраться до вершины, и в конце концов мы добились своего.

Вид, открывавшийся сверху, стоил таких усилий.

Ава была потрясена. Перед нашими глазами лежали бесчисленные долины, прорезавшие горный массив, словно гигантские трещины. Сверкавшие серебром на солнце реки несли воды сквозь золотые поля созревающей ржи. Прямо позади нас величественная громада Арарата вздымалась в небо. Над его двуглавой вершиной расползлось облачко дыма. А далее, на север, там, где гора не закрывала обзор, все до самого горизонта покрывал ослепительно белый лед. Европа переживала ледниковый период.

- Как огромен мир! - воскликнула Ава. - Посмотри, какой маленькой кажется отсюда наша долина!

- Это только небольшая его часть, - поправил ее я.

Женщина вздрогнула и снова обратила свой взгляд на долину, лежащую у наших ног. Постепенно ее лицо утратило счастливое выражение.

- Что-нибудь опять не так, Ава? - осведомился я.

- Если бы мы с тобой могли жить отдельно от других, - начала она, поворачиваясь ко мне, - если бы сумели найти долину, где никто не живет... мы могли бы остаться там вдвоем навсегда.

У меня от удивления отвисла челюсть!

- Что ты сказала?

Увы, в ее языке еще не было слов, способных описать чувства.

- Орион, - произнесла она дрожащим голосом, - я хотела бы жить с тобой, быть твоей женщиной...

Я привлек ее к себе, и несколько минут мы стояли, прижавшись друг к другу, не решаясь разомкнуть наши объятия.

- Но это невозможно, - прошептала она еле слышно.

- Почему же невозможно? Мир велик и пустынен. Мы без труда отыщем необитаемую долину и построим в ней наш собственный дом.

Она подняла глаза, и я поцеловал ее. Не знаю, были ли приняты в каменном веке поцелуи, но она приняла его как нечто само собой разумеющееся. Но когда наши губы разомкнулись, в ее глазах стояли слезы.

- Я не могу остаться с тобой, Орион, - произнесла она печально. - Я женщина Дала и не должна оставлять его.

- Все возможно, если ты этого хочешь...

- Нет. Дал не вынесет позора. Он организует погоню за нами. Он убьет тебя, а меня уведет с собой.

- Он никогда не найдет нас, - возразил я, - а если и найдет, ему не по силам убить меня.

- Тогда тебе придется убить его ради меня.

- Мы можем уйти очень далеко...

Ава покачала головой и осторожно высвободилась из моих рук.

- Дал нуждается во мне. Он вождь племени, но как он сможет вести других, если собственная женщина бросит его? Он далеко не так уверен в себе, как кажется. По ночам, когда мы остаемся одни, он рассказывает мне о своих страхах и сомнениях. Он боится тебя, Орион. Но у него хватает мужества пересилить свой страх ради блага племени. Он ставит свою ответственность перед людьми выше собственного страха. Я должна последовать его примеру и жертвовать собой, хотя я и хочу быть с тобой.

- Что же остается делать мне? - спросил я, чувствуя, как во мне закипает гнев. - Что прикажешь делать мне?

Она заглянула в мои глаза:

- Ты сильный человек, Орион. Ты обладаешь силой, которой нет у других мужчин. Ты был послан сюда, чтобы помочь нам. Я знаю это наверняка. Что случится с остальными, если ты заберешь меня с собой? Такой поступок погубит Дала. Разве для этого ты пришел сюда?

При желании я нашел бы слова. Наконец, я мог просто схватить ее в охапку и унести с собой. Но я знал, что Ава убежит от меня при первом возможном случае или, еще хуже, возненавидит меня.

Отвернувшись от нее, я бросил взгляд на солнце, низко висевшее над горизонтом.

- Пора возвращаться, - пробормотал я. - Пошли, Ава.

29

Зерно набирало силу, и все обитатели долины с возрастающим нетерпением ожидали дня приближающейся жатвы. Все это время я держался в стороне от них, предоставив им полную возможность самим решать свои насущные проблемы. Я уже научил их всему, что знал, и от меня мало что зависело. Сейчас я просто ждал, так же, как и они. Но не начала жатвы. Я ждал следующего хода Аримана. Я знал, что он обязательно вернется. Я ждал, считая дни и часы, с трудом сдерживая собственное возбуждение.

Первым делом я тщательно прочесал всю долину, уделив особое внимание многочисленным пещерам, скрытым в толще горного массива. Увы, я не нашел ничего, кроме змей, летучих мышей и прочих представителей подземного мира. Занятие мое было далеко не безопасным. Среди обитателей нор могли оказаться и опасные хищники, встреча с которыми не сулила мне ничего хорошего. Несмотря на безуспешность моих поисков, я был твердо убежден, что Ариман по-прежнему находится поблизости и лишь выбирает наиболее удобное время для нового, хорошо спланированного нападения. Ормузд тоже больше не появлялся, то ли считая излишним снабжать меня дополнительной информацией, то ли не придавая особого значения надвигающимся событиям. Я оставался в полном одиночестве, наедине со своими мыслями и сомнениями.

Ава и та начала избегать меня. И чем реже я виделся с ней, тем все более частыми становились мои встречи с ее мужем. Последнее время он появлялся в моей хижине чуть ли не ежедневно. Первоначально я заподозрил, что он просто ищет повод затеять со мной ссору. Но, наблюдая за его неуклюжими попытками завязать со мной доверительный разговор, я пришел к выводу, что его намерения более серьезны и продуманны.

- В ближайшие дни настанет пора убирать зерно, - заметил он как-то, проходя мимо моей

хижины.

Я сидел на пороге, занятый изготовлением нового каменного ножа.

- Если не будет дождя, - продолжал он, - то дня через два мы начнем жатву.

- Неплохо, - буркнул я.

- Ты на самом деле так думаешь?

Я отложил нож в сторону.

- Тебя что-то беспокоит, Дал?

- Беспокоит? О нет, - произнес он торопливо, словно хотел убедить в этом самого себя. - И все же...

Не окончив фразы, он присел на землю рядом со мной.

- Могу я чем-то помочь тебе? - осведомился я.

Он начал рисовать пальцем в пыли узоры, словно растерявшийся школьник.

- У тебя возникли разногласия с Авой? - осторожно спросил я.

В его глазах сверкнула молния, но он тут же сумел взять себя в руки.

- Ты угадал, - подтвердил он. - Впрочем, это не удивительно, если учесть, что ты и сам приложил к этому руку. Ава думает, что мы должны остаться в этой долине навсегда.

Я предпочел воздержаться от комментариев.

- Она считает, что нам удастся сохранить животных в течение зимы, - быстро продолжал он, словно опасаясь, что у него не хватит решимости высказать все, что у него на душе, - а следующей весной засеять зерном все пригодные для пахоты участки долины.

Он бросил на меня осуждающий взгляд.

- Я говорил это и тебе, - возразил я, - точнее, я говорил это вам обоим.

- Вся беда в том, что она поверила тебе.

- А ты нет?

- Я не знаю, во что мне верить, Орион, - сказал он сокрушенно. - Нам здесь живется неплохо, спорить не приходится. На зиму мы можем перебраться в пещеры. Там будет и тепло и сухо.

- Верно, - согласился я.

- Но наши предки никогда не поступали таким образом, - возразил он потерянно. - Почему мы должны отказаться от традиций наших отцов?

- Ваши отцы тоже не всегда вели кочевой образ жизни, - заметил я. - Много-много лет назад они жили в теплых странах и питались в основном фруктами, не заботясь о хлебе насущном.

Скептическое выражение его лица недвусмысленно подсказало, что он не поверил мне.

- Почему же они оставили свой райский уголок?

- Они были вынуждены так поступить, когда климат изменился, - объяснил я. - Деревья перестали плодоносить. Им не оставалось ничего другого, как покинуть обжитые места. С того времени они стали вести кочевой образ жизни, следуя за стадами животных.

- Но каждый год поголовье животных сокращалось, - пробормотал Дал, занятый собственными мыслями. - Старейшины рассказывают, что много лет назад кабанов и оленей было гораздо больше, чем теперь. Каждый год нам приходится уходить на охоту все дальше от стойбища, а добыча становится все скудней.

- Но есть еще зерно, - заметил я, указывая рукой в направлении поля ржи. - Да и прирученные вами животные обеспечат вас мясом и молоком, если вы будете хорошо ухаживать за ними зимой.

- Урожай хорош, - согласился Дал, медленно выговаривая слова, - у нас будет много зерна, еды, и еще останется кое-что для приготовления напитка, позволяющего человеку почувствовать себя птицей.

Хлеб и пиво. Два основных продукта первобытного земледельца. Я задумался над тем, какой из них более важен с точки зрения Дала, и решил, что скорее последний.

- Тогда почему бы вам действительно не остаться здесь на зиму, если виды на урожай столь хороши. Вы сможете сложить зерно в пещерах после того, как оно будет обмолочено. А солому пустите на корм скоту.

- Но что скажут духи наших отцов, - простонал Дал, - если мы отступим от их обычаев? Как они будут чувствовать себя, если мы изберем для себя новую дорогу?

Я пожал плечами:

- Думаю, они будут только довольны, узнав, что вы стали жить лучше, чем они.

- Старейшины опасаются, что зерно не даст всходов, если мы останемся здесь на зиму.

- А почему бы ему не взойти?

- Дух зерна может быть недоволен тем, что мы наблюдаем за ним.

Я мысленно обругал себя за то, что в своих расчетах не учел естественного консерватизма старшего поколения.

- Солнце светит, дождь идет, а рожь растет вне зависимости от присутствия человека, - возразил я.

- Охота лучше, - продолжал твердить свое Дал. - Мы всегда жили за счет охоты.

Я понимал его. Ведь я замахнулся ни больше ни меньше как на привычный для него образ жизни. Его пугали новые идеи, над которыми я заставил его задуматься. Бесчисленные поколения его предков были охотниками. И ничего другого не знали. Я же предлагал ему начать все сначала, заняться земледелием и скотоводством.

Переход к оседлому образу жизни должен был стать для человечества первым шагом к полному покорению планеты. Но за всякое новое завоевание приходилось платить. Часто неизмеримо большую цену. Но это уже называлось платой за выживание.

Было ли это условие составной частью плана Ормузда и имелся ли у него вообще какой-нибудь план? Или он просто хотел любой ценой оградить себя от происков Князя Тьмы? В какой-то момент, наблюдая за озабоченным, удрученным лицом Дала, я едва не поддался слабости и не посоветовал ему забыть все мои советы и жить так, как ему нравится. Но я вовремя вспомнил о мальчишке, умершем от простой инфекции, о полуголодной, полной опасности жизни, которую приходится вести этим людям во время своих бесконечных скитаний, о возрасте, в котором им приходится умирать. Лучшего подарка Ариману я, наверное, не мог бы сделать.

- Конечно, охота всегда была основой вашей жизни, - согласился я, - но ведь жить можно по-разному. Хуже или лучше. Охота далеко не самый надежный способ добывать себе пропитание.

Боюсь, что мои слова не убедили его. Прямота, честность и простая порядочность мешали Далу принять решение, в правильности которого он был до конца не уверен.

- Ава считает, что мы должны остаться, - пробормотал он, - но старейшины думают иначе.

- Поговори с людьми, - сказал я, кладя руку ему на плечо. - Посоветуйся с представителями других племен. Расскажи им о своих планах. Если сочтешь нужным, я сам могу поговорить с ними.

- Пожалуй, я так и сделаю, - сказал Дал, поднимаясь с места и разминая затекшие ноги. - Я передам им твои слова.

Может показаться невероятным, но Далу потребовалось почти трое суток, чтобы договориться обо всех условиях предстоящей встречи. Я был неприятно поражен, наблюдая воочию все прелести древней бюрократии. Каждое племя должно было предварительно самостоятельно решить, примет ли вообще участие в этой встрече, после чего старейшины приступали к обсуждению регламента общего собрания, руководствуясь одними из известных им прецедентами вековой давности. Согласовывалось буквально все: кто и где должен сидеть, кому поручить сооружение общего костра и в каком порядке давать возможность высказаться.

Наконец все взрослое население долины собралось вокруг огромного костра, неподалеку от хижин племени Козы. Церемония растянулась на много часов. Один за другим подымались и многословно повествовали старейшины о героической истории своих племен, после чего исполнялись песни, прославлявшие достоинства и доблесть неустрашимых предков.

Когда ритуальная часть собрания подошла к концу и настала очередь Дала изложить свое предложение, уже совсем стемнело. На небосклоне зажглись звезды, предвещавшие скорое наступление осени. Я отыскал созвездие, имя которого носил, хотя его конфигурация заметно отличалась от той, какую я помнил по другим эпохам. Воображаемая фигура охотника клонилась вправо, а на его плече сверкали четыре крупных звезды вместо положенных трех.

Дал был неважным оратором; впрочем, он и не пытался убеждать своих сородичей, ограничившись изложением сути моего предложения.

Его речь выслушали с приличествующим вниманием, хотя я видел, что большинство старейшин отнеслись к ней скептически.

- Если вы захотите услышать слова самого Ориона, - закончил Дал, - он готов удовлетворить

ваше желание. Это его идея, и, возможно, он лучше меня сумеет рассказать вам о достоинствах своего плана.

Человек из племени Волка вскочил на ноги, едва Дал опустился на место.

- Мы не собираемся оставаться здесь на зиму. Изменив нашим обычаям, мы рискуем вызвать гнев предков. Духи уйдут из долины, и зерно перестанет давать всходы.

Я встал и вышел на освещенное место, чтобы все присутствующие могли ясно видеть мое лицо. Я хотел дать им понять, что я все-таки человек, а не сорокарукий монстр, именем которого они пугали своих детей.

- Это я, Орион, - сказал я. - Я люблю охоту не меньше любого из вас. Но я знаю, что существует и другая жизнь, более сытая и менее опасная. Если вы решите, что...

Больше я не успел произнести ни слова. Взрыв диких, нечеловеческих воплей вокруг нас, казалось, разорвал ночь. Вылетевшее из темноты копьё вонзилось в землю у самых моих ног. Освещенные пламенем костра, мы представляли собой превосходную мишень. Первые ужасающие результаты внезапного нападения стали видны немедленно. Не менее двух десятков мужчин и женщин, пронзенных копьями, уже лежали на земле около костра. Неожиданно зарево огромного пожара осветило местность на добрую милю вокруг нас. Перепуганные люди бросились к своим хижинам.

Но Дала не так просто было испугать.

- Они подожгли зерно! - крикнул он. - К оружию, братья!

Наконец-то мне удалось рассмотреть наших противников. Не менее двух сотен безобразных, устрашающе раскрашенных нагих полулюдей-полуживотных, размахивая факелами и копьями, окружили нас.

- Демоны, - прошептала Ава, парализованная ужасом.

Первым опомнился Дал. Вырвав копьё из тела своего умирающего сородича, он бросился навстречу неприятелю. Ава, не раздумывая, последовала за мужем. Еще одно копьё просвистело в нескольких дюймах от моей головы. На моих глазах трое воинов ворвались в одну из хижин, откуда мгновение спустя раздались крики ужаса и боли, издаваемые перепуганными детьми.

Все произошло почти мгновенно. Ударом кулака отшвырнув двух „демонов“, попытавшихся остановить меня, я нырнул в свою хижину и сорвал со стены лук и колчан со стрелами. Снаружи, перекрывая шум сражения, доносился рев Дала, созывавшего своих воинов.

Когда я снова выскочил наружу, еще один размалеванный чужак бросился на меня. Хладнокровно, словно на тренировке, я сделал шаг в сторону и ударом ладони перебил ему шею. Перескочив через него, я бросился в гущу битвы. Несмотря на отчаянность нашего положения, я испытывал радостное возбуждение. Ожидание закончилось, пришло время сражаться. Первый же мой выстрел оказался удачным. Стрела попала в глаз одному из нападавших и повергла его на землю. Слева от меня Дал и Ава пытались сдержать натиск четырех вооруженных копьями воинов противника. Я бросился им на помощь. В считанные секунды Далу и мне удалось отправить обратно в ад еще двух свирепых „демонов“. Ава, словно заправский фехтовальщик, лихо упала на одно колено и нанесла страшный колющий удар копьем в живот своего противника. Завопив от боли, воин свалился прямо на нее, но она ловко

вывернулась из-под упавшего тела и присоединилась к нам в тот самый момент, когда я разделался с четвертым врагом.

Немало наших товарищей уже лежало на земле вокруг нас, но большая часть из них продолжала сражаться. Враги почувствовали их решимость и начали медленно подаваться назад. Отступая, они бросали свои факелы и один за другим исчезали в темноте.

Гнев и ненависть гнали меня вперед. Кровавая пелена застилала глаза. Выпустив все свои стрелы, я отбросил бесполезный лук в сторону и, подняв лежавшее на земле копьё, продолжал преследовать разбежавшихся в панике чужаков. За своей спиной я слышал победные крики Дала и его товарищей.

Дал, успевший собрать вокруг себя оставшихся в живых соплеменников, первым прекратил преследование и занялся тушением пожара. Краем глаза я заметил Аву, призывавшую меня присоединиться к ним. Но я уже не мог остановиться. Я бежал к пещерам, где, по моему глубокому убеждению, находилось логово Аримана, организатора и вдохновителя коварного кровавого набега. Я чувствовал, что должен найти и убить его, как только что убивал его сторонников.

У подножия утесов было тихо и темно. Шум и огни сражения остались позади. Я остановился и прислушался. До меня доносилось тяжелое дыхание по меньшей мере пяти воинов, судя по всему намеревавшихся взять меня в кольцо. Я продолжал двигаться, делая вид, что не замечаю их присутствия. Но в тот момент, когда они разом бросились на меня, я резко повернулся вокруг своей оси, действуя древком копья, как косой. Удары по ногам сделали свое дело. Трое нападавших рухнули на землю. Пронзив копьем грудь одного из оставшихся на ногах воинов, я голыми руками свернул шею его лежавшим на земле товарищам, тогда как последний кинулся бежать со всех ног, не думая уже ни о чем, кроме спасения собственной шкуры.

Я подобрал с земли три копья и направился к ближайшей пещере.

Рычание пещерного медведя несколько охладило мой пыл, но именно оно и спасло мне жизнь. Если бы зверь напал бесшумно из темноты, едва ли я имел бы хоть малейший шанс устоять против его могучих клыков и лап. Для меня он бил только животным, защищавшим свою берлогу. Я не испытывал ненависти к нему, подобно той, какую чувствовал по отношению к раскрашенным „демонам“, напавшим на наш лагерь. Но и выбора у меня не было. Мне оставалось только убить или быть убитым. Стоит ли говорить, что я предпочел первый вариант? Мне повезло. Два моих копья, брошенных одно за другим, попали в цель. Одно из них, по-видимому, пронзило сердце зверя, поскольку он умер почти мгновенно. Перебравшись через тушу животного, я вошел в пещеру.

Оказавшись в полной темноте, я остановился. Ариман прятался где-то поблизости. Я почти физически ощущал его присутствие. Возможно, он и натравил на меня пещерного медведя, как в свое время приказал крысам перегрызть горло беззащитной Ареты.

Без колебаний я направился в дальний конец пещеры. Зрение было совершенно бесполезно в царившей здесь кромешной темноте. Приходилось двигаться на ощупь. Внезапно яркая вспышка света ослепила и почти парализовала меня. Удар тяжелым предметом по голове довершил остальное.

Рухнув на каменный пол, я потерял сознание.

Вначале я почувствовал могильный холод и, открыв глаза, обнаружил, что нахожусь в ледяной пещере. Мерцающий бледно-голубой лед окружал меня со всех сторон. Ледяные stalactites, свисавшие с потолка, придавали обстановке фантастический, ирреальный вид. Судя по всему, мы находились где-то глубоко под землей. Лучшего места для убежища Князя Тьмы, наверное, невозможно было и придумать. Ариман сидел позади огромного пня, который он использовал вместо стола или, может быть, алтаря. Поверхность пня была настолько тщательно отполирована, что в ней, как в зеркале, отражалось его темное, грубое лицо, толстая шея и широкие плечи.

Я принял сидячее положение, прислонившись спиной к ледяной стене. Голова гудела. Прделав несколько дыхательных упражнений, я заставил свою кровь циркулировать быстрее и попытался расслабиться. Боль медленно начала отступать. Взор Князя Тьмы был направлен на полированную поверхность импровизированного стола, словно в глубине его он мог видеть вещи, недоступные взору простого смертного. Я слегка пошевелился. Мои руки и ноги остались свободны, и, судя по тому как мой организм реагировал на команды головного мозга, я не получил серьезных внутренних повреждений.

Ариман поднял голову и устремил на меня грозный взгляд. На этот раз он предстал передо мной, облаченный в странный металлический костюм, украшенный драгоценными камнями, весьма напоминавший скафандр космонавта. В пещере было достаточно светло, хотя я не заметил здесь ни одного источника света. Казалось, слабое сияние исходило прямо из стен и потолка пещеры.

- Биолюминесценция, - объяснил Ариман хриплым, больным голосом, заметив мой недоумевающий взгляд.

Я машинально кивнул скорее для того, чтобы проверить, как функционируют мои шейные позвонки, нежели реагируя на его слова.

- Твои люди быстро потушили пожар, - сообщил он. - Зерно было еще слишком сырым. Мне следовало бы подождать еще неделю, тогда я добился бы успеха.

- Откуда вы взяли воинов? - поинтересовался я.

Самодовольная улыбка пробежала по его лицу.

- Это было совсем не сложно. Среди людей всегда найдутся желающие убивать и грабить. Странное понятие о доблести, но что взять с этих ублюдков? На их взгляд, связка отрубленных голов самый весомый аргумент в любом споре.

- Но ведь именно вы соблазнили их совершить набег.

- В этом не было необходимости. Убийство - неотъемлемая часть их жизни, оно у них в крови.

- Вы начинаете повторяться, - заметил я. - Кажется, дело идет к тому, что и здесь вы потерпите очередное фиаско. Скажите откровенно, вам не надоели вечные неудачи?

- Да, ты что-то такое говорил. По твоим словам, мы встречались уже дважды.

- Неужели вы не понимаете, что обречены, Ариман? Не в ваших силах затормозить прогресс человечества.

Движением руки он заставил меня проглотить конец моей нравоучительной сентенции.

- Однако ты самоуверен, Орион, - заметил он глухим голосом. - У тебя нет ни малейшего сомнения в своей победе. Тем хуже будет для тебя, когда настанет время подводить итоги.

- Ормузд...

Ариман презрительно осклабился.

- Ормузд - даже не настоящее имя того, чьим холопом ты, по сути дела, являешься. Впрочем, о чем тут говорить! Ормузд и Ариман не более чем условные образы, доступные для убогого сознания людей.

Все разраставшийся во мне гнев заставил меня забыть об осторожности.

- Я знаю достаточно, чтобы понять вашу цель, - выпалил я.

- По-моему, я и не скрываю, к чему стремлюсь! - небрежно бросил Ариман. - К сожалению, мне потребуется больше времени, чем я рассчитывал. Я не остановлюсь ни перед чем. Пусть Ормузд бьется над сохранением континуума. Мне нечего терять, ты понимаешь это, Орион? Мне нечего терять!

Его красные глаза, казалось, готовы были испепелить меня. Я чувствовал силу его гнева, его ненависти и чего-то еще, чего я не мог точно определить. Может быть, это была скорбь, вечная, непреходящая скорбь, страшная в своем нечеловеческом величии?

- Вы никогда не добьетесь своего, - резко заявил я. - Что бы вы ни делали. Ваша песенка спета.

- Неужели? - с иронией осведомился он.

- Вы обречены, - упрямо повторил я. - Никому не дано остановить прогресс человечества.

Он положил свои могучие руки на деревянный столик-алтарь и угрожающе наклонился вперед.

- Ты глупец, Орион. Что ты знаешь о времени? Из того, что тебе удавалось выиграть, когда мы встречались раньше в других местах и эпохах, - продолжал он, прежде чем я успел ответить, - отнюдь не следует, что ты и здесь обязательно добьешься успеха. Пойми же наконец, время подобно реке или скорее океану. Оно вечно находится в движении, поглощая одни земли и создавая другие. Оно способно меняться. Если я добьюсь успеха здесь, эпохи, в которых мы уже встречались, обратятся в первозданный хаос, а события, свидетелями которых ты был, никогда не произойдут.

Он замолчал и несколько минут задумчиво созерцал свои пальцы.

- Я не верю вам, - с трудом выдавил я.

Ариман равнодушно пожал плечами.

- У меня неплохие шансы победить, Орион. Думаю, на сей раз мне это удастся. И тогда все твои аргументы обратятся в ничто. Мы никогда уже больше не встретимся, о чем я, кстати, ничуть не жалею.

Тут наши чувства полностью совпадали.

- И ты понимаешь это не хуже меня. Все рано или поздно приходит на круги своя. Я уничтожу вас. Хомо сапиенс перестанет существовать. Никто не пожалеет об этом. Вы канете в небытие,

словно вас никогда и не было. Мой народ займет ваше место.

- Никогда, - вырвалось у меня, но так тихо, что я сам едва смог расслышать собственные слова.

- Твои протее не перейдут к оседлому образу жизни, - продолжал Ариман. - Люди останутся жалкой горсткой бродячих охотников, которые рано или поздно уничтожат сами себя в межплеменных войнах. Мне даже не придется прилагать особых усилий, чтобы все устроить. Достаточно позаботиться о том, чтобы пути нескольких племен пересеклись во время их скитаний. Врожденная кровожадность твоих сородичей довершит остальное.

- Племена далеко не всегда воюют между собой, - возразил я. - Они отлично уживаются вместе здесь, в долине.

- Только потому, что у них нет причин ссориться. Сейчас хватает еды для всех. Но долго так продолжаться не может. Популяция животных сокращается день ото дня. Твои сородичи подохнут с голоду, даже если предварительно не пережуют глотку друг другу.

- Они займутся сельским хозяйством.

- Не тешь себя иллюзиями, Орион. Я позабочусь, чтобы этого никогда не произошло. Люди обречены.

- Вы не сможете уничтожить всех.

- А мне и не надо так напрягаться. Холод сделает все лучше меня. Ледник еще покрывает значительную часть северного полушария. Мест, пригодных для обитания, не так уж и много. Мне некуда спешить. В моем распоряжении сколько угодно времени. Подумай об этом, Орион. Признай свое поражение.

Я промолчал, мрачно прикидывая свои шансы заставить его подавиться собственными словами.

- И в конце концов, - продолжал Ариман, очень довольный собой, - когда с людьми будет „окончено, континуум рухнет сам собой и ваша вселенная превратится в черную дыру.

Такого я уже не мог вынести. Я прыгнул на него. Он ждал этого, а возможно, и специально провоцировал меня на очередной безумный поступок. Удар в лицо остановил меня прежде, чем я успел добраться до его горла.

Первое, что я услышал, когда снова очнулся, был равномерный звук падавшей воды. Я лежал на холодных камнях в абсолютной темноте. Если я еще и не умер, то не слишком многим отличался от покойника. Попытавшись принять сидячее положение, я тут же больно ударился головой. Ощупав камни вокруг себя, я убедился, что нахожусь на узком карнизе, не больше двух футов шириной и меньше фута высотой.

Ариман исчез. Впрочем, я не ожидал ничего другого. Мой противник не хуже меня знал цену времени. Игра вступала в решающую фазу, где ставкой было само существование человечества.

Перевернувшись на живот, я попытался определить глубину пропасти слева от меня. После нескольких минут поисков мне удалось найти подходящий камень. Швырнув его вниз, я стал ждать. Прошло довольно много времени, прежде чем я услышал всплеск воды. Пропась была страшно глубока. Мне ничего не оставалось делать, как только ползти в единственно

доступном для меня направлении. Температура вокруг меня заметно повысилась. Судя по всему, я находился недалеко от места, где бурлила магма вулкана. Остановившись, я попытался обдумать положение, в котором оказался.

Что собрался предпринять Ариман? Ответ был достаточно очевиден. Уничтожить племя Козы. Но каким образом? Набег не принес успеха, и вряд ли следовало ожидать его повторения. Люди Дала будут теперь более осторожны. Но Ариман не мог не предусмотреть запасной вариант. Умел ли Князь Тьмы контролировать силы природы? Если да, то землетрясение стало бы для него наилучшим выходом.

Звук падавшей воды навел меня на новую мысль. Если Ариману с помощью огня магмы удастся растопить ледник Арарата, поток воды сметет все живое на своем пути. Долина уже никогда не станет центром будущей земледельческой цивилизации. Судя по нараставшему гулу, поток на дне пропасти становился все более бурным. Похоже, пока я размышлял, Ариман уже начал воплощать свой план в жизнь. Если я не приму срочных мер, вполне вероятно, мне придется стать первой его жертвой.

Смерть всегда страшила, сколько бы раз ни приходилось смотреть ей в лицо. Ормузд, вероятно, смог бы еще не раз воскресить меня, но чем больше я узнавал о Золотом боге, тем меньше уважения испытывал к нему. Обладай он достаточным могуществом, чтобы самому справиться с Ариманом, вряд ли ему потребовалась бы моя помощь. Спору нет, ему дважды удавалось вернуть меня к жизни и переместить в нужную для него точку пространственно-временного вектора, но он никогда не помогал мне. Обычно я оказывался один на один со своими проблемами. Ждать помощи от Ормузда было не менее нелепо, чем рассчитывать на милосердие Аримана. В этом отношении все боги очень похожи. Что мне оставалось делать?

Нащупав рукой край расщелины, я опустил в нее ноги и, оттолкнувшись обеими руками от края карниза, соскользнул в пустоту. Слава Богу, глубина потока оказалась вполне достаточной, чтобы я не переломал себе кости. Вынырнув на поверхность, я перевел дыхание и позволил течению самому нести меня туда, куда ему заблагорассудится. Через некоторое время, точно я определить затруднялся, течение принесло меня к скале, загораживавшей выход из туннеля. Подземная река уходила здесь в толщу горы, и одному Богу было известно, где находилось ее устье.

Но выбора у меня не оставалось. Долго не раздумывая, я, набрав полные легкие воздуха, поднырнул под скалу и позволил течению увлечь меня в бездну. Туннель оказался длиннее, чем я предполагал. Почувствовав, что, если я немедленно не приму срочных мер, мне придется умереть от удушья, я заставил свое сердце замедлить ритм, пока не впал в состояние, близкое к каталепсии.

Сколько я пробыл в таком состоянии, не берусь судить. Когда я очнулся, то обнаружил, что лежу на узкой полоске песчаного пляжа в огромной пещере, где подземная река выходила на поверхность. Но я был слишком слаб, чтобы должным образом оценить все последствия этого маленького чуда.

31

Несколько часов я оставался в неподвижности, безразлично наблюдая за узкой полоской солнечного света, пробивавшейся сквозь трещину в скале. Я был слишком слаб, чтобы просто думать, не говоря уже о том, чтобы отважиться на какие-либо активные действия. Но даже в своем полуобморочном состоянии я не мог не заметить, что уровень воды в естественном резервуаре у моих ног понемногу повышался, а ее температура становилась все более высокой.

Наконец, собравшись с силами, я поднялся на ноги и с трудом выбрался из пещеры.

Картину, представшую перед глазами, при всем желании трудно было назвать обнадеживающей. Воды подземной реки, заполнявшие гигантский отстойник, сдерживались лишь узкой перемычкой из глины, валунов и песка, способной прорваться в любую минуту. Огромная масса воды готова была обрушиться на долину, мирно дремавшую у моих ног.

Ариман рассчитал все предельно точно. У людей не оставалось ни малейших шансов на спасение. Нельзя было терять ни минуты. Спотыкаясь и падая на каждом шагу, я с трудом добрался до стойбища. Люди, собиравшие урожай, первыми заметили меня.

- Но это же Орион! - воскликнул один из жнецов. - Похоже, он восстал из мертвых.

Они бросили работу и собрались вокруг меня, предпочитая, однако, держаться на почтительном расстоянии. Я намеревался предупредить их об опасности, но усталость взяла свое. Я осел на землю и на несколько минут провалился в небытие.

Миловидное лицо Авы было первым, что я увидел, когда открыл глаза.

- Ты жив, - прошептала она.

- Да, - прохрипел я. - Но если не принять срочных мер, то скоро умру от голода.

Оглянувшись вокруг, я обнаружил, что нахожусь в собственной хижине. Кучка зевак толпилась у входа, ожидая моего пробуждения. Несколько горшков с зерном и тушеным мясом стояло у моего ложа.

- Где Дала? - спросил я, проглотив несколько кусков. - Мы должны немедленно убираться отсюда.

- Поешь еще немного, - взмолилась Ава. - Ты слишком слаб, чтобы вставать.

Она попыталась было силой заставить меня прилечь, но я понимал, что не могу позволить себе такую роскошь.

- Мне надо увидеть Дала, - повторил я.

- Где ты был, в царстве мертвых? - спросила одна из женщин.

Я раздраженно потряс головой, словно отгоняя назойливую муху, но она не унималась.

- Ты видел там моего сына? Его звали Микка, и вот уже четыре лета прошло с тех пор, как он умер от лихорадки.

Ава увела ее прочь, после чего снова подошла ко мне.

- Ты в самом деле был в стране мертвых, Орион? - спросила она.

Я не имел ни времени, ни желания переубеждать ее.

- Я должен немедленно видеть Дала, - повторил я. - Нам необходимо как можно быстрее убраться отсюда.

- Уйти из долины? Зачем? Ты сам все время утверждал...

- Ава, ради Бога, делай то, что я тебе говорю. С минуты на минуту здесь начнется светопреставление. Мы все утонем. Найди Дала и приведи его ко мне. Немедленно!

Она пожала плечами, но повторила мои слова стоявшим поблизости мужчинам.

- Дал ранен и уже три дня не встает с постели, - пояснила она.

- Серьезно?

- У него повреждена нога. Рана не слишком тяжелая. Но у него началась лихорадка.

„Опять инфекция“, - подумал я.

Я вскочил со своего места и направился к двери. Стоявшие на пороге мужчины в панике разбежались. Репутация человека, вернувшегося из страны мертвых, сослужила мне хорошую службу. Я направился в сторону хижины Дала, понимая, что, если немедленно не принять мер, очень скоро многим из присутствующих и правда придется отправиться в ту страну.

По дороге я обратил внимание на то, что обычно спокойная река грозила выйти из берегов. Струйка дыма над Араратом превратилась в столб пламени угрожающих размеров. Время от времени отчетливо ощущались слабые толчки почвы. Женщины, как всегда первыми, почувствовали признаки надвигающейся беды. Их молчание и страх были красноречивее всяких слов.

Двое подростков, находившихся в хижине, помогли Далу подняться на ноги, когда я появился на пороге. Его нога распухла, но явных признаков гангрены я не заметил.

- Усадите его на место, - распорядился я, - и уходите. Нам необходимо поговорить наедине.

- Мы все думали, что ты погиб, - произнес Дал, грустно улыбнувшись, едва мы остались одни.

- Как видишь, пока я еще жив, - сухо произнес я. - Но если мы хотим и дальше оставаться в живых, нам надо срочно убираться отсюда.

Дал недоуменно уставился на меня.

- Уйти из долины, сейчас? Но я думал...

- С минуты на минуту начнется наводнение, - объяснил я. - Сель сметет все на своем пути. В нашем распоряжении часы, может быть, даже минуты.

- Но ничего подобного никогда еще не происходило.

- Дал, - возразил я, стараясь говорить по возможности спокойно, - разве я когда-нибудь лгал тебе? Наводнение неизбежно. Лава растопила ледники Арарата. Мы все погибнем. Нам необходимо бежать. Немедленно! Сейчас!

Он бросил вопросительный взгляд на Аву.

- У нас нет времени для дискуссий, - предупредил я. - Передай своим людям и пошли кого-нибудь к вождям других племен сказать, чтобы все они немедленно покинули долину. В нашем распоряжении не больше часа.

- Тогда мы не успеем добраться даже до устья долины, - напомнила Ава. - Поток сметет нас,

когда мы будем спускаться по склону.

Пару секунд я обдумывал ее слова.

- Ава права, - согласился я. - У нас нет времени. В таком случае остается только один выход. Нам придется взобраться на утесы.

- Никто не может взобраться на утесы, - возразил Дал.

- Я покажу тебе, как это можно сделать.

- Но утесы неприступны. Мы не умеем летать.

- Мы сможем подняться, - вступила в разговор Ава. - Орион и я проделали это еще месяц назад.

Дал начал было возражать, но очередной мощный толчок вынудил нас прекратить препирательства. Одновременно он заставил и меня более трезво взглянуть на наше положение. С раненой ногой Дал и правда имел не много шансов подняться на вершину утеса. Раздался глухой взрыв, и над Араратом взметнулся огромный столб пламени. Ариман не бросал слов на ветер.

- У нас нет времени на размышления, - произнес я твердо. - Мы должны бросить все и уйти немедленно, если хотим остаться в живых.

Дал больше не колебался.

- Ава, собери старейшин, - приказал он. - Пошли людей в соседние селения. Не тратьте времени на сборы. Берите только самое необходимое.

- Но я не могу оставить тебя.

Дал указал на свою распухшую ногу.

- Мне никогда не подняться на утесы. Оставь меня.

Я понимал, что он прав. Передо мной стояла практически невыполнимая задача: заставить более сотни мужчин, женщин и детей, не знакомых даже с основами скалолазания, подняться по почти отвесной скале на высоту более трехсот футов. Что было говорить о человеке, едва способном передвигать ноги? Но я не мог оставить его умирать в одиночестве хотя бы ради Авы. Я на секунду задумался. При своей храбрости Дал явно испугался и даже не пытался скрыть этого. Он без колебаний пожертвовал бы жизнью ради своих соплеменников, но перспектива умереть в одиночку пугала его. Выбирать не приходилось. Подойдя вплотную, я заставил его подняться на ноги.

- Положи правую руку мне на плечо, - приказал я, обхватив его за талию.

- Ты не можешь...

- Помолчи, - посоветовал я. - Это самое лучшее, что ты можешь сейчас сделать. У нас нет времени на споры.

Спотыкаясь, мы вышли из хижины. Подростки предупредили о надвигающейся опасности людей других племен. Женщины собирали остатки еды и одежду, мужчины - оружие и

инструменты.

- Но что будет с нашим зерном? - воскликнула Ава.

- Поток смоеет его.

- Нет!

От страшного подземного толчка она упала на землю, что и положило конец пререканиям. Арарат зашатался. Мутный ручей мгновенно превратился в стремительный поток, сметавший все на своем пути.

- За мной, - крикнул я собравшимся вокруг перепуганным, растерянным людям.

- Слушайте Ориона, - повторил Дал. - Только он может сейчас спасти нас.

Мы направились к утесам, прочь от бурного потока, угрожавшего нам. Я взвалил Дала на плечи и понес его, твердо решив или спастись, или погибнуть вместе с ним. Испуганные люди из других племен постепенно примкнули к нам.

К моим заботам прибавилась еще одна. Я потерял из виду Аву. Добравшись до подножия утесов, я послал двух подростков за лианами, после чего мы втроем начали медленно карабкаться по отвесной стене. К счастью, мальчики были слишком юными, чтобы оценить грозившую им опасность. Поднявшись наверх, я бросил взгляд на столпившихся внизу людей. Связав вместе несколько лиан, мы соорудили некое подобие лестницы, способной облегчить подъем раненых, женщин и детей.

Приказав мальчишкам оставаться на месте, я быстро спустился вниз, дабы помочь пребывавшим в нерешительности людям. Дал, со своей стороны, пытался, как мог, вдохнуть мужество в души своих испуганных соплеменников.

- Когда ты последний раз видел Аву? - крикнул я.

Он беспомощно развел руками. Но в ту же минуту я увидел ее и двух молоденьких девушек, которые несли на спине огромные мешки с зерном. Все трое были обнажены и представляли собой весьма соблазнительное зрелище. К сожалению, у меня не нашлось времени даже полюбоваться их стройными фигурками.

- Мы взяли с собой столько зерна, сколько смогли унести, - сообщила Ава, не обращая никакого внимания на свой внешний вид. - Семена, корешки. Мы поседем их будущей весной.

Я не мог не порадоваться за нее при виде такого спокойствия в критическую минуту. На что мог рассчитывать Ариман, воюя против подобных людей? Не Ной и не его дети, а невежественная дикарка спасла то, что должно было обеспечить процветание ее потомков в ближайшее столетие.

Вершина Арарата стала неузнаваемой. Собственно, вершины как таковой уже не существовало, кратер раскололся с восточной и южной стороны, а из разломов непрерывно изливалась раскаленная лава, стекая вниз двумя отдельными потоками. Над огромной воронкой висело облако дыма и пепла. Раскаты грома сливались с грохотом извержения вулкана. Из жерла кратера периодически вылетали раскаленные каменные глыбы и, взорвавшись в облаках, разлетались тысячами осколков, словно картечь.

Дал сидел на обломке скалы у основания каменной стены, наблюдая за тем, как его люди один за другим поднимаются на утес и оказываются в безопасном месте. Грязевой поток пронесся у самых его ног, сокрушая все на своем пути. Ариман постарался на совесть, но он недооценил мужества и жажды жизни своих противников.

- Торопитесь, торопитесь, торопитесь, - не уставал повторять я. Впрочем, в этом не было особой необходимости. Люди понимали, что речь идет об их спасении, и старались вовсю.

Когда большинство из них наконец достигло вершины, произошло то, чего я давно ожидал и опасался. Земля дрогнула, и чудовищный взрыв потряс окрестности. Вершина горы исчезла в облаке пламени. Люди в ужасе попадали. В поле моего зрения оказался Дал. Сидя на обломке скалы и опираясь на копьё, он молча наблюдал за чудовищным катаклизмом. Его люди были уже в безопасности, а что произойдет лично с ним, его не слишком волновало.

В моих ушах нарастал гул приближавшейся стеной кипящей воды.

32

С отчаянным криком я бросился к нему на помощь. Он протестующе поднял руку, но я, не слушая его возражений, обвязал его под мышками концом лианы, свисавшим с утеса.

- Используй копьё как костыль, - заорал я во весь голос, стараясь перекричать нарастающий шум потока. - Ни в коем случае не опирайся на большую ногу!

- Мне никогда не забраться туда, - крикнул он в ответ. - Спасай собственную жизнь, Орион!

- Если мы спасемся, то только вместе! Вперед!

Я подтащил его к основанию каменной стены и посадил на ближайшую скалу. Кто бы ни был в тот момент у другого конца каната, он, очевидно, догадался о моих намерениях и стал понемногу выбирать веревку. Я оставался рядом с Далом, стараясь по мере возможности облегчить ему подъем. Скала была скользкой от дождя, и несколько раз мне лишь чудом удалось избежать падения.

Мы успели проделать только четверть пути, когда поток кипящей воды достиг основания стены, обдав нас ливнем горячих брызг. Дал выронил копьё и закачался на конце веревки. Не обращая внимания на боль от ожогов, я поймал его одной рукой и помог удержаться. Дюйм за дюймом мы карабкались вверх по стене, все больше удаляясь от котла, бурлившего у наших ног.

Неожиданно до меня донесся голос Авы, отдававшей команды своим сородичам. Натяжение каната усилилось, и мы стали подниматься быстрее. Оставалось только надеяться, что проклятая лиана не лопнет от чрезмерной нагрузки. Наконец мы добрались до вершины утеса и бессильно свалились на камни у ног наших спасителей.

- С вами все в порядке? - раз за разом повторяла Ава. - С вами все в порядке?

Разумеется, она обращалась к Далу, но, во всяком случае, вопрос касался нас обоих. Я присел на камни и осмотрел свои ноги. Они покраснели и покрылись волдырями, но повреждения не показались мне слишком серьезными. Ава опустила на колени возле своего мужа и, достав сумку с травами, пыталась облегчить его страдания.

Дал повернулся ко мне.

- Ты спас мне жизнь, Орион, - произнес он.

- Так же, как ты однажды спас ее мне.

- Я обязан тебе жизнью, - повторил он.

- Ты обязан ею в первую очередь своим соплеменникам, - возразил я. - Да и им повезло с вождем. Найдете себе новую долину и обоснуетесь там навсегда.

- Мы так и сделаем, Орион, - подтвердила Ава. - Мы начнем новую жизнь, как ты и советовал нам.

Мне следовало обрадоваться их словам, но я не чувствовал ничего, кроме тупой боли в груди. Ведь Ава уйдет с Далом, и я снова останусь один. Я нагнулся над краем утеса и заглянул в зияющую бездну. Как мне показалось, уровень воды продолжал повышаться.

- Тебе лучше собрать своих людей, Дал, и уйти на более возвышенное место, пока вода не начнет спадать, - посоветовал я.

- Мы поднимемся выше в горы, - согласился Дал.

- Но горы шатаются и пылают, - возразила Ава.

- Гора не сможет причинить нам вреда, - произнес Дал, успевший уже обрести былую уверенность, - а когда потоп закончится, мы отправимся на поиски новой долины.

- Хорошо, - сказал я. - Дождь начинает понемногу стихать, так что вам лучше всего отправляться не мешкая.

- А ты, Орион? - спросила Ава.

- Я останусь здесь. Вы больше не нуждаетесь в моих советах.

- Но...

- Идите, - приказал я.

Она неохотно повиновалась. Охотники задержались совсем ненадолго, чтобы соорудить носилки для Дала и произнести короткие молитвы за души тех, кто навсегда остался в долине.

Я остался в одиночестве в ожидании события, которое, по моим расчетам, неизбежно должно было произойти. От некогда цветущей долины мало что осталось. Внизу по-прежнему бушевал поток, освещавшийся заревом от истекавшей из кратера лавы. Ариман неплохо поработал, но все же не достаточно хорошо, чтобы осуществить задуманное.

- Ты думаешь, что победил? - донесся до меня из темноты знакомый голос.

- Я знаю, что победил, - подчеркнул я, поворачиваясь в его сторону.

Могучая фигура Аримана появилась из мрака и нависла надо мной.

- В этой долине еще долго ничего не сможет расти, - продолжал он. - Твои жалкие людишки никогда не посмеют вернуться сюда.

- Им и незачем это делать, - прервал я его. - Они взяли семена с собой.

Его красные глаза гневно сверкнули.

- Что ты сказал?

- Я объяснил им принципы земледелия. Вы снова проиграли, Ариман. Охотники выживут, превратившись в скотоводов и земледельцев.

Он не стал оспаривать справедливость моих слов. Он даже не рассердился. Несколько минут он стоял молча, обдумывая и просчитывая возможные последствия того, что произошло.

- Вы получили мат, Владыка Тьмы, - произнес я. - Вам уже не остановить их. Вы сделали все, что могли, но они выстояли.

- С твоей помощью.

Я кивнул, соглашаясь.

- В последний раз, Орион!

Наклонившись надо мной, он обхватил меня могучими руками и поднял над головой.

- В последний раз! - прокричал он, собираясь швырнуть меня в кипящую воду.

Но в последнюю долю секунды мне все-таки удалось обхватить его бычьей шеей руками и, напрягая все силы, удержаться в таком положении. Несколько секунд мы балансировали на краю утеса, затем вместе рухнули в пропасть. Адская боль пронзила мое тело, когда мы окунулись в кипяток.

„Но мы победили, - успел подумать я, прежде чем пойти ко дну. - И может быть, на этот раз навсегда!“

Я испытал все ощущения человека, заживо брошенного в котел с кипящей водой. Последней мыслью, промелькнувшей у меня в голове, было страстное желание, чтобы на сей раз наша встреча с Владыкой Тьмы действительно оказалась последней.

Интерлюдия

Сероглазая богиня, называвшая себя Аней, вновь принявшая человеческий облик, стояла на вершине ледяного утеса. Только ее божественная сущность могла защитить ее от страшного холода, царившего вокруг. Далеко внизу у своих ног она видела множество людей и роботов, трудившихся над сооружением металлических башен, которые высоко вздымались к черному небу. Над ее головой висел величавый шар Сатурна. Она без труда могла различить три его небольших спутника, не говоря уже о грандиозных кольцах, особенно прекрасных на фоне беспредельного пространства космоса.

Аня почувствовала присутствие Золотого бога еще прежде, чем он принял человеческий облик. Она подождала, пока он не закончил трансформацию и не предстал перед ней на ледяном уступе в своем обычном, нестерпимо сверкавшем костюме.

- Ты не позволил мне остаться с ним, - воскликнула она, не в силах больше сдерживать свой гнев.

Ормузд даже не взглянул на нее. Вместо этого он с любопытством стал разглядывать строителей, находившихся на огромном расстоянии от него.

- Подумать только, мои творения сами стали творцами, - заметил он презрительно. - Но насколько несовершенны и как неуклюжи их роботы.

Аня знала, как он упрям, но не собиралась сдаваться.

- Ты заставил меня держаться в стороне от него, - произнесла она раздраженно. - Мне пришлось прожить всю жизнь с дикарями.

- Ну и как ты наслаждалась ею? - Золотой бог насмешливо улыбнулся. - Помнится, ты говорила, что полюбила их и готова прожить не одну, а сотни жизней рядом с ними.

- С ним! С Орионом!

- Никогда! - твердо объявил Ормузд. - Ты слишком привязалась к нему. И он к тебе. Я предупреждал тебя, что твое присутствие делает его более уязвимым. Я не могу допустить ничего подобного.

- Ты бессердечен, - воскликнула она. - Быть рядом с ним и не иметь возможности любить его... Это безжалостно по отношению к нему и ко мне!

- У него есть миссия, для осуществления которой я и сотворил его. Я не могу позволить ему отступить только потому, что гормоны переполняют его тело.

Аня хотела было возразить, но заколебалась и так и не произнесла ни слова. Золотой бог продолжал созерцать, как трудятся люди и роботы.

- Они называют этот мир Титаном, хотя и не испытывают особой любви к нему. Если бы не их смешные шлемы и скафандры, они бы мгновенно умерли от холода.

- Но ты сам заставил их явиться сюда, чтобы построить башни.

- Да, и когда они закончат работу, я дам им возможность изменить атмосферу планеты, чтобы сделать ее непроницаемой. Мои башни не должны быть обнаружены до поры до времени.

Аня в недоумении уставилась на него.

- Эти создания принадлежат к поколению, более близкому к Концу, - объяснил Ормузд. - Они - далекие предки тех людей, которым предстоит найти башни и поломать голову над их назначением.

- Так для чего же эти башни? Почему они строятся?

- Такова моя воля, конечно.

Она бросила на него разгневанный взгляд.

- Ваше самомнение становится совершенно невыносимым. Вы на самом деле возомнили себя богом, Ормузд.

Его улыбка слегка поблекла.

- Машины, находящиеся в башнях, способны произвести некоторые изменения в климате Земли. Планета переживет катаклизм, который люди потом назовут ледниковым периодом. Это часть моего плана. Князь Тьмы умеет управлять реками и вулканами. Я могу изменить излучение Солнца и климат Земли на сотни тысяч лет.

- И ты собираешься сохранить в тайне от людей эти знания?

- Да, они еще не готовы.

- Потому, что такова твоя воля, - закончила она за него.

- Взгляни, - прервал он ее. - Начинается прилив.

Аня знала, что он сознательно переменял тему разговора, чтобы прекратить спор. Но, вопреки собственному желанию, она была заморожена видом моря, состоявшего из жидкого аммиака, вздыбившегося, как гигантский зверь, и ринувшегося на ледяную равнину. Подчиняясь чудовищной силе притяжения Сатурна, оно покатило в сторону равнины, где люди и роботы строили свои сооружения. Ормузд и Аня наблюдали, как волны аммиака докатились до огромного каменного мола, построенного людьми для своей защиты, и, словно истощив свои силы, медленно отхлынули назад.

- Я отправляюсь к нему, - объявила Аня, нарушив затянувшееся молчание. - Ты не сможешь помешать мне.

- Я не позволю тебе ослабить его, - повторил Ормузд. - Его назначение - убить Аримана.

- Я помогу ему.

- Каким образом? Судя по всему, ты собираешься увлечь его за собой в некий придуманный тобой рай, где вы будете наслаждаться любовными утехами, пока Владыка Тьмы не уничтожит всех нас.

- Я помогу ему найти Аримана и убить его. Ты не дал ему достаточно силы, чтобы он мог один справиться с такой задачей. Но вдвоем мы сможем победить Владыку Тьмы.

Золотой бог некоторое время размышлял.

- Я могу отправиться туда и без твоего разрешения, - пригрозила она.

- Даже если ты решишься на столь безумный поступок, в моей власти не допустить, чтобы вы были вместе.

- Позволь мне помочь ему, - прошептала она, испуганная этой угрозой.

- Мне не нравится твоя привязанность к нему.

- Я вернусь к тебе, - пообещала она, - после того, как мы убьем Владыку Тьмы, если таково твое желание.

- Это мое требование.

- Следовательно, у меня нет выбора.

- И никогда не будет.

- Позволь мне вернуться к нему, - продолжала Аня умолять Золотого бога. - Прожить рядом с ним еще одну жизнь.
- Я допущу это только в том случае, если ты сможешь ему победить Владыку Тьмы.
- Обещаю.
- И затем вернешься ко мне.

Она молча кивнула.

Золотой бог сложил руки на груди и растворился в пространстве. Аня последовала его примеру. А далеко внизу тысячи людей и роботов продолжали трудиться над сооружениями, об истинном назначении которых даже не подозревали.

Часть четвертая

Война

33

Ощущение было такое, словно из чана с крутым кипятком я мгновенно погрузился в могильный холод. Открыв глаза, я обнаружил, что стою согнувшись в три погибели, стараясь противостоять напору ледяного ветра. Тысячи острых снежинок кололи мое лицо. Почву покрывал толстый слой льда. Сугробы, один выше другого, окружали меня со всех сторон. Ветер завывал с такой силой, что невозможно было слышать собственный голос. Мое лицо начало покрываться тонкой корочкой льда, с ресниц свисали сосульки.

Спотыкаясь и скользя по льду, я двинулся к единственному укрытию, которое я мог разглядеть в этом белом аду, - огромному сугробу, возвышавшемуся над снежной равниной в нескольких метрах от меня. Добравшись до укрытия, я присел на корточки, прислонившись спиной к твердому насту. От холода мне некуда было спрятаться, но по крайней мере здесь я спасся от порывов штормового ветра. Осмотрев себя, я обнаружил, что облачен в наряд, напоминавший доспехи средневекового воина, хотя материал, из которого он был сделан, скорее напоминал пластик, нежели металл. Только тут до меня дошло, что, если не считать слегка обмороженного лица, остальное мое тело находилось в относительном тепле. Тонкие перчатки настолько плотно облегли руки, что могли сойти за дополнительный слой моей собственной кожи, но тепло они сохраняли замечательно. Вероятно, мне полагался и защитный шлем, но искать его на покрытой снегом безбрежной равнине не имело смысла.

Так я просидел довольно долго. Путем обычных для себя манипуляций я усилил прилив крови к тканям лица, чем только отсрочил неизбежный конец. Мне предстояло либо найти себе настоящее убежище, либо погибнуть.

Но куда идти? Пурга все усиливалась, и я ничего не мог разглядеть далее чем в нескольких футах от себя. Куда меня на этот раз занесло? Исходя из собственного опыта, я знал, что двигался против течения времени, от будущего к прошлому, к Войне. В лучшем случае я находился в палеолите. Климатические условия как будто говорили в пользу последнего предположения, следовательно, я оказался в ледниковом периоде. Но что означала моя странная одежда? Уровень технологии, требуемой для ее изготовления, без сомнения достаточно высок. В разных местах своего костюма я обнаружил карманы, набитые электронными приборами, назначения которых я не мог даже понять. До сих пор мое обмундирование всегда соответствовало времени, в котором я оказывался. В ледниковом

периоде мне следовало носить меха.

Где же в таком случае я находился?

В принципе об этом можно было подумать и позднее. Сейчас на первом плане стояла проблема выживания. Я обследовал несколько различных приборов, прикрепленных к моему поясу. Один из них смутно напоминал переговорное устройство, нечто среднее между радиотелефоном и миниатюрным видео. Я попробовал нажать кнопки на пульте управления, окрашенные в разные цвета. Не произошло ровным счетом ничего. Я обследовал и другие предметы, но не нашел ни одной мало-мальски знакомой вещи. Кроме последней. Ее назначение было очевидным. Пистолет, хотя и неизвестной мне модели. Дуло заменял кристаллический стержень в металлической оболочке. Весило оружие немало, во всяком случае по стандартам двадцатого столетия. Очевидно, силовая батарея или какой-нибудь другой источник энергии находились внутри. Я поднял пистолет к небу и спустил курок. Из дула вырвался кроваво-красный столб пламени, настолько яркий, что в течение последующих нескольких секунд я вообще был не в состоянии что-либо разглядеть вокруг. Я выстрелил вторично, на этот раз предварительно закрыв глаза. Мощь моего оружия говорила сама за себя. У меня создалось впечатление, что выстрел из него легко бы прожег меня насквозь, а может быть, напрочь снес бы небольшой утес.

Когда я засунул пистолет в кобуру, мое внимание привлек слабый звук, напоминавший свист. Снова достав пистолет, я сразу обнаружил, что свистит не он. Сначала я решил, что у меня просто звенит в ушах, но, бросив взгляд на предметы, разложенные на снегу вокруг меня, заметил, что аппарат, напомнивший мне телефон, неожиданно ожил. Помимо звука, исходившего из миниатюрного микрофона, светилась и красная лампочка. Кто-то пытался связаться со мной. Я поочередно нажал все кнопки, но не добился желаемого эффекта. Убедившись в бесплодности своих попыток, я обошел вокруг сугроба, полагая, что ледяной барьер может экранировать связь. Звук то ослабевал, то возрастал до пронзительного свиста.

"Направленный луч", - решил я.

Скорее всего в моих руках находился своеобразный пеленгатор.

Я собрал остальные приборы и двинулся в том направлении, откуда звук слышался сильнее всего. Идти пришлось довольно долго, во всяком случае мне показалось, что я шел много часов. Волосы покрыла сплошная корка льда. Лицо скорее всего было обморожено. Каждый новый шаг давался мне все с большим трудом. Ветер все более крепчал. Но постепенно сквозь пургу стали проступать смутные очертания нагромождения скал. Направленный луч вел меня прямо к ним. Порывы ветра сорвали весь снег с обрывистых склонов, и они возвышались мрачной черной массой на фоне серого зимнего неба.

Каждые несколько минут я проверял правильность направления своего движения. Сбейся я сейчас с пути, и мои шансы добраться до цели оказались бы равны нулю. Мои ноги наливались свинцом. Больше всего мне хотелось лечь в мягкий, пушистый снег, закрыть глаза и забыться сном. Мне пришли на память изображения эскимосских собак, пережидających пургу, зарывшись глубоко в снег. Как мне хотелось последовать их примеру!

Даже теплые перчатки больше не спасали меня от холода. Несколько раз я ронял пеленгатор, и приходилось прилагать дополнительные усилия, чтобы откопать его из глубокого снега. Дышать с каждой минутой становилось все труднее. Ледяной ветер обжигал легкие. Наконец когда я в очередной раз уронил пеленгатор, то понял, что не смогу больше сделать ни шагу.

- Мне необходимо отдохнуть, - сказал я, обращаясь к лежавшему у моих ног прибору. Мне показалось, что его рубиновый зрачок насмешливо подмигнул мне. - Ладно, - проворчал я, подождав несколько секунд, - сделаю еще десять шагов. Затем, если ничего не обнаружу, вырою себе яму в снегу и немного посплю.

Я сделал десять шагов. Потом еще десять. Наконец, еще пять. Гранитный массив казался таким же далеким, как и прежде. Пурга превратилась в настоящий ураган.

- Делать нечего, - пробормотал я. - Придется остановиться.

В ту же секунду кроваво-красный столб пламени едва не снес мне голову. Я инстинктивно плюхнулся в снег, пытаюсь извлечь собственное оружие. Прозвучал второй выстрел.

"Кто там? Друзья или враги?" - спросил я себя и тут же невольно рассмеялся, осознав нелепость своего вопроса. Моими врагами были сейчас мороз, ветер, снег и лед. Любой человек, даже вооруженный, автоматически попадал в разряд друзей.

Я достал собственный пистолет и выстрелил в воздух. Столб пламени, несмотря на буйство урагана, можно было увидеть на расстоянии в несколько миль. Всмотревшись в гранитный массив, я увидел, что кто-то выстрелил в ответ. Собрав все силы, я направился в ту сторону.

Наконец на поверхности гранита я разглядел черное пятно, вход в пещеру. Несколько человек, одетых в ту же форму, что и я, стояли у наклонного лаза. Они тоже увидели меня и замахали руками, стараясь привлечь мое внимание, хотя и не покинули своего укрытия.

- Вы сумеете пройти, - крикнул один.

- Вам осталось всего несколько ярдов, - добавил другой.

Спотыкаясь, я побрел в их сторону, стараясь понять, какого черта никто из них не попытался помочь мне одолеть эти проклятые несколько ярдов. Впрочем, даже ощущение обиды и недоумения не шло ни в какое сравнение с той радостью, которую я испытывал. Поскользнувшись в последний раз, я съехал по твердой корке льда прямо в протянутые мне навстречу руки.

Они подхватили меня с обеих сторон и повели в глубь пещеры, весело переговариваясь между собой. Пещера была заполнена разнообразным оборудованием, но лично меня больше всего обрадовал большой электрический обогреватель.

- Однако, - сказал один из хозяев, - он не из нашего соединения.

Смех разом умолк, от бывшего радушия не осталось и следа. Затем посыпались недоуменные вопросы.

- Кто, черт побери, вы такой?

- К какому подразделению вы принадлежите?

- Первый раз слышу, что кто-то еще оперирует в нашем секторе!

- Отвечай, приятель, кто ты такой и откуда взялся?

Готовых ответов на их вопросы у меня, конечно, не было и быть не могло. Но в моем теле уже не осталось энергии даже для того, чтобы хотя бы задуматься об этом.

Мои глаза закрылись, и я провалился в темноту.

34

Когда я снова открыл глаза, то увидел высоко над собой потолок, сложенный из необработанных гранитных плит. Я пошевелил пальцами и, убедившись, что с ними все в порядке, слегка повернул голову. Все мое снаряжение исчезло. На мне не осталось ничего, кроме коротких трусов.

Но мне было тепло! Изумительное ощущение. Я наслаждался им несколько секунд, после чего приподнялся на локте и более внимательно осмотрелся. Я лежал на походной кровати, свободно висевшей в воздухе. Она напоминала гамак, но я не мог обнаружить никаких подпорок, поддерживавших ее в таком положении. Мои гостеприимные хозяева находились в глубине пещеры, занятые своими делами. Со своего места я видел только их спины. Большинство из них успели снять свои скафандры. Я насчитал семь мужчин и пять женщин, одетых в серые комбинезоны. Еще один человек сидел за столом, но его лицо было скрыто от меня спинами его товарищей.

- Как вы себя чувствуете?

Я так резко повернулся, услышав звук женского голоса, что мой гамак почти коснулся пола пещеры.

- Со мной все в порядке... я думаю.

Моя собеседница была красивой женщиной с белокурыми волосами и маленьким вздернутым носиком. Она приветливо улыбнулась мне.

- А вы счастливчик. Вначале, когда вы вломились сюда, я посчитала, что у вас тяжелое обморожение. Представьте себе, я ошиблась. Компьютер не обнаружил ничего подобного.

- Конечно счастливчик, - подтвердил я, что, на мой взгляд, вполне соответствовало действительности. Мне было тепло, я находился в безопасности и не испытывал даже чувства голода.

- Я ввела вам питательный раствор, пока вы спали, - улыбнулась женщина, словно прочитав мои мысли. - Что случилось с вашим шлемом? Вам повезло, что у вас при себе оказался аварийный коммуникатор. Да и идея подать сигнал бедствия при помощи пистолета оказалась весьма удачной. К какому соединению вы принадлежите?

Подняв руку, я попытался остановить град ее вопросов.

- Я думаю, что мог бы встать, если вы на секунду придержите эту штуку.

Она рассмеялась и ухватила одной рукой за упорно раскачивающуюся кровать.

- Эта штука очень практична. Все, что необходимо - гравитационный диск и кусок материи. Вся беда в том, что никто из штабных крыс даже не попробовал сам хоть разок поспать в ней.

Я выбрался из проклятого гамака, искренне радуясь тому обстоятельству, что снова оказался на твердой почве. Непосредственно под моим недавним ложем лежал на земле маленький металлический диск. Очевидно, он и являлся тем самым гравитационным прибором, который позволял куску материи свободно парить в воздухе.

- Меня зовут Рена, - представилась женщина, протягивая руку. - Специалист по биологическому оружию. Кроме того, в нашей группе я выполняю еще и обязанности врача.

Мы обменялись рукопожатием.

Невысокая - едва мне до плеча - Рена имела тонкую, хрупкую фигурку эльфа и прозрачные голубые глаза, мерцавшие словно горные ледники.

- Мое имя Орион, - сообщил я.

- Подразделение, специальность?

- Понятия не имею, - честно признался я, беспомощно разведя руками.

Улыбка на ее лице сменилась озабоченным выражением.

- Может быть, нам еще раз следует прибегнуть к помощи диагностического компьютера? У нас есть психоаналитическая программа.

- Рена, ради Бога, позволь ему одеться.

К нам подошел мужчина. На воротнике его комбинезона поблескивали серебряные знаки отличия, а на рукаве сияла эмблема с изображением молнии. На табличке на груди я прочитал его имя. Кедар. У него было мощное тело атлета, хотя, как я заметил, он слегка прихрамывал на левую ногу.

- Слушаюсь, сэр, - сказала Рена, вытягиваясь в струнку и отдавая ему честь.

Впрочем, подчеркнутое ударение на слове "сэр" придало ее словам слегка насмешливый оттенок. Женщина указала рукой в дальний угол пещеры, где стояли стеллажи с пластиковыми коробками.

- Комбинезоны в первом ряду, шлемы и снаряжение во втором. Берите, что вам понравится. Правда, выбор небольшой. О размере не беспокойтесь: он у нас на всех один.

Я подыскал себе пару комбинезонов. На вид они были явно малы мне, но после примерки выяснилось, что эластичный материал, из которого они сделаны, растягивается как угодно, оставляя человеку полную свободу движений.

Рена достала табличку из прозрачного карманчика на груди и написала на ней мое имя.

- Будьте осторожны с Кедаром, - прошептала она, возвращая ее мне. - Он у нас специалист по энергоносителям, но почему-то вообразил о себе невесть что.

Я поблагодарил ее за информацию, и мы вместе занялись подборкой мне нового скафандра и шлема. Закончив с экипировкой, мы присоединились к Кедару, который находился в центре пещеры.

- Ну что же, теперь вы по крайней мере похожи на человека, - заметил он, окидывая меня критическим взглядом с ног до головы.

- Идите за мной, Адена хочет задать вам несколько вопросов.

Я на пару секунд замешкался, не зная, что делать с грудой снаряжения, которое я продолжал

держат в руках. Рена пришла мне на помощь, без лишних слов просто забрав его у меня. Вещи едва уместились в ее руках, но это обстоятельствонисколько ее не смутило. Дружески подмигнув мне, она понесла их в сторону спального отделения пещеры.

Кедар подвел меня к столу, где по-прежнему толпилось большинство членов команды. В центре спиной ко мне стояла женщина, изучая карту на экране монитора.

- Познакомься с нашим гостем, Адена, - объявил Кедар.

Она повернулась в мою сторону, и сердце у меня екнуло. Это была она! Все такая же молодая и прекрасная, какой я впервые увидел ее в далеком будущем, разве что волосы ее оказались коротко острижены. Зато огромные серые глаза ничуть не изменились. Она бросила быстрый взгляд на табличку, висевшую у меня на груди.

- Орион? - произнесла она своим мелодичным, столь хорошо знакомым мне голосом.

Я кивнул, не в состоянии произнести ни слова.

Эмблема на плече Адены изображала сжатый кулак.

- Что вы делали в этом секторе? К какому подразделению вы принадлежите?

- Не знаю, - честно признался я. - Когда я очнулся, то лежал на ледяном плато в нескольких километрах отсюда. Я не могу припомнить ничего из того, что произошло со мной до этого момента...

"Если не считать других эпох, мест и жизней", - добавил я про себя.

Она нахмурилась.

- По-видимому, он не принадлежит к транспортной команде, - вступил в разговор Кедар.

- Надо думать, нет, - согласилась Адена. - Какая у вас специальность? - спросила она, снова поворачиваясь ко мне.

Я молча пожал плечами.

- Биотехника? Химия? Энергетика? Связь? - спросила она, слегка повышая голос.

- Но у вас должна быть какая-то специальность, солдат, - рявкнул Кедар.

- У меня специальное задание, - услышал я свой собственный голос. - Я ассасин.

- Кто? - не понял Кедар, бросив недоуменный взгляд на Адену.

- Мое задание найти Аримана и убить его, - объяснил я.

- Ариман? Но кто, черт побери, этот Ариман?

- В нашей команде нет никого с таким именем, - сказала Адена чуть более мягким голосом.

- Ариман не принадлежит к человеческому роду. Он разумен, но не настоящий человек. Темный, могучего сложения... - Я постарался дать им наиболее точный словесный портрет моего врага.

Чем дальше я говорил, тем больше возрастало их недоумение. Когда я умолк, Адена задала мне следующий вопрос:

- И ваше специальное задание состоит в том, чтобы найти его и убить?

- Да. Поэтому я был послан сюда.

- Кем?

- Ормуздом.

Они переглянулись. Очевидно, это имя им тоже ничего не говорило.

- Вы знаете Аримана, Владыку Тьмы? - спросил я. - Или хотя бы его местонахождение?

Кедар кисло улыбнулся.

- Подождите еще денек, Орион. Как только пурга прекратится, вы увидите столько существ, подобных тому, которое сейчас описали, что впечатлений хватит на всю оставшуюся жизнь.

- Я не понимаю вас.

- Разве вы не знаете, что мы находимся в состоянии войны с ними? - спросила Адена.

- Война? Но с кем?

- С существами, похожими на то, которое вы только что описали. Это их планета. Мы находимся здесь для того, чтобы уничтожить их.

- Но сейчас мы оторваны от наших основных сил, - добавил Кедар, прежде чем я успел перевести дыхание. - Сейчас они собираются в снегах. Там их сотни, может быть, тысячи. Как только ураган закончится, они атакуют нас. У них схожая с нами цель: мы хотим истребить их, а они - уничтожить нас.

Я пропустил все его слова мимо ушей. В голове у меня гудело только одно:

Война! Война! Война!

35

Адена и Кедар скоро потеряли ко мне всякий интерес. Много ли им было проку от человека, который либо спятил, либо притворялся, чтобы не принимать участия в новом сражении. Все их внимание переключилось на подготовку предстоявшей битвы и организацию защиты пещеры от вражеского нападения, которое, по их расчетам, должно произойти, как только утихнет ураган.

Однажды я рискнул выбраться наружу. Никто не препятствовал мне, хотя я и чувствовал колючие взгляды солдат, направленные мне в спину. Впрочем, непрекращавшийся ураган заставил меня быстро ретироваться и вернуться в комфорт - тепло пещеры.

Рена еще раз попробовала взять меня под свое покровительство. Она пригласила меня на небольшую пирушку, где несколько мужчин и женщин взялись приготовить мясные полуфабрикаты в некоем подобии микроволновой печи. Увы, из ее затеи ничего не вышло. Мы ели в угрюмом молчании. Покончив с едой, один за другим солдаты вернулись к своим

гамакам, где занялись проверкой оружия.

Единственной более или менее добродушной личностью в отряде был самый молодой из его участников, некто Марек, специалист по средствам связи. Он по собственной инициативе вызвался показать мне всю аппаратуру, находившуюся в его ведении.

- Эти твари ухитряются каким-то образом экранировать все наши передачи, - пожаловался он мне тихим, приятным голосом, которым совсем недавно объяснял основные принципы работы своей аппаратуры. - Не знаю, как им удастся, но делают они это чертовски хорошо.

- Твари? - переспросил я.

Кивнув головой в знак того, что я понял его правильно, он продолжал:

- А как их еще называть? Ребята с серой шкурой и красными глазами!

Он согнулся, свесив голову на грудь и опустив плечи, после чего сделал несколько шагов в мою сторону, придав своему лицу по возможности угрюмое и одновременно злое выражение. Он совсем неплохо изобразил Аримана, что было удивительно для худенького парнишки чуть больше восемнадцати лет от роду.

- Тем не менее, - продолжал Марек, принимая нормальный вид, - они успешно глушат наши передачи, так что мы даже не можем сообщить нашему командованию на орбите, в каком положении оказались.

- Итак, мы отрезаны, - констатировал я.

Он повесил голову, словно именно на нем лежала вся ответственность за перебои в работе радиоаппаратуры.

- Слава Богу, мы еще можем принимать практически все передачи сверху, - он многозначительно указал пальцем в потолок, - сводки погоды и всякое такое. Ну, конечно, самое главное для нас - это мультиспектральное сканирование, с помощью которого мы можем определить, где твари концентрируют свои силы.

Он указал на экран монитора и нажал несколько клавиш на пульте управления. На экране вспыхнул сделанный со спутника мелкомасштабный фотоснимок, на котором были отчетливо видны скопления облаков, определявших область распространения мощного циклона.

- А вот здесь находимся мы. - Марек указал в левый нижний участок экрана.

Нажав клавишу, он резко увеличил масштаб изображения. Мои глаза невольно расширились от удивления. Несмотря на то что часть экрана скрывали от наблюдателя густые облака, там, где поверхность планеты была доступна наблюдению со спутника, я мог различить очертания суши, показавшиеся мне до боли знакомыми. Длинный полуостров, имевший форму сапога, уходил в море. Без сомнения, я видел Италию, хотя очертания береговой линии несколько отличались от тех, которые я помнил по картам двадцатого столетия. Между Апеннинским полуостровом и Сицилией протянулась узкая полоска земли, которой предстояло исчезнуть лишь через много тысячелетий. На север от Италии весь материк представлял собой однообразную белую поверхность. Ледник покрывал большую часть Европы. Итак, я не ошибся в своих расчетах и находился в ледниковом периоде.

Марек слегка подтолкнул меня локтем.

- Насмотрелся? Ну, а теперь приготовься к худшему.

Он еще поиграл клавишами, и картинка на экране снова изменилась. Теперь на ней был изображен сравнительно небольшой участок покрытой льдом суши, над поверхностью которого возвышалось несколько серых гранитных пиков.

- Вот здесь наша пещера, - подсказал Марек, указывая на горный массив, расположенный ближе к центру экрана. - А теперь смотри внимательно. Сейчас увидишь позиции тварей.

На экране вспыхнуло скопление красных точек, охвативших плотным полукольцом фронтальную часть гранитного массива. По самой приблизительной оценке, их насчитывалось никак не меньше тысячи.

Мы были отрезаны от наших основных сил, противник, во много раз превосходивший нас численностью, по-видимому, ожидал лишь подходящего момента, чтобы начать массированную атаку.

Люди, собравшиеся в пещере, несмотря на свою молодость, уже принимали участие во многих сражениях. Они не тратили времени на пустые разговоры, отдавая предпочтение более полезным занятиям: ели, проверяли свое оружие, некоторые даже спали.

- Неплохо бы и нам поспать немного, пока на это есть еще время, - предложил Марек беззаботным тоном. - Ураган продлится еще никак не меньше шести часов. Твари не посмеют атаковать нас, пока он не закончится.

- Почему вы так уверены в этом?

На его лице появилось выражение крайнего изумления.

- Сколько лет вы служите? Можете ли вы припомнить хоть один случай, чтобы они решились атаковать в подобную погоду?

Поскольку я не знал, что ответить, то ограничился тем, что пожал плечами.

- Кроме того, вся территория перед пещерой находится под контролем сканеров. При проявлении малейшей активности противника мы будем тут же извещены об этом.

Несмотря на столь успокаивающее заявление, после того как я, поняв намек, удалился, Марек остался на своем посту, манипулируя клавишами в надежде тем или иным способом сообщить командованию о нашем местонахождении и сложившейся угрожающей обстановке.

По дороге я заметил Адену, в одиночестве стоявшую у входа в пещеру. Она уже успела надеть свое боевое снаряжение и, по-видимому, не разделяла спокойствия большинства своих товарищей, которые либо спали, либо притворялись спящими. В пещере стояла тишина, нарушаемая лишь треском электронной аппаратуры да завываниями ветра, доносившегося снаружи.

Кедар также находился на своем посту, рядом с целой батареей массивных зеленых цилиндров. Нетрудно было догадаться, что они и являлись силовой установкой, обеспечивавшей энергией боевое снаряжение отряда. Он бросил на меня подозрительный взгляд, когда я поднялся со своего места и направился к Адене, но не сказал ни слова.

- Вам бы лучше отдохнуть, - посоветовала Адена, прежде чем я успел открыть рот.

- Я вообще мало сплю, - возразил я, - и совсем не нуждаюсь в отдыхе.
- Нет ничего хуже ожидания, - вздохнула она. - Если бы у меня было побольше сил, я бы сделала вылазку и атаковала их прямо сейчас, пока они готовятся к нападению.
- Вы не помните меня? - прямо спросил я, посчитав излишним прибегать к дальнейшим уловкам.

Она повернулась в мою сторону.

- Разве мы встречались раньше?
- И не один раз.
- Вряд ли. - Она с сомнением покачала головой. - Я никогда не забываю своих друзей. Хотя...
- ...Мое лицо кажется вам знакомым, - закончил я за нее фразу.
- Верно, - согласилась она.
- Думайте, - приказал я, мобилизуя всю свою волю. - Мы встречались, и не один раз. Правда, очень давно... В будущем...
- В будущем?
- Вспомните племя дикарей, цветущую долину у подножия горы... Столицу варварской империи посреди бескрайней степи... Огромный город с многоэтажными зданиями, стоящий на берегу полноводной реки.

Адена была явно смущена.

- Вы сошли с ума, - прошептала она. - Ваши так называемые воспоминания - не более чем результат шока, полученного во время урагана, или, может быть, последствия старого ранения.
- Думайте! - настаивал я. - Закройте глаза и сконцентрируйте свое внимание на том, что приходит вам на ум, когда вы видите меня.

Она бросила на меня недоверчивый взгляд, но тем не менее послушно закрыла глаза. В свою очередь я удвоил свои усилия.

- И что же вы видите? - спросил я спустя пару минут.
- Водопад, - произнесла она неуверенно.
- Что еще?
- Ничего... степь, странно одетых людей... и... каких-то необыкновенных животных. Я еду на спине одного из них, а рядом... рядом... вы... едете рядом со мной...
- Продолжайте.
- Тварь. Очень крупный экземпляр. В пещере... нет, скорее туннеле...

Она замолчала, и ее тело напряглось.

"Крысы", - подумал я.

Адена дрожащей рукой коснулась своего горла.

- Это ужасно... они... они...

- Тогда мы оба умерли, - сказал я. - Но мы прожили не одну жизнь. Теперь вы знаете об этом.

- Кто же вы?

- Я Орион Охотник. Я ищу Аримана, Владыку Тьмы, того самого, который натравил на вас крыс. Я обязан его убить.

- Кто же послал вас?

- Ормузд, - ответил я.

Адена снова закрыла глаза, и мне показалось, что воздух вокруг нас засветился холодным серебряным светом. Краем глаза я мог видеть замершего Кедара, словно превратившегося в мраморную статую. Когда Адена снова открыла глаза, передо мной была уже другая женщина.

- Спасибо тебе, Орион, - произнесла она. - С моих глаз словно спала пелена. Я вспомнила все теперь. Я знаю даже больше тебя.

И снова мы оказались одни, вне времени и пространства, до которых, впрочем, мне не было никакого дела.

- Адена, - сказал я, - я солгал тебе.

- Ты? Мне? Но это невозможно. - Она недоверчиво улыбнулась.

- Или, иными словами, я не сказал тебе всей правды. Я говорил тебе, что послан сюда найти и убить Аримана.

- Я помню и знаю.

- И все-таки это далеко не главное. Хотя Ормузд действительно направил меня сюда выследить и убить Владыку Тьмы, подлинной причиной моего появления здесь было желание найти тебя. Много раз я встречал тебя, но Ормузд каждый раз разлучал нас.

- На этот раз все будет иначе, Орион.

- Я люблю тебя, Адена... Арета... Странно, я даже не знаю твоего настоящего имени.

- Пусть будет Адена. Оно ничуть не хуже любого другого и больше всего подходит для того времени, в котором мы находимся. Зато ты всегда Орион, постоянный и верный.

- Каким же мне быть еще, Адена?

- А я и люблю тебя таким и буду любить всегда.

Я готов был выбежать из пещеры и прокричать на весь мир о моем счастье. Чтобы и Ормузд

знал, что, вопреки всему его могуществу, я нашел женщину, которую любил и сумел завоевать ее любовь. Я хотел заключить Адену в объятия и никогда не выпускать ее из рук. Постоянно ощущать теплоту ее любви.

Вместо этого я просто стоял рядом с ней, парализованный сознанием свалившегося на меня счастья. Не посмел даже коснуться ее руки. Впрочем, мне было достаточно и того, что я наконец обрел ее.

- Орион, - сказала Адена, - ты многого еще не знаешь и еще большего не понимаешь. У того, кого ты знаешь под именем Ормузда, были свои причины действовать так по отношению к тебе.

- И, несомненно, по отношению к тебе тоже, - перебил я ее.

По ее губам скользнула легкая улыбка.

- Тем не менее я настояла на том, что должна быть здесь, рядом с тобой. Я добровольно приняла человеческий образ и стала обычной смертной женщиной. Я приняла его условия, и мне некого винить, кроме себя.

- А Ариман? Что ты скажешь о нем?

Ее лицо сделалось серьезным.

- Орион, любовь моя, поверь мне, знание всей правды не сделает тебя счастливым.

- Я хочу знать, - настаивал я. - Я имею право знать, кто я такой на самом деле и почему создан для подобной роли.

Она, соглашаясь; кивнула.

- Я понимаю тебя. Но не жди, что поймешь сразу.

- Скажи хоть что-нибудь, умоляю.

Адена указала на ледяную равнину, начинавшуюся у наших ног.

- Хорошо. Начнем с того, для чего мы находимся здесь. Наш отряд входит в состав ударной армии, целью которой является полное уничтожение противника. Мы должны очистить планету от тварей.

- И что будет потом?

- Всеу свое время, любимый. Но прежде чем ты и я встретимся у подножия Арарата, прежде чем посетим Каракорум и увидимся в Нью-Йорке, мы должны уничтожить всех тварей.

Я глубоко вздохнул:

- Ариман находится среди них?

- Конечно. Он один из их наиболее влиятельных вождей. И ему не хуже нас известно, что, если ему удастся помешать нам выполнить поручение Ормузда, он одержит полную и окончательную победу.

Несколько секунд я не мог произнести ни слова.

- Ты хочешь сказать, что если мы потерпим неудачу, то мы, все люди, ты и я, перестанем существовать?

- Ты угадал, Орион. На карту поставлено само существование человечества.

- Континуум будет разрушен? Наступит коллапс времени и пространства? Вселенная погибнет?

- Так думает Ормузд. И у него есть основания предполагать это.

- Предполагать?! - взорвался я. - Мы взялись за уничтожение целого народа из-за каких-то предположений?

Адена печально улыбнулась в ответ.

- Орион, я уже объясняла тебе, что ты пока многого не можешь понять. Я бы не стала просить тебя участвовать в этой войне, если бы не была уверена в ее необходимости. Прости меня, если можешь.

Ее улыбка угасила мой гнев, но не уничтожила моих сомнений.

- Кто же тогда ты? И Ормузд? - спросил я напряженно.

Она заставила меня замолчать, приложив кончики пальцев к моим губам.

- Я тоже человек, и я смертна, как и ты, Орион. Я не всегда была такой, но я избрала свой путь. Я могу чувствовать боль и умереть.

- Но в отличие от остальных ты будешь жить снова и снова.

- Так же, как и ты, Орион.

- А они?

- Каждый человек обладает способностью продолжить свое существование после смерти, но очень немногие догадываются о такой возможности. И еще меньше людей могут добиваться этого.

- Ты можешь?

- Конечно. Но не ты. Без вмешательства Ормузда ты прожил бы только одну жизнь и умер бы, как и другие, подобные тебе.

- Подобные мне, - повторил я горько. - Но тогда ты не подобна мне. Ты упомянула, что сама решила принять человеческий образ. Из этого следует, что ты - другая.

Печальная улыбка Адены сказала мне все, прежде чем сама она успела произнести хотя бы одно слово.

- Я одна из тех, кого люди в будущем нарекут своими богами, Орион. Они построят храмы в мою честь. Но я сама хочу быть простой женщиной. Я хочу остаться с тобой... если только Ормузд разрешит мне сделать это.

Я стоял и смотрел в ее бездонные серые глаза и одновременно видел весь мир в его бесконечном разнообразии, миллиарды звезд и галактик, атомы и электроны, саму суть материи, находившейся в процессе вечного созидания и изменения. Я не понимал и не мог понять всего, что видел, как Адена и предупреждала меня, но тем не менее верил каждому ее слову.

Я любил богиню, которой много тысячелетий спустя человечество поставит величественные храмы. Благодарное человечество, сотворенное руками богов.

Пусть будет все так, как ей угодно. Пусть существуют циклы творения, а колесо жизни продолжает совершать свой известный бег. Пусть континуум мироздания остается таким, как он есть, если она этого хочет. Что оставалось мне, кроме безоговорочного признания: я не могу позволить Ариману разрушить чертов континуум.

Серебристая аура, окружавшая нас, медленно погасла. Холодный ветер заставил меня содрогнуться. До меня донеслись приглушенные голоса наших солдат. Рука Кедара наконец опустилась на клавиши пульта управления. Время снова потекло как обычно.

- Направление ветра изменилось, - заметила Адена. - Через несколько часов он совсем стихнет. У нас есть еще какое-то время, чтобы подготовиться к обороне.

- Сколько же мы сможем продержаться? - поинтересовался я, снова возвращаясь к реальности.

- Сколько сможем...

- Но где же ваша армия? - не выдержал я. - Почему она не придет нам на помощь? Если ваши генералы видят с орбиты район концентрации сил противника, им нетрудно догадаться, где мы находимся.

- Увы, это последнее сражение, Орион, - ответила Адена после недолгого колебания. - Твари, собравшиеся на равнине, последние из живущих здесь.

- А мы? Ты хочешь сказать, горстка бойцов в пещере - все, что осталось от нашей армии?

- Мы единственные люди на Земле, - подтвердила она.

- А космические корабли на орбите? Почему они не могут высадить новый десант?

- Никаких кораблей нет, Орион. Нет ни кораблей, ни солдат, ни офицеров. Передачи, принимаемые Марекон, отправляются Ормуздом. Он не хочет, чтобы мы знали о том, что одиноки. Помощи не будет.

- Тогда я опять ничего не понимаю.

Горькая улыбка появилась на ее губах.

- Ты и не можешь понять, Орион. Я уже и так сказала тебе намного больше, чем разрешил мне Ормузд.

Адена замолчала и вернулась в пещеру. Сейчас она уже была не богиней, а всего лишь командиром последней горстки солдат разгромленной армии, загнанных в гибельную ловушку.

Я остался стоять у входа в пещеру, позволяя холодному ветру освежать мое разгоряченное лицо и почти наслаждаясь его ледяными укусами. Голова моя шла кругом, но из всех мыслей, бродивших в ней, сейчас реальное значение имела только одна. Где-то там среди ледяных полей затаился наш смертельный враг. В руках крошечной группы мужчин и женщин находится судьба континуума, судьба человечества. Победитель в предстоящей битве получит все: Землю, вселенную, право на жизнь.

- Орион!

Я резко повернулся и увидел Рену, стоящую в нескольких шагах от меня. Ее лицо показалось мне озабоченным. Надо отдать ей должное, она попыталась улыбнуться.

- Приказано надеть скафандры и проверить оружие.

Я кивнул головой и последовал за ней. Большинство солдат уже успели, по крайней мере частично, выполнить распоряжение своего командира. Рена и я начали торопливо одеваться. Защитные стекла шлемов были изготовлены из специального сплава, не позволявшего видеть лицо человека, находившегося внутри скафандра, и теперь каждый из нас мог различать своих товарищей лишь по именованным табличкам да знакам отличия.

Одевшись, мы направились в энергетический отсек, где Кедар лично пристегнул нам на спины силовые батареи, после чего мы присоединились к остальным защитникам пещеры, которые выстроились в шеренгу для получения оружия. Адена, командир группы, наблюдала со стороны, как Огун, исполнявший обязанности заведующего складом боеприпасов, вручал каждому солдату длинноствольные ружья и пистолеты, работавшие от энергетической системы обеспечения скафандра.

Когда очередь дошла до меня, он на секунду замешкался и бросил вопросительный взгляд на командира.

- Выдай ему пистолет, - приказала Адена. - Он поможет мне вести огонь из тяжелого орудия.

Полученный мною пистолет был точной копией того, с которым я впервые появился в пещере.

- У него есть собственная батарейка, - пояснила мне Рена, - но по правилам требуется, чтобы вы подсоединили его к энергосистеме скафандра. Это увеличит его дальность и продолжительность действия.

Я добросовестно выполнил все ее рекомендации. Она выглядела на удивление мило в своих доспехах, словно ребенок, решивший вдруг поиграть в войну. Но сейчас речь шла далеко не об игре, и каждый из нас хорошо понимал это.

Все наши ребята были испытанными солдатами, что становилось ясно хотя бы по тому, с какой тщательностью каждый из них выбирал позицию.

Я стоял в нерешительности у входа в пещеру, весьма слабо представляя себе, что мне надлежит делать. Между тем Рена, нажав несколько кнопок на пульте металлического ящика, стоявшего чуть в стороне от входа в пещеру, поднялась в воздух на высоту нескольких дюймов от пола и полетела в сторону выхода. Я как послушная собачка последовал за ней.

- Оставайтесь, - остановил меня строгий голос Огуна. - Идите за мной, - добавил он, направляясь в глубину пещеры. - Рена - специалист по бактериологическому оружию, - объяснил он, не дожидаясь моего вопроса. - Ее оборудование позволяет определить, каким

образом микробы и вирусы, носителями которых являются скоты, могут повредить нам. Мы уже потеряли немало хороших ребят, прежде чем поняли, чего нам следует опасаться.

- Их вирусы действуют мгновенно? - не веря своим ушам, переспросил я.

- Быстрее, чем вы успеете подумать об угрожающей вам опасности. Так что во избежание неприятностей загерметизируйте свой скафандр и пользуйтесь только воздухом из кондиционера, пока Рена не даст отбоя. Поняли?

- Слушаюсь, сэр!

По его лицу скользнуло некое подобие улыбки. Вопреки своей неприветливой внешности Огун был одним из самых заботливых офицеров в нашем отряде.

- Ну что же, - рявкнул он, когда мы пришли на место, - заберем эту штуку и вытащим ее на поверхность.

"Штука" оказалась огромной машиной, представлявшей собой странное сочетание трубок и спиралей и имевшей весьма отдаленное сходство с боевым оружием. Активировав гравитационные диски, Огун заставил громадину приподняться над каменным полом, после чего передвинуть ее в нужном направлении уже не составило особого труда.

- Вы уверены, что у пещеры только один выход? - осведомился я, пока мы толкали это фантастическое сооружение к выходу из пещеры.

- Вне всякого сомнения. Мы находимся здесь уже шесть дней, и командир лично проверила все туннели, которые идут из центральной пещеры. Все они заканчиваются тупиками, за исключением одного, который спускается к подземному озеру. Никто не сможет подобраться к нам оттуда.

Он был абсолютно уверен в своих словах, но его уверенность только усилила мои опасения. Я слишком хорошо помнил о способностях Аримана свободно проходить сквозь толщи горных пород и воды.

- Может быть, нам все же следует установить сенсор в том туннеле, - осторожно предложил я. - Скорее всего вы правы, но, если они все-таки найдут проход, прибор предупредит нас о нападении с тыла.

Мы подтащили оружие к установке Кедара. Отсалютовав офицеру, Огун предоставил тому полную возможность самому подсоединить оружие к силовой установке.

- Я всего лишь завскладом, а не командующий, - заявил Огун хмуро. - Я не думаю, а повинуюсь приказам. Кроме того, если они сумеют подобраться к нам с тыла, мы все одно обречены, сколько бы мер предосторожности ни приняли.

Услышав слова товарища, Кеदार бросил на него вопросительный взгляд.

- Орион предлагает установить сенсор в туннеле, выходящем к подземному озеру, - объяснил Огун.

Энергетик внимательно посмотрел на меня, и на какое-то мгновение мне показалось, что он - Дал, успевший сбрить свою рыжую бороду.

- Я поговорю с командиром на эту тему, - решил он. - Мне кажется, в его словах есть определенный смысл.

- Какой еще такой смысл? - недовольно проворчал Огун, достаточно громко, чтобы я смог расслышать.

Втроем мы подтащили орудие к выходу из пещеры. Находившиеся поблизости солдаты тут же начали сооружать перед ним бруствер из валявшихся рядом камней. Я взялся помогать им, пока Кедар и Огун возились с аккумуляторами. Рядом со мной трудился Марек. У нас получалось неплохо, хотя большую часть работы, естественно, приходилось делать мне. Даже в столь напряженный момент Марек ничуть не утратил своей обычной доброжелательности.

- Внимание, офицеры! - предупредил он меня, когда Огун и Кедар оказались поблизости от нас.

Я с трудом удержался от смеха. Все армии мира похожи одна на другую. Одни напрягают мускулы, другие работают мозгами. Впрочем, если позволяет обстановка, и те и другие охотно уклоняются от исполнения своих обязанностей. И всегда существует некто, стоящий над всеми. В нашем случае это была Адена.

- Ветер стихает, - предупредила она нас. - Приготовиться к атаке противника.

Адена стояла в нескольких ярдах от входа в пещеру, одетая в свои доспехи с откинутым защитным стеклом-забралом, точная копия средневекового полководца.

Я огляделся вокруг и понял, что снег наконец перестал идти. Возле входа в пещеру глубина снежного покрова не превышала двух-трех футов, но вниз по склону она была намного больше. Небо почти очистилось от облаков, хотя солнце еще не появилось.

- Всем занять свои места, - приказала Адена. - Атака последует с минуты на минуту.

Солдаты, как и положено, тут же выполнили приказание.

"Вымуштрованы что надо, - подумал я, - хотя в данном случае нам и это вряд ли поможет".

Огун дал мне необходимые инструкции по управлению тяжелым орудием. На поверку оно оказалось мощным лазером, перед которым знакомые мне аналогии двадцатого столетия казались не более чем детскими игрушками.

"Хорошенькое дельце, - подумал я, наклоняясь над пультом управления. - Откуда такая штука могла оказаться в ледниковом периоде?" Допустим, Ормузд умеет манипулировать временем и пространством. Без сомнения, в той или иной степени подобные фокусы под силу Ариману. Но откуда у людей плейстоцена, за сотню тысяч лет до сооружения пирамид Египта, подобная военная техника? Насколько мне было известно, археология отрицала возможность существования на Земле высокоразвитой протоцивилизации.

И кто же такие наши противники? Против кого мы собирались сейчас сражаться? Полулюди-полуживотные. Народ Аримана. Откуда они появились на нашей планете?

Я действительно не знал многого. Адена же предупредила меня, что я вряд ли почувствую себя счастливым, узнав всю правду. Что скрывалось за ее словами? Была ли наша небольшая группа частью армии, которую Ормузд послал в ледниковый период из какого-нибудь далекого будущего? Надо полагать, он прислал их сюда, чтобы помешать дикарям-агрессорам

уничтожить человечество? Но Марек в разговоре со мной упомянул о космическом корабле на орбите. Чего ради Ормузду понадобилось прибегать к подобным мерам, если он свободно оперировал временем и пространством?

Неожиданно страшная мысль пришла мне в голову. "А что, если сами люди были захватчиками, а твари, народ Аримана, – исконными обитателями планеты, защищавшими сейчас свои родные дома?" Мне едва не стало плохо от подобного предположения. Слава Богу, у меня не осталось времени рассуждать. Холодный голос Адены заставил меня позабыть обо всем.

- Они приближаются. Оружие к бою!

37

- Опустить щитки!

Вместе со всеми я повиновался приказу Адены и опустил забрало, слабый щелчок замка подтвердил, что я надежно изолирован от внешнего мира.

Небо уже очистилось от облаков, и его нежная голубизна соперничала с девственной белизной снега. Вокруг меня простиралась бесконечная ледяная пустыня. Ни дерево, ни скала не нарушали первозданной чистоты белого безмолвия. Я встал во весь рост, чтобы лучше рассмотреть поле грядущей битвы. У входа в пещеру Адена склонилась над экраном монитора, наблюдая за передвижениями неприятеля. Легкие вспышки на дисплее фиксировали перемещения приближавшихся к нам животных и тварей.

- Они поставили в авангард медведей, – бесстрастно информировала нас Адена. – Похоже, нам придется иметь дело и с волками, хотя на таком расстоянии нетрудно и ошибиться.

Я решил, что ослышался, и только какое-то время спустя до меня дошло, что колонны, маршировавшие в нашем направлении, состояли преимущественно из животных. Лисицы, волки и даже медведи шли четким строем, словно заправские солдаты. Небо почернело от огромного количества пернатых – орлов, ястребов и другой более мелкой птицы. Скоро я смог разглядеть и более мелких животных – росомах, барсуков и енотов. Казалось, вся фауна планеты ополчилась против нас. В задних рядах шагали гуманоиды, мускулистые мужчины с серой кожей, одетые в звериные шкуры. В одном ряду с мужчинами шли женщины, более миниатюрные, но не менее страшные в своей мрачной решимости. Все они были вооружены тяжелыми длинными копьями.

- Будьте наготове, – предупредила Адена. – Сейчас начнется самое интересное.

Я скорчился позади прозрачного пластикового щитка, прикрывавшего фронтальную часть лазера. Зрелище на самом деле было необычайное. На моих глазах строй животных неожиданно рассыпался, и они живой лавиной устремились в нашу сторону.

- Огонь! – скомандовала Адена.

В мановение ока ледяная равнина обратилась в крошечный ад. Луч лазера, словно гигантская коса, сметал все на своем пути, оставляя небольшие лужи воды и обугленные туши животных. К мощному гудению силовой установки добавился треск разрозненных выстрелов. Солдаты как могли отстреливались от пикировавших им на головы птиц. Несмотря на безусловное преимущество в вооружении, наше положение следовало назвать незавидным. Нападавших было слишком много. Часть животных сумела незаметно обойти нас с фланга и обрушилась на

нас в тот момент, когда мы меньше всего ожидали нападения. Огромный пещерный медведь буквально смял наши ряды, и одному Богу известно, чем бы все кончилось, если бы мне в последнюю минуту не удалось разнести ему голову выстрелом в упор. К моему глубокому сожалению, мое вмешательство не спасло бедняжки Рены, оказавшейся первой жертвой затянувшейся баталии. Все пространство вокруг входа в пещеру было завалено трупам животных. Казалось, еще немного, и нам не выдержать, но неожиданно я обнаружил, что сражаться, собственно, больше не с кем. Наши противники разом исчезли, словно повинувшись неведомому сигналу.

- Всем вернуться в пещеру! - распорядилась Адена.

Я поднял свое забрало и перевел дух. Насколько я мог судить, состояние остальных моих товарищей было ничуть не лучше.

- Ну и денек, - заметил я, увидев Адену, сидевшую без сил в двух шагах от меня. - Надеюсь, на сегодня все кончено?

Она устало покачала головой.

- Мы отбили только первую атаку, Орион. Они вернутся через несколько минут.

- Но это была настоящая бойня. Мы уничтожили несколько сотен врагов.

- Пока мы убиваем только животных, - поправила меня Адена. - Война идет на полное уничтожение, Орион. Твари послали против нас животных, чтобы заставить нас истощить энергоресурсы. Только после того, как они добьются своего, последует настоящая атака.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы осознать смысл сказанных ею слов.

- Ты хочешь сказать, что они будут снова и снова направлять на нас послушных им животных, пока наши батареи окончательно не истощатся?

- По крайней мере именно так они всегда поступали раньше.

- Тогда мы обречены?

- Это зависит от того, что иссякнет раньше: их запас пушечного мяса или наши энергетические мощности. Люди Аримана находятся в столь же отчаянном положении, что и мы. Ставка слишком велика. Мы или они. Других уже нет. От победы в этой последней битве зависит, кто будет править миром. Отныне и навсегда.

Наш разговор был прерван возгласом часового.

- Они возвращаются!

Все поспешили занять позиции. Тело Рены осталось лежать на каменном полу пещеры. Я поднял ее ружье и занял освободившееся место.

Четыре раза животные атаквали, и каждый раз мы отбрасывали их назад. Воздух вокруг нас пропитался запахом горелого мяса и шерсти. Над равниной висело облако дыма и пара. Силы обеих сторон были на исходе. Итог битвы зависел от того, кто дрогнет первым.

В середине дня Марек обошел строй солдат и вручил каждому по паре таблеток пищевых концентратов, которых вполне хватало, чтобы поддерживать силы человека в течение

двенадцати часов. Я с трудом сумел подавить приступ истеричного смеха. Вокруг нас лежало столько мяса, сколько, вероятно, мы не смогли бы съесть за всю жизнь, а нам приходилось поддерживать свои силы какими-то таблетками. Взяв себя в руки, я подошел к Адене.

- Сколько атак мы сможем еще отразить? - спросил я.

- Две наверняка. Может быть, три. У них хватит животных по меньшей мере на три, - уточнила она, бросив взгляд на экран сканера.

- Тогда мы должны изменить тактику.

- Что ты имеешь в виду?

- Вместо того чтобы тратить энергию на убийство бессловесных животных, мы должны сами атаковать неприятеля.

- Интересно, какими силами? - вмешался в разговор Марек, не скрывая своего скептического отношения к моей идее.

- Мы можем послать двух или трех добровольцев, чтобы атаковать неприятеля в его логове.

- Но это безумие! Их разорвут на части еще до того, как они успеют приблизиться.

- Этого можно избежать, если незаметно покинуть пещеру и зайти им в тыл.

- Как ты собираешься это сделать? - спросила Адена.

- Я прокрадусь вдоль подножия горного массива и обойду их с фланга.

- На это уйдет несколько часов, даже если они сразу не засекут вас, - возразил Марек.

- Знаю, - согласился я. - Мы не доберемся до их лагеря до наступления темноты.

- Может быть, будет лучше, если мы проделаем это ночью, - предложила Адена, - и атакуем их на рассвете? Мы можем использовать лазер, чтобы отвлечь их внимание от тебя.

- У них все преимущества, - возразил Марек. - Не забывай, что их животные способны видеть и в темноте.

- У нас есть сенсоры, - заметила Адена, - что по меньшей мере уравнивает наши шансы. Ты сам знаешь, они никогда не воют по ночам. В темноте преимущество будет все-таки на нашей стороне.

- Сомневаюсь.

- Оставь свои сомнения при себе. Орион, я принимаю твой план. Приходится идти на риск. Я подберу еще двух ребят, которые пойдут с нами.

- С нами?

- Конечно. Я иду с тобой.

- Ты не имеешь на это права, Адена, - вмешался в разговор Кедар. - Ты наш командир.

- У меня нет выбора. Орион еще чужой среди нас, и солдаты не пойдут за ним. За мной они последуют в огонь и в воду.

- Но все одно это слишком опасно...

- Знаю, но я не посылаю солдат на задание, которое не решилась бы выполнить сама, - отрезала Адена.

Переубеждать ее было бесполезно.

- Но что будет с нами, если ты погибнешь?

- Ты останешься за старшего на время моего отсутствия. На рассвете начнете обстрел. Не жалей энергии. К этому времени мы достигнем позиций, с которых сможем атаковать неприятеля с тыла.

- А если вы не успеете?

- Тогда... тогда думайте только о себе, - усмехнулась Адена. - Если мы не сумеем выполнить наш план до рассвета, это будет означать, что либо мы уже погибли, либо нам всем осталось жить всего несколько часов.

38

Насколько хорош или плох мой план, нам так и не суждено было узнать. Твари атаковали нас прежде, чем мы начали его осуществление. Их действия оказались для нас полной неожиданностью. Адена подобрала двух добровольцев, готовых идти за ней на край света, - могучего Огуна и Лизу, высокую пышнотелую красавицу, специалиста по взрывчатым веществам.

- Если нам удастся незаметно подобраться к лагерю, - объяснила мне свой выбор Адена, - Лиза сумеет уничтожить врагов одним ударом.

Когда солнце опустилось за горизонт, Адена приказала нам лечь спать, хотя сама не меньше любого из нас нуждалась в отдыхе. Возбуждение долго не давало мне уснуть, но, понимая всю сложность задания, которое предстояло выполнить, я заставил себя расслабиться и на какое-то время забылся в беспокойной, тяжелой дремоте. Если кто из нас и видел сны в эту ночь, то наверняка не смог бы припомнить ни одного из них. Я проснулся от странного запаха, заставившего меня открыть глаза. Потянув носом, я попытался принять сидячее положение. К моему удивлению, мускулы не повиновались мне, и я тут же рухнул на каменный пол рядом с Аденой, лежавшей в нескольких шагах от меня. С трудом поднявшись на ноги, я огляделся вокруг. Все мои товарищи, включая часовых, спали.

"Газ!" - понял я. Тем или иным способом твари сумели наполнить пещеру газом, и лишь счастливый случай спас нас от уготованной нам печальной судьбы.

Спотыкаясь на каждом шагу о распростертые на полу тела моих товарищей, я кое-как выбрался наружу и еще долго лежал на снегу, с наслаждением вдыхая чистый холодный воздух. Стояла тихая ночь. Когда я снова обрел возможность что-либо соображать, то пробрался обратно в пещеру и, отыскав в темноте свой шлем, водрузил его на голову. По крайней мере теперь лично я был в безопасности. Следовало подумать об остальных. Газовая атака являлась всего лишь прелюдией к настоящему нападению. Загерметизировав скафандры моих товарищей, я вернулся к выходу из пещеры, чтобы в случае необходимости в одиночку

встретить первый натиск неприятеля.

- Что случилось? - спустя несколько минут услышал я в наушниках слабый голос Адены.

- Твари атакуют нас с минуты на минуту, - сообщил я, но, увы, мое предупреждение уже запоздало.

Несколько массивных тварей выскочили из глубины пещеры и устремились в нашу сторону. Выхватив пистолет, я наугад выстрелил. Один из нападавших рухнул у ног Адены, видимо не ожидая такого отпора, остальные в беспорядке отступили в спасительную темноту туннеля.

Адена подобрала лежавшее рядом ружье и выпустила целую обойму вслед отступавшим. Ей повезло даже больше, чем мне. Четыре трупа остались лежать на земле в нескольких шагах друг от друга.

- Они все-таки нашли путь и напали на нас с тыла, - воскликнул я с досадой.

- Или, скорее, сделали его, - хладнокровно отозвалась Адена. - Мне следовало раньше прислушаться к твоим советам, но довольно об этом. У нас нет времени на сожаления. Они вернутся.

Мы оказались в ловушке. Пещера не была больше надежным укрытием. Из естественной крепости она превратилась в мышеловку. Винить в этом я мог только себя. Почему я поступил как полный идиот? Кому, как не мне, было судить о возможных шагах Аримана? Подземная камера двадцатого столетия. Храм в Каракоруме. Наконец, лабиринт у подножия Арарата. Пещеры всегда были излюбленным прибежищем Владыки Тьмы. И сейчас он снова прибег к старому, испытанному средству. Как я мог позволить ему захватить нас врасплох?

- Твари рассчитывали застать нас лежащими без сознания и не ожидали, что мы окажем сопротивление, - заметила Адена. - Теперь они поняли, что их план провалился. В следующий раз они атакуют нас сразу с двух сторон. Это их последний шанс. А для нас последнее испытание. Через несколько часов решится, кто - мы или они - будет править миром.

Сенсоры, расположенные у входа в пещеру, известили нас о приближении новой армии диких животных, двигавшихся под прикрытием темноты в нашу сторону.

Адена заняла место у пульта управления большого лазера.

- Орион, - распорядилась она. - Ты, Огун и Лиза прикройте нас с тыла. Надеюсь, противников у вас будет немного. Подземный ход не слишком велик, да и сил у них уже мало. В случае чего - зовите на помощь.

Щиток скрывал лицо Огуна, но я легко представил себе, какую кислую гримасу он скорчил при этих словах своего командира. Что касается Лизы, то она, напротив, была в восторге от нового задания.

- У меня достаточно взрывчатки, чтобы в случае необходимости похоронить всех тварей, - заявила она.

- Боюсь, что, если мы используем ее здесь, - возразил я мрачным тоном, - пещера станет нашей общей могилой.

- Кажется, вы правы, - согласилась она, немного поразмыслив.

Не тратя времени на разговоры, мы углубились в лабиринт туннелей, которые вели к подземному озеру.

- Мы только напрасно теряем время, - заметил недовольно Огун. - Мы уже не менее десятка раз обследовали все переходы. Здесь не может быть выхода наружу... Черт возьми, а это что такое?

Заглянув через его плечо, я обнаружил узкую шахту, вертикально уходившую в недра горы.

- Клянусь, вчера ее еще не было! - растерянно произнес он, опускаясь на колени и обследуя стенки узкого лаза. - Наверное, они прокопали его в то время, когда их подручные атаковали нас с фронта.

- Но сейчас здесь никого нет, - заметила Лиза.

Я наклонился и в свою очередь осмотрел шахту, показавшуюся мне бездонной.

- Они вернутся, - объявил Огун уверенно. - Иначе чего ради им было проделывать такой колоссальный труд.

Возможно, именно безапелляционность Огуна породила во мне дополнительные сомнения.

- Давайте вернемся и обследуем боковые туннели, - предложил я.

- Вернуться? Зачем? - возразил Огун. - Адена ясно приказала нам защищать пещеру с тыла.

- Я могу заминировать шахту, - предложила Лиза. - По крайней мере отсюда на нас не нападут.

- Мне кажется, что это ловушка, - предположил я. - Может быть, ее и использовали до недавнего времени, но думаю, сейчас они ведут новый подкоп, где-то между нами и пещерой. Они хотят отрезать нас от наших товарищей. Лиза, ставь свою мину, и возвращаемся как можно быстрее.

Мы вернулись в центральный туннель, где на земле еще лежали трупы четырех тварей. Почувствовав себя в относительной безопасности, я снял шлем и приложил ухо к стене. Моя догадка подтвердилась незамедлительно. Характерный стук инструментов, крушивших твердую породу, был слышен совершенно отчетливо. От наших противников нас отделяло в лучшем случае несколько футов.

Адена, успевшая передать пост у лазера своим солдатам, встретила меня хмуро.

- Твари ведут новый подкоп, - объяснил я. - Они атакуют нас, как только он будет готов.

Бросив на меня недоверчивый взгляд, она тем не менее отправилась за мной.

- Ты прав, - согласилась она, приложив ухо к стене. - Боюсь, они нападут даже раньше, чем я предполагала.

Сенсоры у входа в пещеру свидетельствовали о концентрации большого количества животных в нескольких сотнях ярдов от нас. Сейсмограф, установленный Марекком неподалеку от точки, где, по нашим предположениям, враги рыли лаз, позволял с точностью до нескольких футов определить место появления незваных гостей. Мы не знали только одного: когда последует новая атака. Нервы у нас были напряжены до предела.

"Как же они должны ненавидеть нас, – закралась мне в голову крамольная мысль, – если готовы послать на смерть сотни своих бессловесных союзников? И все для того, чтобы уничтожить жалкую кучку людей, оказавшихся заложниками амбиций своего создателя".

Неожиданно стрелка сейсмографа замерла на нуле. Твари прекратили свою работу.

"Почему?" – мелькнула у меня тревожная мысль.

Ответ на мой немой вопрос последовал незамедлительно.

- Они атакуют, – раздался голос часового, стоявшего у входа в пещеру.

В то же мгновение оглушительный взрыв едва не разорвал наши барабанные перепонки. Каменная стена рухнула, и примерно полсотни тварей бросилось на нас. В рукопашной схватке все преимущества были на их стороне. Я успел выстрелить пару раз и уложить первых нападавших, благо даже целиться не пришлось. Огуну повезло меньше. Удар копья сорвал его шлем и отбросил уже бездыханное тело к противоположной стене. Лиза, занявшая позицию в нескольких шагах от меня, стреляла не переставая, и через пару минут перед нами выросла баррикада из волосатых тел. Улучив момент, она отложила ружье в сторону и швырнула связку гранат в гущу нападавших на нас противников.

Мощный взрыв едва не похоронил нас вместе с врагами, но положил конец беспощадной бойне. Мы поспешили на выручку своим товарищам, с трудом отбивавшимся от лавины животных, успевших прорваться к самому входу в пещеру. Гигантский серый медведь, поднявшись на задние лапы, едва не снес мне голову. Выстрелы, прозвучавшие одновременно с разных сторон, остановили его в нескольких футах от меня.

Адене наконец удалось привести в действие свой лазер, и воздух мгновенно наполнился запахом горелого мяса. Несколько саблезубых тигров были застигнуты в момент их последнего прыжка. Если бы им удалось ворваться в пещеру, исход битвы решился бы сразу же. Воспользовавшись секундной передышкой, я обернулся к Лизе, сидевшей на полу спиной к груди еще не успевших остыть трупов. Заметив мой взгляд, она указала рукой на две последние связки гранат, лежавшие у ее ног.

- Надо обрушить туннель, – крикнула она, – пока они еще не опомнились.

План был рискованным, но выбора мы не имели. Два взрыва потрясли пещеру, но наше убежище устояло. Об атаке с тыла уже не стоило беспокоиться. Завалы каменных глыб надежно защитили нас.

Присоединившись к нашим товарищам у входа в пещеру, мы вместе с ними встретили новую атаку обезумевших от ярости животных. Мы уже устали убивать, но битва еще продолжалась. Сами твари больше не показывались, предоставив право умирать своим бессловесным и безропотным союзникам. Лазер уже не извергал свое смертоносное пламя (энергия батарей давно иссякла), постепенно смолкли и залпы ружей, и только вспышки пистолетов время от времени еще разрывали темноту ночи.

К утру исход сражения был ясен. Мы потеряли пятерых товарищей, еще трое получили серьезные ранения. В строю оставалось одиннадцать смертельно усталых людей.

- Они бегут, – сообщила Адена, протягивая мне бинокль.

- Следовательно, мы победили?

- Мы победим тогда, когда уьем последнего из них, - жестко сказала она.

Подняв бинокль к глазам, я взглянул в указанном направлении. Восемь оставшихся в живых тварей поспешно отходили в южном направлении. При них не осталось ни одного животного. Даже собак.

- Думаю, мы навсегда отбили у них желание сражаться, - заметил я. - Почему не предоставить их своей судьбе?

- Нет, Орион. Мы выиграли сражение, но война еще не закончилась. Наша задача уничтожить всех до единого.

- Но их всего восемь!

- Тем не менее мы должны последовать за ними и убить их.

- Таков приказ Ормузда? - спросил я презрительно.

Адена окинула меня холодным взглядом с ног до головы. Уголки ее губ скривились в недоброй гримасе.

- Это мой приказ, Орион, - произнесла она твердо.

39

Адена быстро отдала необходимые распоряжения. Кедар и два других солдата должны были остаться в пещере с ранеными. Всем остальным предстояло преследовать отступавших, не думая об отдыхе. Торопливо проглотив несколько таблеток пищевых концентратов, мы двинулись через ледяную пустыню.

- Восемь против восьми, - произнес я горько. - Ормузду не откажешь в справедливости.

Адена бросила на меня сердитый взгляд.

- Не надо думать, что Ормузд поступает так для своего удовольствия, - резко возразила она. - Речь идет о судьбе мироздания, о судьбе твоего собственного народа, наконец.

- Но не устраивать же ради этого охоту на восьмерых обессиленных людей?

- Это люди Аримана, - поправила она меня строго. - Наши смертельные враги.

- Враги, вынужденные сражаться копьями против лазерных ружей.

- Ты предпочел бы схватиться с ними врукопашную? - усмехнулась она. - Не исключено, что у тебя еще появится такая возможность. Наши батареи вот-вот иссякнут. А энергетическая установка, оставшаяся в пещере, и без того на нуле. Ты доволен?

Я вынужден был признать, что перспектива драться с тварями мало обрадовала меня.

- Мы должны истребить их, - без устали повторяла Адена. - Всех до единого, включая Аримана. Его следует уничтожить в первую очередь. Надеюсь, ты это понимаешь.

Я рассеянно кивнул головой.

- Мне известна воля Ормузда. Понимаю, что и Ариман не пощадит нас. Но мне не нравится наше задание.

- Орион, - возразила она, - мы находимся здесь не для развлечения. Мы должны это сделать. У нас нет выбора.

Я не нашел ответа и счел за благо прекратить бесполезный спор. В течение всего дня мы шли по следам врагов. Адена возглавляла нашу небольшую колонну. Я старался держаться недалеко от нее. Ближе к вечеру на горизонте появились первые деревья - гигантские сосны. Вид их густых крон порадовал наши утомленные глаза.

- Удобное место для внезапного нападения, - заметил я. - Нам следует быть поосторожнее.

- Ты прав, но пока у нас есть пистолеты. Нападение станет для них самоубийством.

- В лесу у них достаточно союзников. Они могут прибегнуть к старой тактике и бросить в атаку животных.

- Что же ты предлагаешь?

- Обойти лес. Если они устроили нам засаду, а я в этом не сомневаюсь, мы вынудим их выйти на открытое место.

- Но в таком случае мы потеряем половину дня. Может быть, даже больше.

- Зато сохраним людей.

- Мы не можем позволить им уйти от нас.

- Если мы пойдем через лес, то почти наверняка нарвемся на засаду и скорее всего погибнем.

- Какое это имеет значение?

- Для тебя никакого, да и для меня тоже. Но подумай о них, - я указал через плечо на шагавших следом солдат. - Они-то уже не воскреснут.

- Я не подумала об этом, - согласилась она.

- Если уж мы обречены перебить людей Аримана, то попытаемся хотя бы спасти жизни наших товарищей.

- Ты не хочешь понять меня, Орион.

- А ты меня. Вы оторвали этих людей от их близких, забросили в другую эпоху, обрекли на смерть, чтобы потешить тщеславие Ормузда. Отнеситесь, по крайней мере, к ним как к людям, а не как к пешкам.

- Но они и есть пешки, Орион. Иногда приходится жертвовать пешками, чтобы выиграть партию.

- Они люди, которые имеют право на жизнь.

- Нет, Орион, ты ошибаешься, - возразила Адена печально.

- Тогда объясни, в чем моя ошибка.

Несколько минут она молчала.

- Я боюсь, - прошептала она, - что ты возненавидишь меня, если узнаешь всю правду.

- Возненавижу тебя? - повторил я, не веря своим ушам. - Да как ты могла даже подумать об этом?

Она опустила глаза.

- Орион, мы все только шахматные фигуры в этой игре. У каждого из нас своя судьба.

- А Ормузд шахматист?

- Нет. Все гораздо сложнее. У Ормузда тоже есть своя роль. Как у тебя, у меня и у них. - Она указала в сторону солдат.

- Ты не пешка, - заметил я.

- Так же, как и ты, - ответила она с печальной улыбкой. - Если хочешь, можешь сравнить себя с офицером, а меня с ладьей.

- Почему же не с королевой?

- Я недостаточно могущественна для этого.

- Следовательно, Ормузд - король, - догадался я, - и если он получит мат...

- Мы все умрем. Навсегда. Игра закончится.

- Но мы можем хотя бы попытаться спасти этих людей.

- Как я сказала, все они только пешки. У них никогда не было семей или друзей, равно как и другой жизни. Ормузд создал их с единственной целью: уничтожить Аримана и его народ.

Я не был даже удивлен ее словами, словно не узнал ничего нового. Я чувствовал только глубокую печаль и страшную пустоту внутри. Обернувшись, я через плечо взглянул на наших солдат. Они безропотно шли за командиром, с каждым шагом приближаясь к своей смерти. Лиза брела следом за мной с тяжелым рюкзаком за плечами, доверху набитым взрывчаткой. Уловив мой взгляд, она улыбнулась в ответ. Я припомнил, с какой безумной отвагой она сражалась бок о бок со мной в темноте пещеры. Невольно мои мысли обратились в прошлое. Я вспомнил жажду убийства, сверкавшую в глазах людей племени Дала в ночь большой охоты; кровожадность монголов, безжалостно вырезавших воинов короля Белы, и даже агрессивность молодых демонстрантов перед воротами лаборатории в Мичигане.

- Ты прав, - подтвердила Адена, словно прочитав мои мысли. - Жестокость была изначально заложена в их сознание.

- Кто же они? Машины? Роботы?

Она слегка пожала плечами.

- Они люди из плоти и крови, как ты и я. Но Ормузд сотворил их для войны. Их мозг

запрограммирован на убийство.

"Так же, как и у меня", - устало подумал я.

- Теперь ты знаешь всю правду, - грустно закончила Адена.

- Я был создан Ормуздом с единственной целью убить Аримана?

- Да.

- Теперь я понимаю, почему я не помнил свое прошлое, когда жил в двадцатом столетии. У меня его просто не существовало. Я - всего лишь марионетка в руках Ормузда. Или машина. Мы все - машины, построенные из органики. Пусть сложные, но все-таки машины, повинующиеся чужой воле биороботы, запрограммированные на убийство.

- Орион, - откуда-то издали донесся до меня голос Адены. - Орион, - повторила она, - не терзай себя. Какая тебе разница, для чего ты был когда-то создан, если ты сумел давно выйти из-под контроля творца.

- В самом деле? - усмехнулся я. - Почему же тогда я здесь? Разве не по воле своего хозяина?

- Но ты сам недавно назвал мне настоящую причину. Ты здесь, чтобы найти меня.

- Теперь ты еще и смеешься надо мной.

- Ничего подобного. С самого начала ты действовал, повинуюсь собственной воле. Ты такой же человек, как Сократ, Эйнштейн или хан Угэдэй.

- Как это может быть?

- А ты взгляни на себя со стороны. Подумай, как я могла бы полюбить тебя, если бы ты не был человеком.

Я с благодарностью взглянул на нее.

- Ты любишь меня?

- Достаточно, чтобы разделить твою судьбу, какой бы она ни была.

- Мы скоро умрем, не так ли?

- Если это произойдет, мы встретим смерть вместе.

- А другие?

- Они всего лишь пешки, Орион. У них нет памяти, нет прошлого. Убивать - их профессия.

- Даже пешки имеют право на жизнь.

- Наше предназначение - уничтожить Аримана и его народ. Если мы потерпим неудачу, то умрем, словно никогда не существовали.

Я знал, что она говорит правду, но от этого мне было не легче.

Неожиданно Адена резко остановилась и обеими руками обхватила меня за плечи.

- Орион, если ты любишь меня, ты должен быть готов пожертвовать пешками.

Я заглянул ей в глаза, потом перевел взгляд на угрюмый лес впереди, а затем и на цепочку людей позади нас. Они стояли, ожидая нашей команды.

- Я совсем не хочу их смерти, - сказала Адена, понижая голос, - но если мы промедлим, Ариман и его люди уйдут от погони.

- Если мы пойдем напрямик, то попадем в засаду, - буркнул я.

- Из этого не следует, что все мы погибнем. У нас оружие лучше, чем у наших врагов.

- Ты сама говорила, что батареи на исходе.

- Придется идти на риск. Мы рискуем нашими жизнями, так же как и жизнями наших людей.

- Мы знаем, ради чего идем на смерть, а они нет.

Адена отвернулась и посмотрела на солнце, низко висевшее над горизонтом.

- Приготовить оружие, - приказала она. - Мы идем через лес. Твари скорее всего атакуют нас. Будьте наготове.

Приказы не обсуждаются. Через несколько минут наша колонна возобновила движение.

"Я сделал все, что мог, - уговаривал я себя. - Адена права: все мы - лишь фигуры в большой, космических масштабов, игре, и каждый обязан сыграть отведенную для него роль".

Я оставался рядом с Аденой, держа оружие наготове.

Густые тени окутывали лес. Тем не менее цепочка следов на снегу была видна совершенно отчетливо, словно наши враги сознательно решили облегчить нам задачу. Огромная белка сердито застрекотала, когда мы проходили под деревом, на котором она сидела. Я поднял голову и заметил какое-то движение среди ветвей.

- Они на деревьях, - прошептал я. - Сейчас начнется.

Противник прибег к испытанной тактике, бросив в бой свои последние резервы. Адена не успела даже отдать нужные приказания, но солдаты и не нуждались в ее указаниях. Изменив строй, они заняли круговую оборону. Положение было серьезным, хотя все мы понимали, что худшее еще впереди.

- Дай мне гранаты, - крикнул я Лизе. - Не рассуждай!

Не рассуждая, она перебросила мне целую связку. Выбрав одну, я поставил механизм на пятисекундную задержку и швырнул в крону ближайшего дерева.

Сообразив, что обнаружены, твари бросились в решающую атаку. Используя зверей как живой щит, они без труда смяли наш строй. Обе стороны сражались с отчаянием обреченных. Мы просто оказались счастливее.

Когда битва кончилась, на снегу лежало четверо наших людей, семь тварей и несколько десятков животных.

Ариману опять удалось перехитрить нас.

- Мы должны догнать его, - крикнула Адена.

- Я пойду за ним, - предложил я.

- Нет, - возразила она. - Мы сделаем это вместе.

40

Два дня мы шли по следам Аримана, пока новая буря не заставила нас сделать остановку. Я убедил Адену вернуться под прикрытие деревьев. Батареи, обеспечивавшие теплом наши костюмы, окончательно сели, да и с едой у нас было туго. На открытом месте мы бы неминуемо замерзли. Мы соорудили небольшой шалаш из сосновых веток и разожгли костер. Наше снаряжение больше не работало, и мы в буквальном смысле оказались в каменном веке.

Буря продолжалась трое суток, и, когда она закончилась, мы двинулись в обратный путь к пещере, где оставались наши раненые. По настоянию Адены я принял на себя обязанности ведущего. Припомнив свой опыт, приобретенный за время жизни в племени Дала, я изготовил примитивные копья, и иногда, пока мы шли к пещере, мне удавалось пополнить наши скудные запасы, удачно поохотившись. Я обучил своих спутников добывать огонь трением, свежевать туши убитых животных и готовить пищу на открытом огне.

После того как мы вернулись к нашим товарищам, по ночам, когда другие спали, я охранял лагерь, обдумывал дальнейшие планы и пытался осмыслить события последних дней. Постепенно я пришел к выводу, что в намерения Ормузда отнюдь не входило сохранение жизни людей. Они должны были выполнить свою миссию и погибнуть в ледяной пустыне. Пешкам следовало вовремя сойти со сцены.

- Ормузд, - шептал я, обращая взгляд к далеким звездам, - где бы ты ни был, я предлагаю тебе сделку. Я найду Аримана и убью его, если смогу. Но в награду я прошу тебя дать мне возможность спасти этих людей и обеспечить им достойное существование.

- Ты пытаешься торговаться со своим творцом?

Я обернулся и увидел улыбающуюся Адену.

- Я не могу оставить этих людей умирать здесь. А ты?

- Если того потребуют обстоятельства.

- Но в их смерти нет необходимости. Мы можем отвести их на юг, и они получают шанс на спасение. Я обучу их правилам выживания.

Ее улыбка стала шире.

- Ты и так сделал уже немало. Их дети будут рассказывать о тебе легенды. Они назовут тебя своим богом. Ты хочешь этого?

- Я хочу найти место на земле, где бы мы смогли жить в мире и покое.

- И сколько ты собираешься так прожить?

- Всю оставшуюся жизнь.

- А затем?

Я пожал плечами.

Непохоже было, что она вышучивала меня. Но тогда что означала ее улыбка?

- Орион, когда ты обретишь новую жизнь, тебе придется научиться видеть намного дальше срока человеческой жизни.

- Но у меня не будет другой жизни. Я знаю. Ормузду незачем воскрешать меня, после того как я убью Аримана.

Ее серые глаза властно влекли меня.

- Ты думаешь, любимый, что я соглашусь провести вечность без тебя?

- Что же ты собираешься сделать?

- Я позабочусь о том, чтобы сдержать свое обещание. И если Ормузд откажет мне, я останусь и умру вместе с тобой.

- Я не могу просить тебя о подобной жертве.

Она приложила палец к моим губам.

- У тебя нет необходимости просить меня. Я сама приняла решение.

Я обнял и поцеловал ее с таким чувством, словно эта ночь была последней в нашей жизни.

- Веди их, Орион, - прошептала она. - Отведи их в место, где они смогут жить в мире и покое.

На следующее утро мы начали долгий путь на юг. Присутствие раненых сильно затрудняло наше передвижение. В остальном путешествие проходило без особых происшествий. Если Ариман и находился поблизости, он ничем не выдавал своего присутствия. Мы превратились в племя бродячих охотников, которые вели вечную борьбу за существование. Постепенно мы расставались с нашим снаряжением, ставшим теперь просто обузой.

Через неделю мы вышли к потоку, бегущему к югу, и двинулись вдоль его берега. Снежный покров становился все тоньше, а воздух теплее. Один из раненых умер, и мы похоронили его на берегу безымянной реки. Наконец мы достигли страны невысоких холмов, покрытых сочной травой и изобиловавших дичью. Однажды нам преградило дорогу стадо мамонтов. Скоро мы нашли сухую пещеру, которую сделали нашим домом. Мужчины охотились, женщины собирали злаки и ягоды.

- Вы можете остаться здесь на время, - предложил я.

Адена сидела рядом со мной - задумчиво смотрела в пламя костра.

- А ты возобновишь поиски Аримана? - спросила она, не поворачивая головы.

Я молча кивнул.

- Ты думаешь, он далеко отсюда? - спросила она.

- Нет, скорее всего он где-то поблизости. И еще не отказался от мысли уничтожить нас.

- Когда ты отправляешься?

Я взглянул на заходящее солнце.

- Завтра, если только не начнется гроза.

Адена улыбнулась и положила голову мне на плечо.

- Тогда я буду молиться, чтобы пошел дождь, - прошептала она.

41

Дождь действительно начался. С наступлением темноты ветер усилился, небо заволокли тучи, и разразилась настоящая буря. Охотники один за другим вернулись в пещеру. Последним приплелся Кедар, промокший до нитки.

Пока женщины жарили на костре добычу, прислушиваясь к раскатам грома, мужчины обсуждали перспективы охоты на крупную дичь - антилоп или бизонов, которые в изобилии встречались ниже по реке. Со своей стороны я старался рассказать им то, что знал сам о флоре и фауне ледникового периода, отдавая себе отчет в том, что мне уже недолго оставаться вместе с ними.

- А здесь водятся и волки, - заметил Кедар. - Я сегодня видел парочку этих бестий на обратном пути в пещеру.

- Думаю, есть и медведи, - вставил второй охотник.

- Они не станут докучать нам в пещере, если по ночам поддерживать огонь, - сказал я.

- Да, но только в том случае, если твари снова не натравят их на нас, - возразил третий.

- Наши враги погибли. Остался только один, - продолжал я, когда мы уже сидели за ужином, - да и того я собираюсь выследить, как только утихнет буря.

Ни один из присутствовавших не сказал ни слова. Их лица, перепачканные грязью и сажей, стали серьезными. Затем Кедар снова заговорил о предстоявшей охоте на антилопу.

Я подсел к Адене, предоставив мужчинам возможность самим вести разговор. Последнее время они больше думали о своих желудках, нежели о продолжении войны.

К середине ночи буря разыгралась вовсю. Нам пришлось перенести костер в глубину пещеры, подальше от залетавших снаружи мокрых листьев и капель дождя.

Гром грохотал всю ночь, не давая мне уснуть.

"Ариман, - подумал я. - Эта гроза его рук дело. Он вернулся и подбирается к нам".

Адена лежала на каменном полу в нескольких шагах от меня и, судя по всему, мирно спала. Я улыбнулся моей спящей богине, принявшей ради любви ко мне человеческий облик, но мысли мои раз за разом возвращались к Ариману. Как ему удалось стать равным богам?

Надо думать, он начал жизнь, подобно другим своим сородичам. Впрочем, на этот раз он пока

еще не показал всех своих способностей. И все же в чем источник его могущества? Как он его обрел и когда?

При свете молнии, осветившей на мгновение равнину, я разглядел фигуру своего давнего врага не далее чем в сотне ярдов от входа в наше убежище. Рядом с ним стоял пещерный медведь, грузно опираясь на четыре лапы.

Подчиняясь желанию Аримана, хищник мог без труда перебить спящих и безоружных людей. Раздумывать было некогда. Выхватив из костра две большие пылающие ветки, я бросился к выходу. Медведь зарычал, поднялся на задние лапы и двинулся на меня.

Вместо того чтобы немедленно отступить, я заорал на него изо всех сил и ткнул одной из веток прямо в морду чудовища. Концом другой я ударил его в живот. Мобилизовав все свои физические возможности, я двигался с максимальной быстротой, стараясь вовремя увернуться от могучих клыков и когтей дикого зверя. Краем глаза я видел, что мои спутники, разбуженные шумом схватки, успели повскакивать со своих мест и теперь с помощью факелов и копий пытались отогнать пещерного медведя. Возможно, он и отступил бы, но не мог этого сделать, повинувшись железной воле Аримана.

Затянувшаяся схватка не сулила нам ничего хорошего. Силы были явно неравны. Внезапно пылающее полено пролетело у меня над головой и угодило медведю в плечо.

- Гоните его прочь, - донесся до меня голос Адены.

К сожалению, ее приказ не так просто было исполнить. Издав оглушительный рев ярости и боли, зверь двинулся прямо на меня, словно забыв о других противниках, атаковавших его со всех сторон.

Могучий медведь навис надо мной. Ветки же, которые я держал в руках, догорели, и защищаться мне стало нечем. Я отпрыгнул назад, едва не угодив в костер, но зверь продолжал надвигаться на меня. Я попытался проскочить под его поднятой лапой и почти достиг успеха. Тяжелая лапа медведя лишь задела мою голову, но для меня и этого оказалось достаточно. Я как подкошенный рухнул на землю. Перед глазами у меня все плыло. Между тем зверю удалось сбить с ног еще двух наших охотников, и он снова повернулся ко мне. Его огромные, как ножи, клыки были не более чем в двух футах от моего лица, а я даже не мог пошевелиться.

Я слышал, как у меня затрещали кости, когда зубы чудовища вонзились в мое плечо и он оторвал меня от пола. Страшная боль пронзила все мое тело. Сбив по дороге еще одного охотника, зверь выскочил из пещеры, волоча меня в зубах, словно тряпичную куклу. Адена попыталась броситься мне на помощь, но двое мужчин заступили ей дорогу.

Медведь мчался тяжелым галопом, унося меня все дальше от пещеры. Вскоре огонь нашего костра превратился в маленькую звездочку на горизонте. Наконец, остановившись, он бросил меня в лужу и отошел в сторону зализывать собственные раны. Я лежал на спине, подставив лицо дождю, тщетно пытаюсь справиться с адской болью. Мое правое плечо и рука были превращены в месиво сломанных костей и разорванной плоти.

"Так вот как возникла легенда о Прометее, - успел подумать я. - Титане, подарившем людям огонь и жестоко наказанном за это богами".

Очередная вспышка молнии озарила холмы, и я увидел грозную фигуру Аримана, стоявшего в нескольких футах от меня.

- Теперь тебе конец, - произнес он зловещим шепотом, едва слышным из-за завываний ветра.

- Вы убили меня, - согласился я.

- И остальные тоже скоро умрут без оружия и энергетических установок. Они не выдержат такой жизни.

- Ну нет, - возразил я. - Они сумеют приспособиться к новым условиям. Я успел научить их. У них есть оружие. Очень скоро они завоюют Землю.

В темноте не видно было его лица, только огненно-красные глаза пылали ненавистью и гневом.

- В таком случае я нанесу свой удар в другом месте, - прошептал он. - Слабых точек в структуре континуума еще достаточно.

Мне потребовалось собрать все оставшиеся у меня силы, чтобы слегка приподнять голову из грязи.

- Ничего не выйдет, Ариман, - выдохнул я. - Вы пытались уже не раз, и все напрасно.

Пару минут он молчал.

- Тогда я дойду до начала начал. Я убью тебя, Орион, и Ормузда вместе с тобой.

Мне хотелось рассмеяться ему прямо в лицо, сказать ему, что он глупец, но для этого тоже нужны были силы, а они у меня иссякли. Мне оставалось только молча лежать в грязи, под дождем, чувствуя, как вместе с кровью из меня уходит жизнь.

Ариман поднял свои могучие руки к небу и издал грозный крик, перекрывший раскаты грома. Словно в ответ на его призыв, недалеко от нас появилось странное скопление энергии, напоминавшее шаровую молнию. В воздухе запахло озоном. Черный силуэт Аримана отчетливо вырисовывался на фоне ослепительно белого шара. Владыка Тьмы стоял в прежней позе, время от времени издавая ужасающие крики.

Очередной удар молнии невероятной силы, казалось, расколол землю у моих ног. К грозовому небу взметнулся столб пламени.

И сразу наступила темнота.

Часть пятая

Циклы вечности

42

И все-таки я не потерял сознания. Я ничего не чувствовал, словно все мое тело вдруг оцепенело. Я лежал в коконе из прозрачной паутины, которая, хотя и не позволяла мне двигаться, надежно защищала от всякого воздействия извне - жары, холода, давления и даже эмоций.

Но я мог все видеть. Ночная буря и ландшафт ледникового периода бесследно исчезли, подобно замку из песка, смытому приливом. Рядом со мной все еще находился Ариман, но заключенный в свой энергетический кокон, такой же неподвижный, как и я. Его огненные глаза смотрели на меня, но сейчас кроме уже ставшего привычным выражения ненависти и

гнева в них появился еще и страх.

Стемнело. Я перестал что-либо видеть и не имел ни малейшего представления о том, где я нахожусь или куда направляюсь.

Как ни странно, я не испытывал ни страха, ни тревоги. Впрочем, даже ничего не видя, я знал, что Ариман по-прежнему находится рядом со мной. Я верил, что Адена и ее соратники переживут холод ледникового периода, вырастят детей и расскажут им о Прометее, подарившем людям огонь. Я понимал, что Дал и его племя, да и все другие племена были отдаленными потомками этой небольшой горстки людей, покинутых своим творцом после последней битвы в развязанной им же войне.

Я знал, что и Ормузд где-то поблизости, а с ним и сероглазая богиня, которую я любил и которая любила меня.

Мрак вокруг меня стал постепенно рассеиваться. Свет и тепло смыли опутывавшую меня паутину. Я снова обрел способность двигаться и чувствовать.

Но Ариман по-прежнему оставался в энергетическом коконе, способный все видеть, хотя и беспомощный, как новорожденный младенец. Казалось, я должен был радоваться унижению своего заклятого врага, но вместо того я испытывал к нему чувство, похожее на жалость.

- Ничем не могу помочь, - сказал я, хотя и понимал, что он осознает ситуацию не хуже меня, и выразительно развел руками.

Затем я отвернулся от него, чтобы подробнее рассмотреть место, в котором оказался. Больше всего оно напоминало колоссальное скопление облаков. Под ногами я ощущал твердую субстанцию, но, присмотревшись более внимательно, обнаружил, что она ничем не отличается от окружающего меня вещества.

- Выходит, я на небесах, - усмехнулся я. - Ормузд, я не верю этому! - крикнул я во все горло. - Наверняка вы смогли бы придумать что-нибудь получше.

Я снова повернулся к Ариману. Он сохранял неподвижность, как статуя. Единственный реальный предмет в непонятном заоблачном мире.

Из зенита, прямо к месту, где я стоял, направилась маленькая звездочка, на моих глазах превратившаяся в сверкающий золотой шар, который спустя несколько мгновений трансформировался в Ормузда, явившегося в своем обычном великолепии.

- Славно сработано, Орион, - произнес он одобрительно. - Ты преуспел наконец.

Неожиданно для себя я испытал глубокое удовлетворение, услышав слова Золотого бога.

- Моей задачей было убить Аримана, - возразил я скромно.

Ормузд величественным движением руки отмел мои оправдания.

- Его смерть уже не имела значения. Важно только то, что он больше не сможет причинять нам вред.

- Тогда моя миссия выполнена?

- Да. Полностью.

- Что теперь ожидает меня? Что произойдет с ним?

Улыбка на лице Ормузда поблекла.

- Ариман останется здесь навсегда, в таком состоянии. Отныне у него не появится ни единой возможности разрушить континуум.

- А я? - повторил я.

На лице Ормузда появилось легкое выражение недовольства.

- Твоя миссия закончена, Орион. Какую бы дальнейшую судьбу ты выбрал себе сам?

В горле у меня пересохло. Я не мог вымолвить ни слова.

- Чего же ты хочешь? - повторил Ормузд. - Какую награду ты желаешь получить за свою верную службу?

Он открыто насмеялся надо мной. А у меня не хватало смелости прямо сказать ему, что я хочу ее - Арету, Аглу, Аву, Адену. Откуда мне было знать ее настоящее имя? Сероглазую богиню, которую я любил и которая любила меня.

У меня даже мелькнула крамольная мысль: а не была ли и она частью хитроумного плана Ормузда, своеобразной приманкой для меня, гарантией моей верности?

- Я жду, Орион, - напомнил Золотой бог нетерпеливо. - Чего же ты хочешь?

- Она... действительно существует? - осторожно спросил я.

- Кто - она? О ком ты спрашиваешь?

- Женщина, называвшая себя Аденой. Та, что командовала вашими солдатами в войне?

- Конечно, существует, - подтвердил Ормузд. - Она столь же реальна, как и ты. И она человек.

- Ава?.. Агла?..

- Все они существуют, Орион. Каждая в своей эпохе. Все они человеческие создания, которым предстоит прожить свою жизнь и умереть в положенное время.

- Тогда она не...

Воздух рядом с Ормуздом начал медленно пульсировать. Золотой бог сделал шаг в сторону, и рядом с ним появилась высокая прекрасная женщина в серебряном платье.

- Прекрати свои недостойные игры, Ормузд, - произнесла она твердо. - Я действительно существую, Орион, - добавила она, поворачиваясь ко мне. - Я реальна.

Я не знал, что сказать. Но Золотого бога нелегко было смутить.

- Так вот о ком ты говорил, Орион? - произнес он со смехом. - Итак, ты влюбился в богиню?

- Вам смешно, что ваше собственное творение может любить меня? - оборвала его она. - Тогда сейчас вы посмеетесь еще больше, узнав, что и богиня сумела полюбить человека.

- Это невозможно, - возразил Ормузд, давясь от смеха.
- Почему вы так думаете?
- Скажите мне, как вас зовут? - вскричал я, вновь обретая способность говорить. - Скажите мне ваше настоящее имя!
- Я и есть та самая женщина, которую ты любил в разные эпохи, Орион, - сказала она мягким голосом. - Ты знал меня под разными именами, но здесь меня зовут Аня.
- Аня!
- Да, и хотя мое признание так насмешило твоего создателя, я на самом деле люблю тебя, Орион.
- А я люблю тебя, Аня!
- Абсурд! - взорвался Золотой бог. - Может ли человеческое существо полюбить червя? Конечно нет. Так и богиня не может полюбить ничтожного человека.
- Я стала одной из них. Я научилась быть человеком, - возразила она.
- Но ты же не человек, - настаивал Ормузд, - не больше, чем я сам. Покажи ему твою настоящую сущность.
- Аня отрицательно покачала головой.
- Ты отказываешься? Тогда взгляни на меня, Орион, хотя ты уже имел такую возможность.
- Тело Ормузда потеряло свои очертания и постепенно обратилось в сферу золотистого цвета, излучавшую нестерпимо яркий свет.
- Я Ормузд, бог Света, творец человечества! - провозгласил он.
- Золотой шар по яркости не уступал солнцу.
- На колени, создание! Воздай почести своему творцу!
- Я готов был повиниться и, если бы не Аня, взявшая меня за руку, наверняка бы исполнил его приказание.
- Он хорошо послужил тебе, Ормузд. Как ты можешь так обращаться с ним?
- Ормузд снова принял человеческий облик.
- Я всего лишь хотел дать ему понять, - сказал он холодным тоном, - с какой силой он имеет дело.
- И вы должны понять, бог Света, с какой силой вы имеете дело. Я видела его храбрость. Даже вам не под силу испугать его.
- Я вложил эту храбрость в него! - загремел Ормузд.
- Тогда тем более перестаньте пытаться потрясти его своим могуществом.

- Подождите, - взмолился я, - слишком многое мне до сих пор остается непонятным.

- Еще бы, - бросил Золотой бог презрительно.

Я кинул взгляд на Аримана, наблюдавшего за этой сценой полными боли глазами.

- Вы создали меня, чтобы я выследил и убил Аримана, - напомнил я.

- Да, но теперь, как я уже говорил тебе, это не имеет никакого значения. Ариман мой пленник и останется им навсегда.

- В каждую эпоху, куда бы вы ни посылали меня, я неизменно находил одну и ту же женщину, хотя она и носила разные имена.

- Ну и что с того? - нетерпеливо подгонял он меня.

- Но вы сказали мне, что все они были земными женщинами, - напомнил я, - женщинами, которым суждено прожить всего одну жизнь.

- Он не понимает простейших вещей, - пренебрежительно заметил Ормузд, обращаясь к Ане.

- Тогда мы должны объяснить ему их, - отвечала она.

- Чего ради?

- Потому, что я хочу этого, - сказала она решительно.

- Еще чего! С какой стати я должен что-то объяснять собственному созданию, в услугах которого уже не нуждаюсь? - фыркнул Золотой бог.

43

Итак, я был больше не нужен Ормузду. Но если он сумел создать меня, а затем неоднократно возвращать к жизни, уничтожить меня ему проще простого. Уничтожить и навсегда забыть о моем существовании.

- Так вот какую награду вы приготовили мне, - усмехнулся я. - Смерть!

- Орион, постарайся понять, - произнес он более миролюбиво, - то, что ты просишь, я не могу тебе дать. Так же как и я, Аня не человек, хотя иногда, ради удобства, мы и принимаем человеческий облик.

- Но Адена... Агла...

- Они люди, - объяснила Аня. - Что касается Адены, то она гостья из далекого будущего...

- Пятьдесят тысяч лет после двадцатого столетия, - пробормотал я, вспомнив слова Ормузда, которые он сказал во время нашей первой встречи.

- Верно, - подтвердила Аня, - она было сотворена в одно время с тобой.

- А остальные?

- Другие же, Арета, Ава, Агла, были рождены от земных женщин, так же как и все остальные

люди, с того времени как отряд Адены сумел приспособиться к условиям жизни в ледниковом периоде.

- Но все они были тобой! - запротестовал я.

- Да, я пользовалась их телами, когда жила на Земле. На какое-то время я сама становилась человеком.

- Ради меня?

- Первый раз нет. Сначала мной руководило просто любопытство, желание увидеть собственными глазами, на что способны творения Ормузда. Но, став земной женщиной, я научилась испытывать те же чувства, что и все люди, - боль, страх и, наконец, любовь.

- Итак, вы намерены помешать нам оставаться вместе? - спросил я напрямик, поворачиваясь к Золотому богу.

Привычная высокомерная улыбка давно исчезла с его лица. Сейчас он показался мне скорее озабоченным.

- Я могу дать тебе целую жизнь, Орион. Несколько жизней, если ты хочешь. Но не проси у меня невозможного. Я не могу превратить тебя в одного из нас.

- Почему же вы не сделаете это возможным? - спросил я с горечью.

- Это выше моих сил. Даже я не могу сделать из бактерии птицу, а из человека бога.

- Он говорит правду? - Я боялся услышать утвердительный ответ. - Неужели ничего нельзя сделать?

- Увы, Орион, - отвечала Аня тихо. - Постарайся понять и нас.

- Чего уж тут понимать, - пожал я плечами, чувствуя, как ярость начинает закипать во мне.

Случайно мой взгляд упал на неподвижное тело Аримана, и, кажется, в первый раз я познал, какие чувства руководили его поступками.

- Разве вы с самого начала не отказали мне в этой возможности? Вы сотворили меня для исполнения определенной работы, а когда я ее исполнил, то, естественно, стал вам больше не нужен.

- Нет, - возразила Аня твердо, - ты ошибаешься.

Но Ормузд тут же оборвал ее.

- Смирись с неизбежным, Орион. Признаю, ты хорошо поработал. Человечество будет восхищаться тобой на протяжении всей своей истории. Со временем оно забудет обо мне, но всегда будет помнить подвиг Прометея.

- Но зачем создали меня, создали человечество? Для чего надо было уничтожать народ Аримана? Кому понадобилось устраивать эту кровавую бойню?

Ормузд промолчал. Он опустил голову и, судя по всему, не собирался отвечать на мой вопрос.

Внезапно серые глаза Ани сверкнули серебряным пламенем. Золотой бог неохотно поднял голову.

- Орион заслуживает ответа, Ормузд, - произнесла она.

Бог Света отрицательно покачал головой.

- Тогда я сама ему скажу, - настаивала она.

- Ну и к чему это приведет? - вздохнул Ормузд, глядя на Аню. - Он уже и так ненавидит меня. Ты хочешь, чтобы он возненавидел и тебя?

- Я хочу, чтобы он понял! - воскликнула она.

- Ты глупа.

- Может быть. Но он достоин знать всю правду.

Ормузд ничего не ответил. Его тело утратило человеческую форму и, превратившись в золотой шар, исчезло в небе над нашими головами.

Я повернулся к Ане.

- Ты готов к тому, чтобы узнать всю правду, Орион? - спросила она, поднимая на меня печальные глаза.

- Из нашего разговора я понял, что обречен потерять тебя?

- Увы, но это неизбежно. Ормузд прав. Ты не можешь стать одним из нас.

Мне хотелось сказать ей, что я готов умереть прямо сейчас, чтобы никогда уже не испытывать боли, но вместо этого я спросил:

- Если мне все одно суждено расстаться с тобой, объясни мне хотя бы, для чего я был создан?

- Чтобы убить Аримана, конечно.

- Это я уже знаю. Объясни, зачем вам потребовалось убивать его? Я не верю в историю, которую мне рассказал Ормузд. Ариман не способен уничтожить мироздание. Это абсурд.

- Нет, любимый, - вздохнула Аня, - к сожалению, это правда.

- Тогда объясни мне. Я хочу понять.

Ее прекрасное лицо стало еще более печальным, но тем не менее она кивнула.

- Но прежде тебе снова придется вступить в поток времени, Орион. Без этого мое объяснение не будет полным. Ты должен все увидеть своими глазами. Мне придется послать тебя в эпоху, предшествовавшую ледниковому периоду, когда человечество как таковое еще не существовало.

- Очень хорошо. Пошли меня. Я готов.

- На сей раз я не смогу отправиться вместе с тобой. Поверь мне, это не просто каприз. - Она

вздохнула. - Ты будешь там совсем один, если не считать...

Она запнулась.

- Не считать кого?

- Ты сам все увидишь. Достаточно будет, если я скажу тебе, что тогда на Земле еще не существовало даже предков современных людей.

- Ормузд еще не успел создать их?

- Ты угадал.

- Но там будут *другие*, - произнес я, осененный ужасной догадкой, - *народ Аримана!* Я должен встретиться с ними.

Аня ничего не ответила, но по ее глазам я понял, что мое предположение оказалось правильным.

Я перевел взгляд на Аримана, заключенного в энергетический кокон, и увидел в его глазах столько ярости, что ее вполне могло хватить на уничтожение многих миров, если только когда-нибудь ему представился бы случай обрести свободу.

44

Аня попросила меня закрыть глаза и не открывать их до тех пор, пока я не почувствую дыхание ветра на своей коже. Несколько секунд я простоял неподвижно, не в силах отвести взгляд от ее милого печального лица.

Я понимал, что вижу ее в последний раз. Надежды вернуться из нового путешествия во времени у меня практически не было.

Я мечтал прижать ее к груди, поцеловать и сказать, что люблю ее куда больше собственной жизни. Но она была богиней, а не земной женщиной. Я знал ее как Аглу, колдунью; Аву, охотницу; немного как Арету и, наконец, как Адену, командира отряда карателей. Но серебряная богиня была недоступна для простого смертного, и мы оба понимали это. Ормузд был прав: бактерия не может превратиться в птицу, а богиня - полюбить обезьяну.

Я опустил веки.

- Не открывай глаза, пока не почувствуешь веяния ветра, - напомнила мне она.

Я кивнул, давая понять, что не забыл ее наставлений, хотя сердце у меня разрывалось от боли. В следующий момент я почувствовал слабое прикосновение ее губ или, быть может, кончиков пальцев к моей щеке. Что это было на самом деле, я так и не узнал. Мне хотелось рвануться к ней, но мое тело не повиновалось мне. Я не мог сжать кулаки, не мог сделать ни шагу. Наверное, я не смог бы и открыть глаза, даже если бы осмелился нарушить ее наказ.

- До свидания, любовь моя, - прошептала Аня, а я даже не мог разжать губ.

Несколько мгновений я пребывал в ледяной пустоте, лишенный всех ощущений. Я не мог ни слышать, ни видеть, ни осязать.

Слух вернулся ко мне первым. Я услышал мягкий шелест листьев под дуновением легкого

ветерка. Почувствовав слабое прикосновение струйки воздуха к коже лица, я открыл глаза. Я находился посредине леса гигантских деревьев, скорее всего секвой, насколько я мог судить по их внешнему виду. Стволы у основания были размером с хороший дом, а кроны находились над землей на расстоянии по меньшей мере в пятьдесят футов.

Сначала лес показался мне совершенно пустынным, но вскоре я стал различать пение птиц, крики и рычание животных, шум падавшей воды.

Я попал в удивительный мир. Далю и Аве наверняка понравилось бы здесь. Даже суровый Субудай, да и сам Великий хан не отказались бы поселиться среди деревьев-великанов.

Здесь было все, за исключением людей.

Я шел через лес несколько часов, утоляя на ходу голод лесными ягодами и запивая их ключевой водой. Полное отсутствие следов разумной жизни наводило на тревожные размышления. В голову невольно закралась грустная мысль: а не отправила ли Аня меня сюда вполне сознательно, чтобы навсегда избавиться от назойливого поклонника. Я поспешно отогнал свои подозрения. Она не стала бы лгать мне.

Солнце опускалось за далекие холмы, но я еще не чувствовал холода, несмотря на то что был одет довольно легко. На сей раз моя одежда выглядела вполне обыденно: шорты, рубашка с короткими рукавами и легкие сандалии. Почувствовав усталость, я прилег прямо на голую землю и мгновенно уснул. Во сне я увидел Землю, какой, наверное, созерцали ее боги: сверкающий голубой шар, подернутый пеленой атмосферы, на черном бархате космоса. Я без труда узнал очертания Европы, Азии, Америки и Африки. Но имелись и определенные различия. Атлантический океан показался мне уже, чем на современных географических картах, да и Австралия еще не была полностью изолированным континентом, каким мы привыкли ее видеть в двадцатом веке, так же как и Арктику, полностью свободную ото льда. Не существовало ни городов, ни дорог и других признаков человеческой жизни.

Правда, я и не рассчитывал найти настоящих людей. По словам Ани, здесь жили предки Аримана, но вот их-то следов я никак и не мог обнаружить.

Утром, встав со своего ложа, я умылся в прозрачном ручье и с аппетитом позавтракал сырыми птичьими яйцами и ягодами. Я не захватил с собой ни оружия, ни инструментов и не имел желания изготавливать их. Позавтракав, я отправился вверх по реке в сторону холмов. Обитатели леса совсем не боялись меня. На противоположном берегу потока я заметил самку оленя с двумя оленятами. Они не убежали прочь при виде меня, а лишь наблюдали за моим приближением. Убедившись, что я не представляю для них угрозы, они продолжали мирно пастись как ни в чем не бывало.

Вероятно, в этом лесу должны были жить и хищники, но пока они ничем не выдавали своего присутствия. Травоядных животных становилось все больше. Берега реки буквально кишели ими. Еще больше было птиц, но опять же и среди пернатых я не заметил хищных видов – ни ястребов, ни соколов, ни орлов.

Некоторые участки земли вдоль берега были обнесены подобием живых изгородей, которые напоминали мне искусственные, но, если мое предположение и было верным, я так и не нашел прямых доказательств в пользу своей гипотезы.

Вероятно, мне пришлось бы еще долго удивляться, глядя на эту идиллическую картину, если бы я неожиданно не заметил оживления пернатых. Проследив за направлением их движения, я увидел нескольких человек с мешками, которые выкладывали на небольшой поляне

принесенный с собой корм для птиц.

Люди! Аня заверила меня, что здесь я не встречу человеческих существ, но, так или иначе, четверо из них сейчас стояли футах в сорока от меня и кормили лесных птиц.

Я медленно направился в их сторону, стараясь на всякий случай держаться в тени деревьев.

Когда я подошел поближе и сумел лучше их рассмотреть, сердце у меня упало. Вне всякого сомнения, это были сородичи Аримана, те самые, кого солдаты Адены презрительно называли тварями.

Они имели массивные черепа с невысоким, круто скошенным лбом и резко выступавшими надбровными дугами. Привлекали внимание широкие у основания носы и полное отсутствие подбородка.

Неандертальцы!

Одна из двух групп разумных приматов, живших на Земле во время ледникового периода.

Закрыв глаза, я постарался припомнить, что я знал об этих существах.

Неандертальцы рассматриваются антропологами двадцатого века как особый подвид современного человека, получивший название хомо неандерталис, по аналогии с нашим собственным подвидом хомо сапиенс.

Неандертальцы происходили от появившихся раньше человекообразных обезьян, живших на Земле около четырех миллионов лет назад. С появлением предков современного человека неандертальцы внезапно исчезли, хотя до того времени были наиболее распространенным подвидом гуманоидов.

В отличие от антропологов, я знал причину их внезапного исчезновения, но особой радости от этого не испытывал.

И все равно концы с концами в моих рассуждениях определенно не сходились. Аня не послала бы меня сюда только для того, чтобы показать ужасы доисторического геноцида. Даже Ормузд не мог быть столь бесчувственным. Что-то пока было сокрыто от меня, и это нечто мне и предстояло обнаружить.

Меня до сих пор никто не упрекал в недостатке храбрости, но все же должен признаться, что и мне не просто было решиться на то, чтобы выйти из своего укрытия и предстать перед четырьмя молодыми неандертальцами.

Все четверо в принципе были еще мальчишками, в возрасте от четырнадцати до пятнадцати лет, и, судя по их поведению, довольно беспечными. Птицы заметили меня первыми и кинулись во все стороны, под прикрытие густого кустарника.

Я протянул руки ладонями вперед, давая понять, что пришел без оружия.

- Мое имя Орион, - крикнул я, - я пришел с миром. Они переглянулись между собой, более удивленные, нежели испуганные. Бежать, по крайней мере, они не собирались. Язык их более всего напоминал пересвист лесных птиц, если это вообще можно было назвать языком. Подойдя ближе, я опустил руки и задал свой первый вопрос. - Вы живете поблизости? Не проводите ли вы меня в свою деревню?

По их реакции я догадался, что они не поняли моих слов, а я уж тем более не мог разобрать их свиста, но первый шаг к налаживанию отношений был сделан.

Осмотрев меня с ног до головы, подростки сверх того обошли меня кругом. Все эти маневры они проделали в полном молчании. И тем не менее меня не оставляло смутное чувство, что они каким-то образом переговариваются между собой.

Самый высокий из них был на целую голову ниже меня, но все четверо, несмотря на возраст, имели широкие плечи и длинные мускулистые руки. В их глазах не было страха или недоверия, одно нескрываемое любопытство. Затем они молча уставились на меня. Казалось, я почти мог слышать их недоуменные вопросы:

"Кто ты такой? Откуда ты взялся? Чего тебе надо?"

- Меня зовут Орион, - повторил я, ткнув для большей убедительности пальцем себя в грудь.

- Хо-рае-ун, - произнес один из них тем же самым неприятным для слуха шепотом, столь памятным мне по встречам с Ариманом.

- Где ваша деревня? - продолжал твердить я.

Никакого ответа, естественно, не последовало.

Я решил изменить тактику.

- Ариман, - нараспев произнес я. - Вы знаете Аримана? Где он сейчас?

Подростки переглянулись, и я снова уловил в моем мозгу слабые отзвуки их мыслей.

"Ариман... Ариман..."

Спустя минуту-другую один из подростков уставился мне прямо в глаза.

"Телепатия, - догадался я. - Эти существа общаются между собой посредством телепатии".

Я попытался, в свою очередь, сконцентрировать все свое внимание, но без всякого успеха.

Пожав плечами совсем как человек, мальчик прекратил свои попытки и обернулся к приятелям.

Посоветовавшись с ними, он снова повернулся ко мне и жестом предложил следовать за ними. Мы пересекли поляну, вышли на проторенную тропу и углубились в заросли.

45

Жилища неандертальцев размещались внутри стволов гигантских деревьев, на высоте нескольких десятков футов от поверхности земли. Нижние этажи отводились под кухни и кладовые, выше находились собственно жилые комнаты, а на самом верху, там, где от ствола секвойи отходили первые ветви, строились веранды. Подняться в такие квартиры можно было по лестницам, сплетенным из виноградных лоз.

Судя по первому впечатлению, уровень развития туземцев был удручающе низок. Они не производили ничего более сложного, чем примитивные каменные инструменты, которые изготавливались из тонких сколов кремня и кварца. Огонь добывали трением. Однако

интеллектом они ничуть не уступали людям. Телепатические способности позволяли им жить в полной гармонии с окружающим миром.

Там, где человек применял тонкие технологии, неандертальцы использовали естественные свойства и возможности растений и животных. Причем делали это с удивительным искусством. Даже лестницы для подъема в жилые комнаты они делали из живых виноградных лоз, корни которых оставались в земле и поэтому растения продолжали плодоносить.

Неандертальцы не охотились и не занимались земледелием. Воздействуя телепатически на мозг диких животных, они всегда имели достаточно мяса, но использовали для еды лишь старых и слабых особей, да и тех нечасто. Кроме того, они прекрасно знали свойства диких растений, которые использовали практически во всех случаях жизни.

У неандертальцев не существовало языка как такового. Их горло не было приспособлено для речи. Для общения между собой они использовали все ту же телепатию, дополняя ее, в случае необходимости, свистом и жестами. После нескольких недель, проведенных среди этих гостеприимных и доброжелательных созданий, и долгих тренировок мне удалось освоить некоторые, наиболее простые способы установления мысленного контакта.

Войны и конфликты были неизвестны неандертальцам, а посему отсутствовало и чувство страха перед незнакомцами. Именно благодаря высокоразвитому искусству телепатии им удалось научиться гораздо лучше понимать друг друга, чем людям. Навыки подобного способа общения развивались с раннего детства. В силу этой же причины у них не существовало тайн друг от друга и соответственно горе и радость каждой особи являлись достоянием всей общины.

Я поселился в семье самого высокого из четырех подростков, которых встретил первыми. Семья состояла из четырех человек: отца – Тахона, его жены – Хайяны, сына – Туну и пятнадцатилетней дочери – Йоки. Они приняли меня на правах гостя после собрания общины, насчитывавшей несколько сот человек.

Это было жуткое испытание для меня. Мне пришлось стоять среди огромной толпы неандертальцев, зная, что они говорят обо мне, и не имея возможности услышать хотя бы одно слово. Если не считать нескольких редко раздававшихся свистков, вся дискуссия происходила в полной тишине.

Поскольку я был лишен возможности слушать их речи, мне не оставалось ничего другого, как наблюдать за их лицами. Они мало походили на тех волосатых дикарей, какими их изображали в двадцатом столетии. Правда, их лица были более широкими, чем у меня, надбровные дуги более мощными, подбородки менее выступали вперед, но в целом не слишком отличались от моих собственных. Да и волос у них было не больше, чем у меня.

Надо полагать, решение собрания оказалось в мою пользу, так как тут же на месте отец Туну пригласил меня в свой дом.

Последующие несколько недель ушли у меня на знакомство с бытом и обычаями моих хозяев и на усиленные занятия телепатией. В эти дни я очень мало думал об Аримане и еще меньше об Ормузде. Если что и тревожило меня, так только мысли об Ане. Далеко не всегда они были приятными и еще реже утешительными. Я терялся в догадках, как долго она собирается держать меня среди неандертальцев и закончится ли вообще когда-нибудь моя затянущаяся ссылка.

Жизнь в деревне протекала достаточно однообразно, и скоро я потерял счет дням. Но если я

почти перестал думать об Аримане, то этого никак нельзя было сказать о самих неандертальцах.

Однажды утром, когда я собирался на прогулку, меня догнал запыхавшийся Туну.

"Ариман!" - возбужденно передал он.

Я не поверил своим ушам, точнее, тому, что я правильно понял телепатическое сообщение.

"Он что, собирается прийти в деревню?"

"Он уже в пути!"

Я был возбужден не меньше Туну, поэтому в первый момент даже не удивился, что на этот раз улавливаю его мысли совершенно отчетливо.

Почти все население деревни уже собралось на центральной поляне. Гость запаздывал, и я воспользовался подходящим моментом, чтобы узнать как можно больше об интересующем меня человеке.

Ариман был мудрецом, поэтом и философом, чье имя гремело по всему древнему миру.

Разумеется, мне и в голову не приходило, что он может оказаться тем самым Ариманом, с которым я сражался большую часть моей жизни. Но когда я увидел его входившим на центральную площадь деревни, меня поразило его невероятное сходство с моим врагом.

Ариман! Ошибиться было невозможно. Он был выше большинства своих соплеменников и более мощного телосложения. Его глаза светились умом, но это были еще не те огненно-красные, полные ненависти глаза Аримана, поклявшегося уничтожить континуум, которые я привык видеть. Передо мной предстал счастливый человек, переживавший лучшую пору своей жизни, еще не научившийся ненавидеть, еще не помышлявший о мести. Для нее еще не было повода.

Насколько я мог понять, все собравшиеся настойчиво просили его о чем-то, пока он шел к центру площади.

Наконец он улыбнулся и кивком выразил свое согласие. Все присутствовавшие немедленно уселись на землю, один я остался стоять. Наши глаза встретились. Его улыбка не исчезла. В глазах не появилось даже намек на гнев или враждебность. В них не было удивления. Очевидно, его уже успели предупредить, что в деревне находится чужестранец. Возможно, даже сказали мое имя. Но определенно ни мое имя, ни наружность, ни даже мое странное появление пока еще ни о чем не говорили ему. Он не боялся меня. Пожалуй, единственным чувством, отразившимся на его лице, было легкое любопытство.

Присев на землю между Туну и другим молодым парнишкой, я закрыл глаза и сконцентрировал все свои телепатические способности, чтобы лучше уловить слова своего будущего врага.

Как сразу выяснилось, в этом не было абсолютно никакой необходимости. Без сомнения, он оказался самым сильным телепатом, с которым мне когда-либо доводилось иметь дело. Я понимал каждое его слово без малейшего напряжения с моей стороны. Но последующий сюрприз не шел ни в какое сравнение с первым.

Он пел!

Естественно, назвать то, что он делал, пением можно было лишь условно, но по силе своего воздействия на сердца слушателей оно намного превосходило исполнение самых ярких звезд вокала.

Ариман практически не оперировал мелодией и словами, как принято у людей. Он проецировал целые картины непосредственно в мозг, но зато какая это была гармония! Цвет и форма в них переплетались с размышлениями о жизни, философские концепции с поэтическими отступлениями, исторические воспоминания с хроникой недавних событий. Он был одновременно поэтом и путешественником, философом и трубадуром, мечтателем и вестником.

Я повидал все места, где он успел побывать со времени своего последнего посещения деревни: от крайнего севера до знойного юга.

Он поделился с нами своими мыслями, радостями и сомнениями...

Он рассказал о красоте Земли, музыке планет, гармонии звезд, о бескрайних просторах космоса...

Неандертальцы не умели плакать. Но когда Ариман закончил "петь", по моим щекам текли слезы.

46

У неандертальцев не принято аплодировать. Подобные шумные проявления одобрения совершенно не в их духе. Но даже я, с моими ограниченными телепатическими способностями, не мог не ощутить мощной волны восхищения и благодарности, взметнувшейся над поляной. Ариман несколько раз поклонился в знак признательности, после чего толпа медленно разошлась. Мы остались одни.

"Вы Орион?" - мысленно спросил меня Ариман.

Его взгляд, направленный на меня, по-прежнему не выражал ничего, кроме любопытства. Было очевидно, что он никогда не видел меня до сих пор. Из нас двоих только я знал будущее. Я вспомнил, какие чувства обуревали меня, когда я впервые беседовал с ним в его подземном бункере в двадцатом столетии. Тогда я не знал ничего, а он - все. Теперь мы поменялись ролями. И тем не менее меня одолевали сомнения.

"Я в восхищении от вашего пения", - передал я.

"Благодарю вас".

Я нервничал, не зная, что сказать дальше. Насколько глубоко он способен прозондировать мой мозг? Насколько я понял, жители деревни могли читать мои мысли и тем более воспоминания. Это было весьма удобно из соображений безопасности, хотя и создавало определенные трудности при каждодневном общении. Но телепатические способности Аримана не шли ни в какое сравнение с возможностями его сородичей.

"Откуда вы?" - спросил он, еще больше усилив мои сомнения.

Либо он не мог проникнуть в мой мозг, либо был слишком деликатен, чтобы без моего согласия

решиться на такую попытку.

"Издали, – ответил я уклончиво, – хотя наши страны разделены скорее временем, чем пространством. Я из будущего, отделенного многими тысячелетиями от вашего времени".

Его удивление было неподдельным.

"Из будущего?" – мысленно переспросил он.

"Нетрудно заметить, что я принадлежу к другому народу".

"В этом я и не сомневался".

"Мое время отделено от вашего периодом больше чем в сто тысяч лет".

Он с сомнением посмотрел на меня, очевидно приняв меня за сумасшедшего.

"Я говорю правду, – улыбнулся я, – хотя и не знаю, как осуществляются такие путешествия. Меня отправили в ваше время".

"Отправили? Кто? И с какой целью?"

"Тот, кто умеет это делать, – отвечал я уклончиво, полностью проигнорировав его третий вопрос. – Нам с вами предстоит встретиться еще ни один раз в разных эпохах".

"Мне предстоит путешествие в будущее?" – Он был явно захвачен этой идеей.

"Да".

"Вместе с вами?"

Я отрицательно покачал головой.

"Нам не придется путешествовать вместе, но встретимся мы еще не раз".

Он широко улыбнулся.

"Подумать только! Совершить путешествие в будущее! Неужели течение времени можно менять по своему усмотрению, как воды в ручье?"

"Ариман! – Я был просто обязан предупредить его об этом. – Дело в том, что в будущем мы станем врагами".

Его улыбка погасла.

"Что? Но как это может произойти?"

"Каждый раз, когда мы будем встречаться в будущем, я буду пытаться убить вас, а вы меня".

"Но это невозможно!"

Я не сомневался в искренности его слов. Мысль о насилии была столь ненавистна ему, что я невольно содрогнулся, почувствовав силу его отвращения.

"Мне бы очень хотелось ошибаться, – передал я, – но это уже случилось. Несколько раз вам

удавалось убить меня".

Он заглянул мне в глаза. Я понял его вопрос. Утвердительно кивнув, я расслабился, предоставив ему возможность самому получить нужную информацию. Война. Потоп в неолите. Варварская роскошь Каракорума. Технологическое совершенство ядерного реактора.

"Нет! - прошептал Ариман, и его лицо исказилось от невыносимой муки. - Нет!"

Он задрожал. Сейчас я улавливал его мысли так же отчетливо, словно он выкрикивал их в мегафон.

"Этого не может быть... это не могу быть я... только не я... тот, другой безумен... ни один человек не может... ужас... убийство... не я. Только не я!"

Ариман круто повернулся и быстро зашагал, точнее, побежал с поляны.

Я закрыл глаза и попытался собраться с мыслями. Когда я снова открыл их, Аримана нигде не было видно. Несколько жителей деревни стояли у края поляны, с тревогой глядя в мою сторону. Уловили ли они мои мысли или почувствовали реакцию Аримана, не берусь судить. Какая бы судьба ожидала меня, если бы они узнали, что я создан специально для того, чтобы убить их кумира?

Погруженный в свои мысли, я вернулся в дом Тахона.

Туну стоял у подножия дерева, служившего ему домом, и разговаривал со своими друзьями. Он одарил меня обычной добродушной улыбкой и сообщил, что отец отправился в реку собирать фрукты для ночного праздника, устраиваемого в честь Аримана.

Поблагодарив его кивком, я поднялся в дом. Хайяна хлопотала на кухне. Поздоровавшись с ней, я прошел в свою комнату и немедленно уснул.

Проснулся я от легкого прикосновения к моему плечу. Туну стоял у моей постели. Заметив, что я проснулся, он указал на окно. Было уже совсем темно.

"Праздник", - мысленно передал он.

Я был далеко не уверен, что после случившегося сегодня днем Ариман появится на празднике, но послушно поднялся со своего ложа и последовал за моим проводником.

Однако когда мы достигли поляны, Ариман уже сидел на почетном месте среди старейшин. В центре полыхал огромный костер, бросая красные отблески пламени на лица людей.

Подсознательно я подготовился к грохоту барабанов, варварской музыке и танцам у костра. Ничего этого не было и в помине. Неандертальцы сидели вокруг костра, поглощая пищу. Гигантские стволы секвойи, словно колонны храма поднимавшиеся к ночному небу, придавали обстановке торжественный и даже мрачноватый характер.

Разумеется, так только казалось. Даже без особого напряжения я мог принимать обрывки разговоров, песен и веселых шуток молодежи.

Но когда я повернулся в сторону Аримана, то не уловил ничего, кроме тяжелого, угрюмого молчания. Его бесстрастное лицо было словно высечено из камня. Однако старейшины, сидевшие по обе стороны от него, не показались мне особенно обеспокоенными. Очевидно,

наш недавний разговор все еще оставался для них тайной. Просто, с присущим им тактом, они уважали его право на уединение. Несомненно, они рассчитывали и на ответную благодарность с его стороны, но предпочитали не торопить события.

Костер имел чисто обрядовое значение. Вся пища уже была приготовлена женщинами на домашних кухнях. Неандертальцы ели преимущественно овощи, яйца, ягоды, орехи и запивали их фруктовым соком или холодной водой из ближайшего источника. Небольшие кусочки жареного мяса рассматривались как деликатес, приготовленный специально в честь почетного гостя.

Ариман несколько раз в течение вечера бросал взгляды в мою сторону, но ни разу мне не удавалось уловить даже самого короткого послания. Лицо его было мрачным. Я не сомневался, что он уже принял решение на мой счет. Ариман знал, что я не сумасшедший, и рассказал ему всю правду. Вопрос сводился к тому, что он собирался делать.

Когда с едой было покончено, лица всех присутствовавших обратились в сторону гостя. У меня в мозгу зазвучали многочисленные просьбы о новой песне. Долгое время он оставался глух к их призыву, но жители деревни не унимались. Им не хотелось отпускать поэта, не услышав его очередной саги.

Наконец он поднял голову, и хор просьб мгновенно стих. Ариман бросил на меня угрюмый взгляд и медленно поднялся со своего места. Жители деревни дружно вздохнули в предвкушении нового удовольствия. Для многих из них этот глоток воздуха оказался последним в их жизни.

Тонкий красный всполох лазерного ружья вырвался из темноты и пронзил воздух в нескольких дюймах от головы Аримана. Закрыв лицо руками, он бросился в сторону. Еще несколько выстрелов из лазерных ружей разорвали тишину поляны, и я услышал крики солдат, поднявшихся в атаку. Среди деревьев замаячили белые формы легионеров Ормузда.

Вспышки выстрелов из лазерных ружей следовали одна за другой, поражая без разбору мужчин, женщин и детей. Мирный праздник в одно мгновение превратился в кровавую бойню.

Оказалось, неандертальцы тоже умеют кричать. Дикае вопли ужаса и боли разорвали привычную тишину.

Солдат было не более дюжины, но действовали они решительно и беспощадно. Неандертальцы пытались спастись бегством, но лучи настигали их, прожигая насквозь или разрезая на куски. Тахон, сидевший рядом со мной, рванулся к своей дочери в тот момент, когда один из солдат повернул голову в нашу сторону. Заметив меня, он на мгновение заколебался.

Я продолжал оцепенело сидеть на земле, потрясенный хладнокровным истреблением мирных, добрых созданий, свершавшимся у меня на глазах.

Подхватив Йоки на руки, Тахон сделал попытку спастись. Это движение решило его судьбу. Отбросив колебания, солдат поднял ружье. Еще две жертвы упали на землю.

- Нет! - крикнул я, сбрасывая оцепенение. - Прекратите стрелять!

Размахивая руками как безумный, я бросился к убийце. Он сделал попытку отступить в сторону, продолжая целиться в Хайяну, стоявшую над телами дочери и мужа. Я схватился за ствол ружья и сделал попытку вырвать его из рук моего противника. Между нами завязалась борьба. Подоспевший мне на помощь Туну решил ее исход, сбив негодяя с ног.

Я поднял ружье в ту секунду, когда подросток, с пылавшими от гнева глазами, разможил шлем солдата обломком скалы. Он продолжал наносить удары и тогда, когда безжизненное тело врага замерло у его ног.

Повернувшись, я бросил взгляд в сторону поляны, где продолжалась бойня. Несколько десятков мертвых неандертальцев лежали в лужах крови по всей поляне. Солдаты, снова отошедшие под прикрытие деревьев, продолжали хладнокровно расстреливать свои жертвы.

Машинально я поднял ружье к плечу, уже готовый стрелять. Но у меня не хватило духу нажать на курок. Там, за непрозрачными щитками шлемов, могли быть Марек, Лиза или сама Адена. Я не мог стрелять по ним даже ради спасения беззащитных неандертальцев.

Да и были ли они столь беззащитными? Еще один солдат уже лежал на земле, и две собаки рвали его тело. Выскочивший из темноты Ариман сзади напал на третьего и заломил ему руки за спину, тогда как его соплеменник сорвал с солдата шлем и одним ударом разможил ему голову. Ариман поднял с земли ружье и начал стрелять по отступавшим людям.

Скоро на поляне остались только ее хозяева. Несколько минут мы просто стояли, приходя в себя и испытывая страх и гнев. Я насчитал тридцать восемь трупов неандертальцев и три человеческих тела. Отбросив ружье в сторону, я склонился над телом солдата, лежавшего у моих ног. Это была женщина. Ее белокурые волосы пропитались кровью.

Я долго не мог отыскать тело Хайяны, но в конце концов нашел и его, вернее, то, что от него осталось.

Ариман пересек поляну смерти, держа в руке лазерное ружье. Его глаза пылали от гнева и боли.

- Это были ваши люди, Орион, - произнес он, остановившись напротив меня. - Объясни мне, зачем они это сделали.

Что я мог ему ответить?

Я круто повернулся и, оставив за собой деревню неандертальцев, скрылся в темноте леса.

47

Я скрылся в лесу, и меня окутала тьма ночи. Я дрожал не столько от холода, сколько от переполнявшего меня ужаса. Тишина стояла такая, что от нее ломило в ушах.

Не знаю, долго ли я так шел один куда глаза глядят. Я не мог вернуться в деревню и ощутить на себе обвиняющие взгляды ее жителей, наблюдая растущую ненависть и жажду убийства в глазах Аримана.

Наконец я заметил свет, мерцавший прямо впереди меня. Деревья вокруг внезапно расступились и исчезли неизвестно куда, и я снова оказался в уже знакомой мне заоблачной стране без конца и края.

В отдалении я заметил одинокую фигуру женщины, поджидавшей меня. Я знал, что это - Аня. Но у меня не было ни сил, ни желания ускорять свой шаг.

Когда я подошел ближе, я увидел еще одну фигуру, темную и угрожающую. Фигуру Аримана, все еще томившегося в своем энергетическом коконе. Его пылавшие ненавистью огненно-

красные глаза были направлены прямо на меня. Сейчас он выглядел много старше, чем тот человек, которого я покинул всего несколько часов тому назад. Ненависть и боль состарили его куда больше, чем годы.

Лицо Ани было печально.

- Теперь ты знаешь все, - вырвалось у нее.

- Я знаю почти все, - поправил я ее, - кроме самого важного. Зачем все это понадобилось?

- Об этом ты должен спросить у Ормузда.

- Где же он?

Аня слегка пожала плечами и сделала неудачную попытку улыбнуться.

- Здесь, где же еще? Он видит и слышит нас.

- Но ему стыдно встретиться со мной лицом к лицу, - вставил я.

Она не могла скрыть своего крайнего изумления.

- Стыдно? Ему?

Я поднял голову к золотому шару, висевшему у нас над головой.

- Явись, Ормузд. Пришло время подводить итоги. Покажи свое лицо, убийца!

Золотой шар спустился чуть пониже.

- Я здесь, - прозвучал голос.

- Явись в облике человека, - потребовал я, - я хочу видеть твое лицо, его выражение.

- Ты берешь на себя слишком много, Орион! - произнес Ормузд угрожающе.

- Я служил достаточно долго и могу рассчитывать на небольшую поблажку.

Золотой шар исчез и вместо него передо мною возникла знакомая фигура Ормузда. На его губах играла насмешливая, чуть презрительная улыбка.

- Ну что же, если это доставит тебе удовольствие, Орион, - заметил он пренебрежительно.

Я бросил взгляд на Аню. Сейчас ее лицо не выражало ничего, кроме страха.

- Объясните мне, зачем? - потребовал я. - Зачем было устраивать бессмысленную бойню? Эти люди никому не могли причинить вреда.

- Возможно. Безвредные. Миротлюбивые. Превосходно приспособившиеся к окружающим условиям. - Он насмешливо развел руками.

- Зачем было уничтожать их? Зачем было развязывать эту войну?

- Они являлись тупиковой ветвью эволюции, Орион. Они никогда бы не поднялись выше того уровня, которого уже достигли.

- Кто вы такой, чтобы судить?

Он рассмеялся мне прямо в лицо.

- Ты жалкое создание, Орион. Я знаю все! Я проанализировал все возможные варианты сохранения континуума. Неандертальцы прожили бы своей идиллической жизнью отпущенное им время, а потом все одно вымерли бы, как динозавры.

Лицо Аримана выражало невыносимую муку. Он слышал каждое наше слово, хотя не имел возможности пошевелить хотя бы одним мускулом, чтобы добраться до нас.

- Поверь мне, Орион, - продолжал Ормузд авторитетным тоном. - Я проверил все возможные пути эволюции. Я пошел даже на то, чтобы переправить часть неандертальцев на другие планеты, надеясь выяснить, способны ли они эволюционировать. Но результаты всегда оказывались близки к нулю.

- Но даже это не оправдывает массового убийства.

- Ты так думаешь? - рявкнул он. - Они бы все равно вымерли. Рано или поздно. С природой шутки плохи. Я всего лишь немного ускорил этот процесс. Я помог им выбраться из того убожества, в котором они прозябали. Причем куда менее безболезненным путем, чем сделала бы это сама природа.

- Они не жили в убожестве.

Ормузд презрительно отмахнулся.

- Я могу позволить себе небольшое преувеличение.

- Кто дал вам право совершать геноцид? Кто дал вам право распоряжаться жизнью и смертью людей?

Ормузд поднял руку, превратился в шар, и золотое сияние вокруг нас внезапно померкло и пространство пронзили зигзаги молний.

- Право сильного! - прогремел он.

Аня в свою очередь подняла вверх обе руки, и молнии исчезли.

Золотой бог снова принял человеческий облик.

- Я не отрицаю, что и другие имеют какую-то силу, - произнес он, отвечивая в ее сторону шутовской поклон, - но никакая сила не может сравниться с моей.

Аня перевела взгляд с Ормузда на меня.

- Спроси его, почему он решил уничтожить неандертальцев, Орион. Не дай ему возможности уйти от ответа. Спроси его снова.

- Да, - согласился я. - Я хочу знать, почему вы это сделали.

- Потому, что я так решил, - высокомерно произнес он.

- Это не ответ, - возразил я.

- Ваши ученые уже больше столетия спорят о путях эволюции, Орион. Так знай. Эволюция - это я! Я решаю, кому жить, а кому умереть в вашем маленьком мире.

Я бросил быстрый взгляд на Аню, и она кивком выразила мне свое одобрение.

- Возьмем многообещающую маленькую планету под названием Земля, - продолжал Ормузд. - Она была заселена смышленными двуногими существами. Они выработали в себе способность прямого мысленного общения, научились контролировать животных и растения, в совершенстве адаптировались к местным условиям. Какая скука, Орион. Скука и полная бессмысленность. Они бы никогда не смогли развиваться дальше.

- Зачем им было...

Он не дал мне закончить мой вопрос.

- Поэтому я просто стер всякое упоминание о них с моей грифельной доски. Возможно, кому-то это покажется излишне грубым, но мне следовало так поступить. Я создал расу солдат и воинов и поручил им грязную работу - очистить Землю от туземцев. Ты тоже принадлежишь к их числу, Орион. Все вы, люди, созданы для убийства. Оно у вас в крови. Вы находите в нем удовольствие. А когда у вас не отыскивается подходящего повода убивать себе подобных, вы истребляете незащитных животных, живущих вместе с вами. Вы все могучие охотники, Орион, каждый из вас.

При этих словах я вспомнил, с какой легкостью, без особых раздумий, я убивал своих и чужих врагов, оказываясь с ног до головы в крови. Я чуть не задохнулся от стыда и гнева на бога, который сотворил меня таким.

- Поэтому я поручил вам истребить неандертальцев. У меня были и другие творения, подобные вам, которым я дал задание построить огромные машины на Титане, спутнике Сатурна. Машины, способные изменить интенсивность излучения Солнца настолько, чтобы вызвать на Земле ледниковый период. Ледники должны были довершить начатую работу и окончательно очистить планету от туземцев, а заодно и от остатков карателей, которых я создал для их истребления.

- Но получилось ведь совсем по-другому.

- Ты прав. - Ормузд даже развеселился. - Ты помог им выжить. Ты научил кровожадных воителей, как приспособиться к жизни на Земле. Вместо армии убийц, обреченных на самоуничтожение, я получил человечество, способное к развитию и самоусовершенствованию. И все благодаря тебе, Орион.

Итак, предполагалось, что все мы должны погибнуть в течение ледникового периода. У меня было такое ощущение, словно я вывалился в грязи.

- Конечно. Я собирался расселить на Земле расу сверхлюдей. У тебя не хватит воображения, чтобы представить себе всю грандиозность моего замысла. Ангелы, которых сотворила ваша убогая фантазия, ничто по сравнению с теми существами, которых я намеревался создать.

- Но люди выжили, - прервала его Аня голосом, твердым и холодным как сталь, - и завоевали Землю. И вы сами сделали их такими замечательными воинами, что теперь вам не удастся избавиться от них.

- Да, - согласился Ормузд, бросая на меня оценивающий взгляд. - Примерно в то же время мне

стало известно о существовании еще и этого, – он кивнул златокудрой головой в сторону капсулы с Ариманом, – который сумел не только спастись, но и каким-то образом обрести власть, почти равную моей.

– И тогда вы сотворили меня, – вздохнул я.

– Я создал тебя для охоты за Ариманом, дабы ты обезвредил его прежде, чем он найдет способ уничтожить мое творение. Пожалуй, я немного перестарался.

Голова у меня шла кругом.

– Но если вы знали это все, если просчитали все возможные варианты континуума, то вам заранее было известно, что должно произойти?

– У тебя линейное мышление, Орион, – остановила меня Аня. – События совершаются параллельно, а не в прямой последовательности. Из вашего опыта следует, что время течет от прошлого через настоящее к будущему. На самом деле все происходит одновременно. Завтра и вчера сосуществуют.

– Я до сих пор не понимаю...

– Тебе и не обязательно понимать, – оборвал меня Ормузд. – Важно, ты сумел, хотя и с ошибками, сделать то, что от тебя требовалось. Ариман оказался в ловушке и останется в ней навсегда. Континуум в безопасности.

– Это ты в безопасности, – поправила его Аня.

– И вы, – усмехнулся он.

Аня снова повернулась ко мне.

– Ты так и не получил ответа на свой главный вопрос, Орион. Почему он сделал это? Ормузд постоянно уходит от ответа на него.

Я почувствовал свою полную беспомощность.

– Должна я сама сказать ему? – спросила Аня Ормузда.

Он величественно скрестил руки на груди.

– Ты так или иначе сделаешь это, что бы я ни посоветовал.

Улыбка Ани была вызывающей и одновременно горькой.

– Он сотворил тебя, все человечество потому, что без вас, людей, *мы*, боги, никогда бы не могли существовать!

Я слышал ее слова, но их смысл оставался для меня туманным, словно она не сказала ничего.

– Ормузд понимал, что если неандертальцы так или иначе вымрут, то он останется ни с чем. Поэтому он сотворил людей, чтобы они истребили неандертальцев и расчистили путь для новой расы...

– Еще лучшей, чем ангелы, – пробормотал я.

- ...Но сами люди внесли коррективы в его планы, - продолжала Аня, - они научились направлять собственную эволюцию, перестраивать гены своих клеток. Они уже готовы взять на себя заботу о собственной судьбе. Через много тысячелетий вы измените себя настолько, что *превратитесь...* в богов.

- Мы станем богами?

- Вы эволюционируете в существ, подобных нам, - поправила меня Аня, - существ, которые состоят из чистой энергии и способны за счет полного контроля над ней принимать любую форму по своему желанию, которые понимают суть континуума и способны перемещаться по времени и пространству так же свободно, как сейчас вы пересекаете лес.

Я повернулся к Ормузду.

- Что вы скажете на это?

Он нахмурился:

- Мы сотворили вас.

- Теперь ты понимаешь, почему Ормузду понадобилось уничтожить неандертальцев? Если бы они продолжали жить, если вы, люди, не были созданы, *мы сами никогда бы не могли существовать.*

- Но вы уже существуете!

- Да, но все мы связаны безжалостными законами, которые диктует нам континуум. Ормузд должен был сделать то, что он сделал, иначе континуум уже бы разрушился.

В голове у меня стоял полный хаос.

Прошлое и будущее, жизнь и смерть, планеты, звезды, галактики, черные дыры... Никогда еще за один раз на меня не обрушивалось столько новой информации сразу.

- Все это правда, Орион. - Холодный голос Ани вернул меня к реальности, если так можно назвать то, что я видел вокруг.

- Теперь ты понимаешь, что все мои действия были оправданны? - услышал я голос Ормузда.

- Неандертальцы должны были умереть, чтобы мы могли жить и со временем превратиться в вас?

Ормузд мрачно кивнул.

- Все получилось несколько не так, как я планировал. Но думаю, что и этот вариант должен сработать.

У меня не хватило духу посмотреть на капсулу, в которой был заключен Ариман. Вместо этого я задал следующий вопрос:

- И что же теперь произойдет со мной?

Лицо Ормузда неожиданно просветлело. Он снова почувствовал себя всемогущим и милосердным творцом.

- Я подарю тебе новую жизнь, Орион. В любой эпохе по твоему выбору.

- А затем смерть?

- Будь благоразумен. Чего тебе еще надо? Если ты выберешь соответствующую эпоху, твоя жизнь может продлиться несколько столетий!

- А ты? - спросил я Аню.

- Да, мы эволюционировали из людей, Орион, - ответил вместо нее Ормузд, - но мы уже не люди, как и вы - не человекообразные обезьяны.

- Следовательно, мне предстоит прожить жизнь без вас? - продолжал я, игнорируя слова Ормузда.

- Я могу дать тебе больше, чем одну жизнь, - продолжал уговаривать меня Ормузд. - Ты сможешь прожить несколько тысячелетий, если тебе захочется.

Аня продолжала молчать, и мое сердце упало.

- Одна жизнь или несколько, какая мне разница, если мне придется прожить их без вас?

Она сделала шаг ко мне, но я уже повернулся к вечной темнице Аримана.

- И ради этого я помог вам уничтожить целый народ? Ради этого я обрек Аримана на вечные страдания?

- Ты спас человечество, - резко возразил Ормузд.

- Я спас вас и вам подобных. Освободите его! Насколько я понимаю, это в вашей власти, - взмолился я, поворачиваясь к Ане.

Она непонимающе уставилась на меня.

- Что ты сказал? - яростно крикнул Золотой бог.

- Освободите Аримана, - повторил я. - Убейте меня, если я вам больше не нужен, но верните ему его жизнь и его народ.

- Никогда! - рявкнул Ормузд.

- Даже если это означает конец всего, освободите его, - продолжал умолять я. - Позвольте ему и его народу жить на Земле. Верните ему свободу, а им жизнь.

- Это уничтожит всех нас, - взревел Золотой бог. - Я не допущу этого.

- Если уж мы не можем жить вместе, - закончил я, обращаясь к Ане, - давай хотя бы умрем вместе.

Ее глаза сверкнули. Она посмотрела на меня, затем на Ормузда и, наконец, перевела взгляд на Аримана.

- Нет! Не делайте этого, - крикнул Золотой бог. - Телепатия... Он уже знает все то, что известно нам... даже о континууме.

- Конечно, - согласилась Аня, - он знает все.

- Он использует свое знание, чтобы уничтожить континуум! - Голос Ормузда звучал уже на грани истерики.

- Орион прав, - возразила Аня так же спокойно, как если бы она обсуждала проблемы абстрактной философии. - Народ Аримана имеет право на жизнь. А мы... и без того существовали слишком долго.

- Я не допущу этого! - завопил Ормузд, вновь преображаясь в сверкающий золотой шар.

Но Аня, продолжавшая оставаться в человеческом облике, уже протянула руки в сторону кокона Аримана.

Раздался взрыв. Все вокруг нас мгновенно превратилось в огненный ад. Освобожденный поток энергии был настолько велик, что, казалось, само мое тело взорвалось, словно чудовищная термоядерная бомба.

Лишенный физической оболочки и, естественно, глаз, я каким-то образом сумел увидеть, что наша вселенная превратилась в черную дыру, в которой в один момент исчезли планеты, звезды и целые галактики...

Но тут же, вслед за чудовищным взрывом, где-то в глубине черной дыры возник бесконечно малый зародыш нового мироздания.

Эпилог

(Эпилог первой книги из тетралогии об Орионе одновременно является прологом ко второй)

Я не супермен, но обладаю способностями, превышающими возможности обыкновенного человека. Однако во всем остальном я такой же, как все, и смертен, как любой другой житель Земли.

Но я одинок. И прожил так всю свою жизнь. Сны мои туманят странные видения; а когда я пробуждаюсь, их сменяют неясные воспоминания о загадочных событиях и таинственных происшествиях, настолько фантастических, что породить их может лишь измученный одиночеством, углубившийся в подсознание разум.

В тот день я, по обыкновению, предпочел оттянуть мой ленч по меньшей мере на час и направился в небольшой ресторанчик, где обедал почти каждый день. В одиночестве. Я сел за свой любимый столик и не торопясь принялся за еду, нисколько не сожалея о том, что скорее всего это последний ленч в привычной для меня обстановке.

Мой столик находился прямо напротив входа в ресторан, и я, при всем желании, не мог не заметить ее, хотя и сомневаюсь, что нашелся бы мужчина, способный на такую рассеянность.

Она была прекрасна: высокая и грациозная, с волосами черными словно полночь и огромными серыми глазами, в которых будто бы притаилась загадочная бесконечность.

- Аня, - прошептал я, хотя минуту назад не имел представления, кто передо мной. И тем не менее нечто в глубине моего сознания подсказывало мне, что я знал ее целую вечность.

Я ничуть не удивился, когда она, улыбаясь, подошла к моему столику, и поднялся, ощущая

одновременно и радость, и смущение.

- Здравствуй, Орион, - сказала она, протягивая мне руку.

Я галантно склонился, чтобы поцеловать ее изящные пальчики, и предложил ей сесть. Приблизился робот-официант, и она заказала бокал красного вина.

- Мне кажется, что я знаю вас всю жизнь, - пробормотал я.

- Больше, чем одну, - поправила она меня голосом мягким и мелодичным, от которого повеяло летним теплом. - Неужели ты опять все забыл?

Я озабоченно уставился на нее, пытаюсь сосредоточиться... Вихрь воспоминаний закружил меня столь внезапно, что у меня перехватило дыхание. Я увидел сверкающий золотой шар, черного и грозного человека, лес гигантских секвой, пустыню, исхлестанную ветрами, мир вечных льдов, окутанный бесконечным мраком, и ее, эту женщину в блестящем серебристом костюме.

- Я помню... смерть. - Голос мой сорвался. - Пространственно-временной континуум перестал существовать. Земля... вся вселенная превратилась в черную дыру.

Она серьезно кивнула.

- Ты видел конец старого и начало нового цикла расширения вселенной. Случилось то, чего не предвидели ни Ормузд, ни Ариман. Континуум не разрушился, он только видоизменился.

- Ормузд, - повторил я, - Ариман.

Эти два имени вызвали у меня новую цепь ассоциации. Я ощутил гнев, смешанный со страхом и скорбью, но не мог вспомнить, кем были те, о ком упомянула Аня, и почему их имена вызвали во мне столь сильные чувства.

- Они до сих пор враждуют, - сказала она. - Но теперь они знают благодаря тебе, Орион, что континуум так просто не уничтожить...

- Я вспомнил все свои прошлые жизни, - произнес я с торжеством. - И тебя в каждой из них.

- А теперь я буду с тобой и в этой.

- Как я любил тебя тогда!

Ее лицо озарила улыбка.

- А сейчас ты меня любишь?

- Да! - ответил я совершенно искренне, чувствуя, что и в самом деле люблю ее всем сердцем.

- Я тоже люблю тебя, Орион. Всегда любила и буду вечно любить. Даже в смерти и бесконечности...

- Но я скоро улетаю, - произнес я в полном отчаянии.

- Я знаю.

Над ее плечом, за окном ресторана, я видел низко висевший над горизонтом тонкий полумесяц Сатурна. Узкая линия колец наискось рассекала его. У самой поверхности Титана как всегда клубилась оранжевая дымка. Высоко в небе кружил звездолет нашей экспедиции, ожидавший только разрешения на старт.

- Полет продлится около двадцати лет, - грустно сказал я.

- Я знаю. Вы летите в систему Сириуса.

- Это долгий путь.

- Не более долгий, чем те, что мы уже прошли, Орион, - возразила Аня, - или те, которые нас еще ожидают.

- Что ты хочешь сказать?

- Я объясню тебе во время путешествия, - усмехнулась она. - У нас будет сколько угодно времени, чтобы строить планы на будущее и вспомнить прошлое.

- Значит, ты тоже летишь? - Сердце мое подпрыгнуло от радости.

- Конечно. - Она весело рассмеялась. - Орион, мы с тобой пережили гибель и возрождение нашей вселенной, разделили не одну жизнь и смерть... Неужели после всего этого я соглашусь расстаться с тобой хотя бы на миг?

- Но я не видел тебя ни на одном из собраний экипажа. Твоего имени даже нет в списках!

- Уже есть. Мы вместе полетим к звездам, любимый, впереди у нас долгая интересная жизнь. Быть может, и не одна. И помни, что бы ни случилось, мы всегда будем рядом.

Я встал и, перегнувшись через стол, поцеловал ее в губы. Мое одиночество кончилось. Теперь меня ничто не могло испугать в этом мире. Я готов был бросить вызов всей вселенной.